

П. П. СЕВОСТЬЯНОВ

Империонистская
ПОЛИТИКА

С Ш А
НА ДАЛЬНОМ
ВОСТОКЕ

П. П. СЕВОСТЬЯНОВ

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ
ПОЛИТИКА
С Ш А
НА ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ

(В КИТАЕ И КОРЕЕ
В 1905—1911 гг.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1958

ВВЕДЕНИЕ

Китай — великая страна. Его необъятные просторы, громадное население, неисчерпаемые естественные ресурсы издавна привлекали к себе взоры империалистов, стремившихся обогатиться за счет талантливого и трудолюбивого китайского народа.

На протяжении многих десятилетий Китай был объектом агрессивных устремлений колониальных держав, причиной ожесточенной борьбы империалистов на Тихом океане. Эксплуататорские классы передовых капиталистических стран Европы и Америки считали так: кто поработит китайский народ, тот будет решать все дела народов Востока, как экономические, так и политические.

Пользуясь слабостью феодального Китая, империалистические державы к началу XX века захватили серьезные позиции в его экономике и политике, в идеологической жизни китайского общества.

Правящие круги Англии, Франции, США, Японии, царской России, Германии и других стран навязали Китайской империи неравноправные договоры, по которым иностранные государства получили право держать в Китае свои военно-морские и наземные вооруженные силы. Державы приобрели право консульской юрисдикции для иностранных подданных, проживающих в Китае¹. Страна

¹ Впервые право консульской юрисдикции установлено китайско-английским соглашением в 1843 г. Оно подтверждено было китайско-американским договором, заключенным в 1844 г. в Ваняе, а также всеми последующими договорами, заключенными с Китаем, Францией, Германией, царской Россией и другими капиталистическими государствами.

оказалась разделенной на сферы влияния иностранных государств¹.

Империалисты отторгли, или «арендовали», значительные по размеру исконно китайские территории: Япония — остров Тайвань, Пэнхуледао (Пескадорские острова), Порт-Артур; Англия — остров Гонконг и порт Вейхайвей; Франция — Гуанчжоувань; Португалия — Макао и др. Помимо этого, Китай выплачивал огромные контрибуции Японии, Англии, США, царской России, Франции, Германии и др.

Высокоразвитые капиталистические страны навязали Китаю кабальные займы и по существу установили контроль над финансовой системой страны.

Внешний долг, образовавшийся у Китайской империи за период с 1893 по 1911 г., достигал (вместе с «боксерской» контрибуцией) колоссальной суммы — 2027 млн. долл. Вытекавший отсюда хронический бюджетный дефицит мог быть покрыт либо путем увеличения налогов на китайское население, либо все новыми и новыми иностранными займами. Цинское правительство в последние годы правления находилось не только на грани политического краха — оно было на краю финансового банкротства.

Цинская династия, опираясь на феодальные и другие реакционные силы внутри страны, начиная со второй половины XIX века проводила антинациональную внешнюю политику. Она торговала интересами китайского народа с целью сохранить и упрочить феодальную систему в Китае.

Иностранные капиталисты добились получения крупнейших железнодорожных концессий и концессий для строительства других экономически важных объектов.

Империалистические державы хозяйничали в торговле Китая. Захватив в свои руки внешнюю торговлю страны, они превратили Китай в рынок сбыта огромного количества своих товаров, главным образом залежалых промышленных изделий. В то же время они вывозили отсюда цен-

¹ Средняя часть бассейна реки Янцзы была сферой влияния Англии; провинции Юньнань, Гуанси и Гуандун — сферой влияния Франции; провинция Шаньдун — сферой влияния Германии; провинция Фуцзянь и южная часть Трех восточных провинций (после русско-японской войны 1904—1905 гг.) — сферой влияния Японии; северная часть Трех восточных провинций (после русско-японской войны 1904—1905 гг.) была сферой влияния царской России.

ное сырье и продовольственные товары. Так, например, если в 1898 г. импорт Китая составлял 209,6 млн. таэлей, то за первое десятилетие XX века он увеличился более чем в 2 раза, достигнув в 1910 г. 462,9 млн., а в 1913 г. — 570 млн. таэлей. Экспорт возрос с 159 млн. таэлей в 1898 г. до 381 млн. в 1910 г. и до 403,3 млн. таэлей в 1913 г.¹

Картина вторжения иностранного капитала в Китай еще более наглядна в области капиталовложений, так как после японо-китайской войны 1894—1895 гг. ввоз капитала великими державами в Китай становится важным средством иностранной экономической агрессии. Общая сумма иностранных капиталовложений в Китае поднялась с 750 млн. долл. в 1900 г. до 1650 млн. в 1914 г.²

Засилье империалистов явилось серьезным фактором, сковывавшим развитие промышленности и сельского хозяйства Китая. Империалисты и их агентура, поставив под свой контроль китайскую внешнюю торговлю, держали цены на сельскохозяйственное сырье на низком уровне. При разработке горнорудных концессий, строительстве железных дорог и иных «цивилизаторских» начинаниях подобного рода иностранные монополисты сгоняли массу крестьян с насиженной земли, не оказывая им никакой материальной помощи.

Экономическое положение трудящегося крестьянства — основного класса китайского общества, класса-производителя, было настолько бедственным, что многие миллионы крестьян постоянно голодали и смерть косила их десятками тысяч.

Вследствие бешеной конкуренции империалистических держав в области торговли и инвестирования капитала в промышленность и другие отрасли китайской экономики национальная китайская буржуазия оказалась второстепенным участником всех деловых и финансовых операций в стране. Капиталовложения китайской национальной буржуазии находились главным образом в слабо развитой легкой промышленности, которая не играла

¹ *Remer C. F.*, *The Foreign Trade of China*, Shanghai, The Commercial press, 1926, p. 246—247.

² *Remer C. F.*, *Foreign Investments in China*, New York 1933, p. 58.

решающей роли в деле укрепления независимого, самостоятельного, суверенного государства. «...Империализм, войдя в сговор с феодальными силами, подавлял развитие китайского капитализма»¹, — говорил тов. Мао Цзэ-дун.

С помощью усиленного ввоза в Китай промышленного и особенно ссудно-ростовщического капитала империалистические державы не только овладевали естественными ресурсами этой страны (уголь, железо и пр.), закрепляли свое господство на китайском рынке, но и целиком подчинили себе феодально-бюрократическую верхушку Китая, используя ее как орудие осуществления своих грабительских планов.

Кабальные займы, выгодные только эксплуататорскому меньшинству, поставки материалов для строящихся под иностранным контролем на китайской территории железных дорог, использование таможенного аппарата для обеспечения интересов кредиторов Китая, засилье иностранных советников в государственном аппарате — все это окончательно превращало Китай в полуколонию. «После опиумной войны 1840 года, — отмечает тов. Мао Цзэ-дун, — он (Китай. — П. С.) постепенно превратился в страну полуколониальную и полуфеодальную»².

Политика капиталистических держав в области идеологии также была направлена на то, чтобы сохранить зависимость китайского народа от империалистов. Она имела целью создание послушных иностранцам кадров китайской интеллигенции и одурманивание широких слоев китайского народа путем миссионерской деятельности, привлечения китайской молодежи в учебные заведения за границей; создание различного рода учебных заведений в стране; издание газет, журналов, служащих интересам империалистов, и т. д.

История превращения Китая в полуколонию есть в то же время история борьбы великого китайского народа против империализма и феодализма. Засилье иностранных держав в Китае, задерживавшее страну на низком уровне развития производительных сил, с незначительной промышленностью, деградирующим сельским хозяйством,

¹ Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, М. 1953, стр. 144.

² Там же, стр. 142.

огромной смертностью голодающего населения, а также реакционная политика правящей феодальной клики, выступавшей пособником империалистов, не могли не вызвать и в действительности вызвали в китайском народе все возраставшую острую ненависть к иностранным работодателям и феодализму, «ибо угнетение наций империализм обостряет, а вследствие этого не только возможны и вероятны, но прямо неизбежны национальные восстания и национальные войны...»¹

На протяжении многих десятилетий китайский народ не раз поднимался на борьбу против иноземных врагов, против феодальных порядков. Эта борьба берет свое начало со времени колониальных опиумных войн, вызвавших массовое народное движение.

В крестьянской войне в Китае, известной под названием тайпинского восстания (1850—1864 гг.), вспыхнувшей восемь лет спустя после первой опиумной войны (1839—1842 гг.), остро проявились непримиримые противоречия между господствовавшим классом помещиков и угнетенным классом китайского крестьянства. Феодальные силы Китая объединились с иностранными агрессорами в совместной борьбе против тайпинского восстания.

В зверском подавлении стихийного народного восстания тайпинов, которое завершилось лишь в 1864—1866 гг., активное участие принимали не только правящие круги Англии и Франции, но и Соединенных Штатов Америки.

Национально-освободительное движение китайского народа против иностранного вмешательства во внутренние дела Китая, против политики подчинения страны иностранному капиталу, а также против феодализма усилилось в конце XIX — начале XX века. Поражение в японо-китайской войне, приведшее к неравноправному для Китая Симоносекскому договору (1895 г.), а затем раздел Китайской империи на сферы влияния империалистических государств вызвали усиление антиимпериалистического движения китайского народа, что нашло выражение в восстании Ихэтуань (1900—1901 гг.) и в других выступлениях трудящихся масс Китая.

Восстание Ихэтуань показало империалистам, как отмечал китайский историк Фань Вэнь-лань, силу китайско-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 134.

го народа, «безграничный гнев, который таят в себе народные массы Китая»¹. Восстание было подавлено объединенными усилиями империалистических держав. Однако державы были вынуждены отказаться от осуществления коварных планов полного расчленения Китая. Эти планы оказались сорванными в результате самоотверженной борьбы героев Ихэтуань и обострившейся грезни между империалистическими державами за «свою» долю в грабеже китайского народа.

Тяжелое бремя контрибуции, наложенной на китайский народ «Заключительным протоколом 1901 г.», и фактическая утрата Китаем суверенитета «вызвали в народе всеобщую ненависть к маньчжуро-цинскому правительству»².

Первое десятилетие XX века характеризовалось нарастанием революционных событий в Китае, Корее и в других странах Азии. В монографии, посвященной политической жизни Китая в период революции 1911 г., китайский историк Ли Шу отмечает, что начало XX века ознаменовалось для Китая «крайним обострением национального кризиса и стихийным сопротивлением всех социальных групп населения силам реакции»³. Активную деятельность развертывают в то время буржуазные революционеры, во главе которых стал доктор Сунь Ят-сен.

Пробуждение народов Востока к политической жизни происходило под непосредственным влиянием первой русской революции. Революция 1905—1907 гг., направленная против русского царизма и серьезно поколебавшая эту, как казалось народам Азии, несокрушимую силу, объективно наносила удар китайской, иранской, турецкой феодальной реакции. Реакционные круги в этих странах пользовались всесторонней поддержкой царского самодержавия, как и империалистов других стран.

«Русская революция, — пишет Ли Шу, — и растущее со дня на день движение сопротивления китайского народа в огромной степени воодушевляли китайских революционеров»⁴.

¹ Фань Вэнь-лань, Новая история Китая, т. 1, М. 1955, стр. 579.

² Ли Шу, Политическая жизнь Китая в период революции 1911 года, М. 1956, стр. 38.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 49.

Удар революционной России по царизму был одновременно ударом по всей системе империализма. Революция в России вдохновляла народы Азии, в том числе и революционные силы Китая и Кореи, на борьбу с внутренней феодальной реакцией и иностранными империалистами, игравшими важную роль в судьбах господствовавших феодальных классов азиатских стран, в сохранении и восстановлении «старого крепостничества в Азии»¹.

Вслед за революционной бурей в России демократическая революция охватила многие страны Азии — Турцию, Персию, Китай.

Буржуазные правительства, как отмечал В. И. Ленин в 1908 г., «из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии»².

Несмотря на острые противоречия в Китае между империалистическими державами, США, Англия, Франция, царская Россия, Германия, Япония и др. стремились по возможности объединить и консолидировать свои усилия в подавлении революционного движения китайского народа.

С целью ограбления китайского народа и подавления его революционного движения, а также народов соседних с ним стран империалисты США, Англии, Франции, царской России, Японии заключали между собой целый ряд сделок, открытых и тайных: американо-японское (Тафт—Кацура) соглашение 1905 г. и соглашение 1908 г. (Рут—Такахира); англо-японский договор 1905 г.; франко-японское соглашение 1907 г.; русско-японские политические соглашения 1907 и 1910 гг. и др.

Этой же задаче служили и различного рода международные финансовые союзы, как например Международный банковский консорциум, в котором США пытались захватить руководящую роль.

Прорывавшиеся наружу могучие революционные силы китайского народа представляли грозную опасность для интересов империалистических держав. Когда в 1911 г. в Китае разразилась революция, внимательно следивший за ходом международных событий царский посол в Вашинг-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 546.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 199.

тоне сообщал в Петербург: китайская революция волнует и озабочивает кабинеты буржуазных стран¹.

Напуганные размахом китайской революции 1911 г., империалистические государства готовы были осуществить свои давние вожеления в отношении Китая соответственно собственной силе. По ряду соображений империалисты оказались в тот период вынужденными проводить так называемую политику «нейтралитета». Но заявление о «нейтралитете» ни в коей мере не выражало истинной позиции США и других великих держав в отношении китайской революции 1911 г.

Американские империалисты вкупе с империалистами других стран, провозгласив политику «нейтралитета», сделали все от них зависящее, чтобы поддержать реакционные силы китайского общества и ослабить революционное, демократическое движение китайского народа.

В целях подавления революции в Китае правительства великих держав (участники Международного банковского консорциума) заключили соглашение о предоставлении маньчжурскому правительству крупного займа на сумму в 25 млн. ф. ст.

Резко критикуя это соглашение о займе, В. И. Ленин разоблачал эксплуататорские классы Европы, «командующую буржуазию», которая из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое.

«И едва ли можно привести более разительный пример, — указывал Ленин, — этого гниения *всей* европейской буржуазии, как поддержка ею *реакции* в Азии из-за корыстных целей финансовых дельцов и мошенников-капиталистов.

В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции». Далее В. И. Ленин отмечал: «Новый китайский заем заключен *против* китайской демократии: «Европа» за Юань Ши-кая, готовящего военную диктатуру...

Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия

¹ См. «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства», серия II, т. XVIII, ч. II, Госполитиздат, 1938, стр. 247.

в союзе со всеми силами реакции и средневековья в Китае»¹.

Империалистические державы помогали прогнившей маньчжурской династии и всей китайской реакции расправляться с революционерами. Они организовали по существу заговор против китайской революции. Они были обеспокоены не только опасностью утратить в связи с революцией свои позиции в Китае. Они боялись равным образом за целостность «своих» находившихся по соседству с Китаем азиатских колониальных владений.

* *
*

В настоящей работе автор поставил перед собой задачу изучения некоторых аспектов политики Соединенных Штатов Америки на Дальнем Востоке, и в первую очередь в Китае и Корее, в эпоху пробуждения народов Азии. Книга охватывает период с 1905 г. (после русско-японской войны) до китайской революции 1911 г.

Автор стремился вскрыть сущность американской политики в отношении Китая и Кореи, изложить конкретные формы и методы осуществления дальневосточной политики руководящих кругов США, показать все ханжество и лицемерие, столь свойственные американской дипломатии уже на этой стадии империалистической внешней политики США.

Американская историография, как и вся буржуазная историческая литература в США вообще, стоит на позициях защиты интересов финансового капитала, ставит своей задачей апологию колониальной экспансии американского империализма. Вот почему «в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров»² агрессивная политика США в Китае, Корее и в других странах являлась «культурной», «цивилизаторской», «прогрессивной» миссией.

Поэтому актуальной является задача разоблачения истинной, колонизаторской сущности американской империалистической политики в Китае, тщательно вуалируемой словами о «дружбе», «добродетели» и т. д.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 77—78.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 178.

Внешняя политика Соединенных Штатов Америки рассматривается в работе как по дипломатической, так и по экономической линии. При анализе дипломатических маневров США на Дальнем Востоке рассматриваются причины, сближавшие США и Японию, а также факторы, приведшие к углублению противоречий между этими молодыми в то время империалистическими государствами, которые позднее других пришли «к столу капиталистических яств». В работе делается попытка осветить роль китайского и корейского народов — действительных творцов своей истории — в международных событиях.

При рассмотрении внешней политики США не следует забывать того обстоятельства, что американским империалистам, как и империалистам любой другой страны, свойственно стремление к монопольному владению сферами приложения капитала, источниками сырья, рынками сбыта.

Агрессивные замыслы США в отношении Китая росли по мере того, как рос и укреплялся американский капитализм, давно питавший надежды захватить Китай и создать Тихоокеанскую империю под эгидой магнатов Уолл-стрита. Это обстоятельство наряду со стремлением подавить пробуждение народов Азии к борьбе за независимость являлось главной движущей силой американской политики в отношении Китая и Кореи.

Покорение богатой и обширной страны стало предметом конкурентной борьбы, в первую очередь между великими державами, важным звеном внешней политики Великобритании, Японии, Соединенных Штатов Америки и др. В период со второй половины XIX века вплоть до окончания русско-японской войны основным направлением политики США на Дальнем Востоке являлась политика поощрения японского империализма. «Крестными отцами новой Японии были дядя Сэм и Британия»¹, — писал Черчилль о Японии конца XIX и начала XX века.

Можно согласиться с мнением китайского историка Цин Жу-цзи, который говорит о необходимости ясно представлять себе, что основная политическая линия США, продиктованная стремлением «поставить Японию на ноги и превратить ее в базу американской агрессии против

¹ Churchill W. S., The Second World War, vol. III. The Grand Alliance. London, Toronto, Melbourne, Sydney 1950, p. 515.

Китая, в базу завоевания гегемонии в Азии, с 1854 года, когда Япония была «открыта» коммодором Перри, и до 1905 года, то есть до окончания русско-японской войны, проводилась последовательно и неизменно»¹.

Политика поощрения Японии со стороны США наиболее ярко проявилась во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Узлы дружбы американского и русского народов, а также значение русского государства в международной жизни не давали правящим кругам США возможности выступить совершенно открыто на стороне Японии, против России. Однако вся деятельность американских империалистов на Дальнем Востоке в это время характеризовалась резкой антирусской направленностью, помощью японскому агрессору и поощрением его.

Правительство США во главе с Т. Рузвельтом, заявив официально о своем нейтралитете в русско-японской войне, оказывало дипломатическую, финансовую и другую помощь Японии, действуя тайно, а подчас и полуофициально. «Весьма вероятно, — писала газета «Нью-Йорк таймс» в 1910 г., — что без помощи США финансовые планы Японии провалились бы и сама война сделалась бы невозможной»².

Портсмутский мирный договор, к выработке которого значительные усилия приложила американская дипломатия, давал Японии право захвата Кореи, Порт-Артура, Дальнего, южной части русского острова Сахалин и прилегающих к нему островов. Тем самым по существу закрывался выход для русского государства в Тихий океан.

По расчетам США, русско-японская война должна была значительно ослабить не только Россию, но и Японию. Американские правящие круги стремились к тому, чтобы «территориальный антагонизм между Японией и Россией не исчез и явился бы рычагом в дальнейшей политике США в Китае»³. Они полагали, что после войны главным в японо-русских отношениях будут противоречия между Россией и Японией на Дальнем Востоке, что дало бы им возможность, играя на этих противоречиях, проводить на

¹ Цин Жу-цзи, История американской агрессии на Тайване, М. 1956, стр. 52.

² «New York Times», March 9, 1910; «Japan and the United States».

³ Б. А. Романов, Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг., М.—Л. 1955, стр. 583.

Дальнем Востоке империалистическую политику, выгодную американским монополиям.

США надеялись использовать для экспансии американского капитала территории, отошедшие под контроль и влияние Японии по Портсмутскому мирному договору. Помогая Японии захватить Корею и установить японское влияние в Южной Маньчжурии, американская буржуазия рассчитывала вслед за японскими войсками проникнуть на захваченные ими территории и при помощи доктрины «открытых дверей» и «равных возможностей», опираясь на свою экономическую и финансовую мощь, установить на всем Дальнем Востоке свое монопольное господство. Кроме того, поощряя Японию в войне против России, США рассчитывали таким путем отвлечь угрозу японской агрессии от дальневосточных американских владений и, в частности, от Филиппин, захваченных США.

Американские империалисты намеревались использовать Японию как противовес другим империалистическим державам и как возможного союзника в борьбе за установление господства над Китаем и другими странами Азии, действуя по принципу «покорения азиатов руками самих азиатов».

США стремились проводить во внешней политике линию на то, чтобы нарушить нормальные взаимоотношения Японии с Китаем, руководствуясь при этом принципом «разделяй и властвуй». В этом причина того, что американский империализм шантажировал и цинский режим и японское правительство, сеял рознь между Китаем и Японией.

Следует иметь в виду при этом, что американские империалисты никогда в прошлом, так же как и в настоящее время, не считали Японию равноправной стороной. Они постоянно третировали японский народ как низшую расу, рассматривая его в качестве своей ударной силы и дешевого пушечного мяса, которое США рассчитывали и рассчитывают сейчас использовать в своих захватнических целях.

Правящие круги США и, в частности, президент Т. Рузвельт имели полное основание считать, что «Япония ведет нашу игру»¹. Однако в дальнейшем этот провока-

¹ Pringle H. F., Theodore Roosevelt. A Biography, New York 1931, p. 375.

ционный курс американского империализма на Дальнем Востоке обернулся против США.

Заняв в Корее и Южной Маньчжурии прочные позиции, Япония не только не проявила желания считаться с притязаниями США в захваченных ею районах, но энергично вытесняла американские капиталы на северо-востоке Китая. Возникший на этой почве антагонизм привел к тому, что после 1905 г. японо-американские отношения приняли характер острого соперничества за долю участия в грабеже китайского народа, которое могло быть разрешено лишь военным столкновением между двумя империалистическими хищниками. Политика США на Дальнем Востоке позволяла до поры до времени маскировать агрессивные цели американских правящих кругов в отношении Китая и выступать с лицемерными заявлениями о миролюбии американского капитализма и якобы традиционной «дружбе» и «помощи» Китаю.

Объективное рассмотрение истории американской политики в Китае не оставляет ни тени сомнения в том, что империалисты США проводили враждебную в отношении китайского и корейского народов политику.

Если в период до 1905 г. американская дипломатия рассчитывала на осуществление своих целей на Дальнем Востоке с помощью Японии, то после 1905 г. США действовали в Китае главным образом с помощью доллара. Таким путем они стремились добиться руководящих позиций в различных областях жизни китайского общества.

Однако экспансия американских, японских и других империалистов, как и антинародные мероприятия цинского правительства, лишь ускорили революционный подъем китайского народа. Ненависть китайского народа к правящему классу, безжалостно эксплуатировавшему массы и подобострастно пресмыкавшемуся перед иностранными империалистическими державами, росла с каждым годом, достигнув своего апогея к концу 1911 г.

ГЛАВА I

ПРОВАЛ РАСЧЕТОВ США ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЯПОНИЮ В СВОИХ ЭКСПАНСИОНИСТСКИХ ЦЕЛЯХ

§ 1. План Э. Гарримана относительно Северо-Восточного Китая

Не дожидаясь окончания русско-японской войны, американские империалисты в поисках новых сфер приложения капитала, рынков сбыта и источников сырья сделали определенные шаги, чтобы воспользоваться военными победами Японии.

В январе 1905 г. в разговоре с японским представителем Такахира президент США Т. Рузвельт высказал пожелание, чтобы после войны вся Маньчжурия была передана Китаю «под руководство держав»¹.

Какую цель преследовало правительство США, выступая с таким предложением? Действительный смысл заявления президента вскоре был расшифрован американским дипломатическим представителем в Китае Конжером.

В марте 1905 г., после битвы под Мукденом, Конжер официально выступил с проектом «интернационализации» Китайской Восточной железной дороги. Согласно американскому плану дорога должна быть «возвращена Китаю посредством выкупа ее либо у России, либо у Японии несколькими державами с сохранением контроля над этой дорогой за державами, участвующими в выкупе»².

Предполагалось, что после выкупа железная дорога номинально будет передана Китаю. Но так как американские капиталисты рассчитывали быть руководителями и

¹ *Dennett T.*, *Roosevelt and the Russo-Japanese War*, New York 1925, p. 157.

² *Ibidem.*

главными участниками всего дела, то фактически Китайская Восточная железная дорога перешла бы под контроль финансовых магнатов США. И не только сама дорога.

Контроль над железной дорогой позволил бы установить фактическое господство над всем обширным районом Северо-Восточного Китая.

Такой шаг американской дипломатии свидетельствовал об агрессивных замыслах правящих кругов США в отношении Китая, а также и его соседа — России, о стремлении американских империалистов использовать сложившуюся ситуацию для установления своего монопольного влияния в этом районе Азии.

Предложение Конжера было направлено и против интересов японских империалистов в Маньчжурии.

План «интернационализации» железных дорог, расположенных в Маньчжурии — этом стратегически важном районе, граничащем с Россией и близко расположенном к Японии, выдвигался в США неоднократно. Этот план занимал большое место в арсенале открытых и тайных средств подчинения китайского народа господству американских империалистов.

Политические деятели и теоретики американского империализма объясняли постройку и эксплуатацию капиталистами железных дорог как простое, естественное, демократическое, цивилизаторское мероприятие. В действительности дело обстояло не так.

Еще в 1879 г. Карл Маркс указывал, что железные дороги в зависимых от капитализма странах, в отсталых странах, несут с собой дороговизну и усиление нищеты местного населения, с одной стороны, приносят большие барыши капиталистам и помещикам, с другой стороны¹.

В эпоху империализма постройка и эксплуатация железных дорог иностранными капиталистами в еще большей степени превращали их в орудие угнетения сотен миллионов трудящихся. На это прямо указывал В. И. Ленин.

Говоря о строительстве железных дорог, В. И. Ленин писал: «На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XXVII, стр. 33.

земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»¹.

Инвестирование капиталов в железнодорожное дело в Китае открывало американским капиталистам блестящие перспективы, значительно облегчало им экспансию в глубь страны, где довольно прочно обосновались английские и французские капиталисты.

Железные дороги были тем важным каналом, с помощью которого осуществлялся торговый демпинг и хищнически выкачивались материальные ресурсы Китая.

Иностранные капиталовложения в железные дороги производились в Китае двумя способами — в виде прямых капиталовложений и косвенных.

С помощью прямых капиталовложений империалисты непосредственно приобретали право строительства железных дорог и управления ими. Иностранные капиталисты становились полными и бесконтрольными хозяевами этих железных дорог, используя их в качестве орудия экономической, политической, а в известных условиях и военной агрессии против Китая (например, Южно-Маньчжурская железная дорога).

Другой способ — косвенные капиталовложения в строительство железных дорог. Номинально такие дороги принадлежали государству. Однако, получая иностранные займы и предоставляя за это иностранцам всякого рода льготы и привилегии, китайское императорское правительство сохраняло лишь право номинального контроля над дорогами, фактически дороги управлялись иностранцами, которым перепадала львиная доля доходов от строительства и эксплуатации этих транспортных линий.

Выпуск железнодорожных займов в Китае давал капиталистам огромные барыши. Будучи хорошо обеспеченными, такие займы обычно распространялись в Китае по цене, значительно превышающей их фактическую стоимость.

Исключительный интерес американских деловых кругов к железнодорожному строительству в Китае, помимо чисто коммерческой стороны, определялся также и тем, что китайские железные дороги могли иметь для Соединенных Штатов важное военно-стратегическое значение. Американские империалисты в случае необходимости

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 178—179.

рассчитывали использовать железные дороги для перевозки войск и материалов в военное время.

Домогательства американских дипломатов, выступавших с предложением об «интернационализации» маньчжурских железных дорог, объяснялись тем обстоятельством, что за их спиной стояли мощные американские банки и крупные финансисты, в частности Э. Гарриман¹. Замыслы таких лиц, как Э. Гарриман, разумеется, были не только выражением алчности американских магнатов. Они отражали возникшие в 50-х годах прошлого века бредовые мечты американского капитализма о создании тихоокеанской империи во главе с США.

Еще во время русско-японской войны Э. Гарриман решил осуществить под своим контролем проект кругосветной, космополитической системы транспорта, слагающейся из трансконтинентальных американских железных дорог, принадлежавших Гарриману², пароходных компаний, КВЖД, Сибирской магистрали и железнодорожных линий до Балтийского моря³.

Политический смысл проекта Э. Гарримана состоял прежде всего в том, чтобы под видом «совместного международного управления» создать колонизационный аппарат, который мог бы служить орудием американского империализма.

¹ Э. Гарриман проявлял особый интерес к захвату железных дорог на Дальнем Востоке. Эдвард Г. Гарриман — отец Аверела Гарримана, который был послом США в СССР. Эдвард Г. Гарриман являлся крупной фигурой делового и политического мира США. К концу XIX века его компаниям принадлежало 20 246 миль железных дорог США. В 1902 г. была организована «Банковская корпорация» (позднее превратившаяся в филиал Национального городского банка Нью-Йорка). Эдвард Гарриман был одним из директоров этой корпорации.

В 1904 г. во время президентских выборов Гарриман «пожертвовал» на избирательную кампанию Т. Рузвельта 250 тыс. долл. Впоследствии Т. Рузвельт по важнейшим вопросам внутренней и международной жизни поддерживал тесный контакт с Гарриманом.

² В руках Гарримана в то время находилось около трех десятков железнодорожных компаний, включая «Union Pacific», «Southern Pacific». Он владел ценными бумагами в железнодорожном транспорте на сумму в 154 млн. долл. (см. Б. А. Романов, Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма, Л., 1928, стр. 556).

³ *Zabriskie E. H., American-Russian Rivalry in the Far East. A Study in Diplomacy and Power Politics, 1895—1914, Philadelphia, London 1946, p. 134; Nearing S. and Freeman J., Dollar Diplomacy. A Study in American Imperialism, New York 1925, p. 40.*

Идея создания космополитической железной дороги была не нова. Она зародилась в США в конце прошлого столетия и была широко распространена среди американского господствующего класса.

Трубадур американской геополитики Вильям Гильпин выпустил в конце XIX века книгу под названием «Космополитическая железная дорога». По мнению автора, основной магистралью космополитической дороги должна была служить русская Сибирская железная дорога. Другие составные звенья этой дороги согласно этому плану должны были проходить по Тихоокеанскому побережью до южнокитайского порта Кантон. Главную роль в создании и эксплуатации такой космополитической дороги, по замыслу Гильпина, должны были играть американские капиталисты.

Шаги для осуществления проекта «мировой» железной дороги неоднократно предпринимались американскими правящими кругами в 90-х годах прошлого столетия и в первые годы XX века. Однако эти планы не осуществились.

Проект овладения железнодорожным транспортом от берегов Тихого океана до берегов Атлантики, выдвинутый Гарриманом, призван был сыграть важную роль в колонизаторских планах американских монополистов в отношении России и Северо-Восточного Китая¹.

«Ясно очерченной целью, которую этот план преследовал, — пишет биограф Э. Гарримана Г. Кеннан, — было расширение американского влияния и развитие американской торговли на Дальнем Востоке»².

Однако проект Гарримана говорил о том, что американский капитал настойчиво интересовался уже не просто «открытием» Северо-Восточного Китая для торговли на условиях «равных возможностей». Американские империа-

¹ Проект Гарримана состоял из следующих элементов: Америка (Пасифик К^о) — КВЖД — Сибирская железная дорога — через Европейскую Россию до Балтийского моря, оттуда — Атлантический океан — Северная Америка.

Для царского правительства вопрос о Китайской Восточной железной дороге был тогда вопросом большой политической важности, так как КВЖД была единственной дорогой, связывавшей Россию с ее тихоокеанскими владениями.

² Kennan G., Harriman E. H. A Biography, vol. II, Boston and New York 1922, p. 2.

листы стремились к обладанию маньчжурскими железными дорогами под благовидным предлогом их «интернационализации» и «коммерческой нейтрализации».

Для реализации проекта Э. Гарримана первостепенное значение с точки зрения американского капитала представляла южная ветка КВЖД, поэтому, прежде чем вести переговоры с Россией, США нужно было достичь договоренности с Японией.

Как только определилась неблагоприятная для России ситуация при обсуждении Портсмутского мирного договора с Японией и, в частности, выяснилось, что южная часть Китайской Восточной дороги, построенной на средства русского народа, перейдет в руки японских империалистов, американцы решили приступить к осуществлению плана Гарримана, в первую очередь забрать в свои руки южную ветку КВЖД¹.

В период до заключения Портсмутского мира японская сторона поддерживала американские иллюзии насчет реализации этого плана. Япония давала американским капиталистам всяческие «авансы» в отношении Маньчжурии. Японские представители, в частности, намекали американским капиталистам на возможность участвовать в тех маньчжурских железных дорогах и предприятиях, которые после заключения мира отойдут к Японии². Одним словом, японские империалисты готовы были обещать американцам любые привилегии.

Такая позиция Японии определялась в первую очередь тем, что ей была необходима поддержка правящих кругов США в ходе работы Портсмутской конференции. К тому же Э. Гарриман был тесно связан с банкирским домом «Кун, Леб и К^о», игравшим большую роль в деле размещения японских займов в США, он сам приобрел облигации этих займов на большую сумму³.

Заручившись предварительным согласием японцев, Э. Гарриман направился в Японию для непосредственных переговоров с высшими японскими сановниками и финан-

¹ *Treat P. J.*, *Japan and the United States 1853—1921*, Boston, New York 1921, p. 192.

² *Kennan G.*, *op. cit.*, p. 6—23.

³ См. *Цинь Бен-ли*, *История экономической агрессии американского империализма в Китае*, М. 1951, стр. 40.

системами по вопросу о Маньчжурии. 31 августа 1905 г. он прибыл в Иокогаму¹.

Э. Гарримана встретили виднейшие представители японских деловых кругов. Он был принят японским императором, имел ряд бесед с премьер-министром Кацура, вел переговоры с бароном Ивасаки, Сибудзава, представителями компании Мицуи и др.

Американский посол в Японии Гриском оказывал Гарриману большую помощь по дипломатической линии, чтобы как можно скорее добиться заключения выгодного для американского капитала соглашения². «Он (Гриском. — П. С.) сделал все, что мог, — пишет биограф Гарримана, — чтобы наилучшим образом обеспечить интересы американских капиталистов на Дальнем Востоке, убеждая руководителей высшей японской власти благосклонно рассмотреть план Гарримана»³.

Во время переговоров Грискома с премьер-министром Кацура, князем Иноуэ и министром финансов Японии он убеждал последних в том, что сотрудничество японцев с Гарриманом принесет пользу, послужит делу усовершенствования системы транспорта в Японии, будет способствовать расширению японской торговли, а также ускорит освоение «недавно приобретенной Японией территории на азиатском материке»⁴.

В беседах с представителями японского правительства Гриском напоминал о том, что Гарриман тесно связан с американскими банкирами, поэтому «он (Гарриман. — П. С.) может немедленно предоставить денежную помощь Японии, которую она одна не сможет так быстро найти. Эта помощь смогла бы разрешить чрезвычайно тяжелое положение Японии»⁵.

Гриском подчеркивал, что предлагаемый проект будет способствовать сближению Японии и США как в торговом, так и в политическом отношениях. Он заявлял, что «в случае осуществления этого проекта будет обеспечен большой годовой доход японскому правительству,

¹ Поездка Э. Гарримана в Японию именовалась туристской прогулкой. О составе миссии Гарримана и его встречах в Японии см. *Kennan G.*, *op cit.*

² *Kennan G.*, *op. cit.*, p. 6, 11, 12.

³ *Ibid.*, p. 11.

⁴ *Ibid.*, p. 12.

⁵ *Ibidem.*

который компенсирует неудачную попытку Японии получить денежную контрибуцию с России»¹.

Активная совместная деятельность американского финансового магната Гарримана и официального дипломатического представителя США Грискома закончилась крупным успехом: 12 октября 1905 г. было заключено письменное предварительное соглашение Гарриман — Кацура. Оно предоставляло Гарриману право образовать американский банковский синдикат, который имел бы равное с японскими капиталистами участие в эксплуатации Южно-Маньчжурской железной дороги.

Соглашение предоставляло американскому капиталу право эксплуатации Южно-Маньчжурской железной дороги и всех каменноугольных, лесных, горнопромышленных и прочих концессий, связанных с железной дорогой². В отношении деятельности американских капиталистов в горной промышленности соглашение предусматривало создание особой компании, которая находилась бы в совместном японо-американском управлении.

Подписанное предварительное соглашение имело явную антирусскую направленность. Американские империалисты санкционировали право Японии использовать ЮМЖД в военных целях в случае возможного повторения войны с царской Россией. В последнем разделе соглашения прямо указывалось: «В случае войны между Японией и Китаем или между Японией и Россией Южно-Маньчжурская железная дорога временно переходит в ведение японского правительства. Япония использует эту дорогу для перевозки войск и военных материалов»³.

Соглашение Гарриман — Кацура открывало широкую перспективу экспансии США в Китае, обеспечивало непосредственную возможность инвестирования американских капиталов в Южную Маньжурию.

Американские финансисты считали, что им удастся «капитализировать» американскую помощь Японии в ее войне против России, договориться с японскими империалистами о создании благоприятных условий для совместного ограбления китайского народа.

«День заключения такого соглашения, — пишет китайский историк Лю Да-нянь, — был бы, вне всякого сомне-

¹ Kennan G., op. cit., p. 12.

² Ibid., p. 14.

³ Ibid., p. 15.

ния, одновременно днем захвата США Северо-Восточного Китая»¹.

Американские господствующие круги меньше всего заботились о выгодах японского партнера. На Японию они возлагали свои надежды, как на сторожевого пса американских империалистических интересов на Дальнем Востоке.

Прибрав к своим рукам ЮМЖД, американцы сделали бы первый шаг по пути осуществления плана Гарримана о создании кругосветного транспортного пути, основным звеном которого намечалось сделать русские железные дороги, построенные усилиями русского народа.

В день подписания проекта соглашения, 12 октября 1905 г., «упоенный победой, довольный Гарриман»² на пароходе «Сибирь» покинул Японию.

Однако по прибытии в Сан-Франциско он «неожиданно» получил от японского консула официальное письмо, в котором указывалось, что Министерство иностранных дел Японии уполномочивало консула сообщить Э. Гарриману немедленно по прибытии его в США о том, что японское правительство считает необходимым «вновь очень серьезно рассмотреть все вопросы, затрагиваемые в соглашении от 12 октября 1905 года»³.

Через несколько дней, находясь в Нью-Йорке, Э. Гарриман получил от директора японского Промышленного банка Созэда⁴ телеграмму от 30 октября, в которой указывалось, что японское правительство считает необходимым «пересмотреть»⁵ соглашение Гарриман — Кацура под тем предлогом, что оно не знало (!) о существовании 6 и 8-го пунктов Портсмутского трактата, которые предусматривали передачу ЮМЖД Японии «с согласия Китая», а также необходимость заключения между Японией и Россией конвенции для определения условий обслуживания железнодорожных линий в Маньчжурии⁶.

¹ Лю Да-нянь, История американской агрессии в Китае, М. 1953, стр. 118.

² Цинь Бень-ли, цит. соч., стр. 41.

³ Kennan G., op. cit., p. 17.

⁴ Один из главных участников заключенного соглашения.

⁵ Kennan G., op. cit., p. 17.

⁶ Мирный договор, подписанный между Россией и Японией в Портсмуте, в статье 6 предусматривал обязательство царского правительства «уступить императорскому японскому правительству без вознаграждения с согласия китайского правительства железную до-

«Пока соглашения с Россией и с Китаем не будут заключены, — сообщалось в телеграмме, — невозможно точно определить, о каких правах и о каком имуществе идет речь в документе о передаче и какова будет вероятная прибыльность железной дороги»¹.

Тем самым японское правительство через крупнейшего в стране финансового магната Соэда Котоити ясно заявило американцам, что оно само рассчитывает воспользоваться выгодами своего положения в Южной Маньчжурии и не желает идти навстречу американским планам экспансии в этом районе Китая.

Японские правящие круги не могли не видеть, что потерпят ущерб в случае осуществления плана Гарримана, направленного против империалистических интересов Японии в Северо-Восточном Китае. Именно поэтому занятая японским правительством в этом вопросе позиция исключала какой-либо компромисс с США. Предпринятая в октябре 1905 г. через нанкинского генерал-губернатора попытка США произвести определенное давление на японцев не принесла успеха².

Соглашение Гарриман — Кацура от 12 октября 1905 г. было окончательно отвергнуто японской стороной в телеграмме Соэда Гарриману 15 января 1906 г. «Это соглашение, — сообщал Соэда, — не может быть осуществлено. Мы, к глубокому сожалению, вынуждены просить Вас считать его недействительным»³.

рогу между Чан-чун (Куань-чэн-цзы) и Порт-Артуром и все ее разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом в этой местности, а также *все каменноугольные копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу*». Статья 8 предусматривала, что «императорские правительства, российское и японское, в видах поощрения и облегчения сношений и торговли, заключают в скорейшем по возможности времени *отдельную конвенцию для определения условий обслуживания соединенных линий в Маньчжурии*» (Э. Д. Гримм, Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М. 1927, стр. 167).

¹ Kennan G., *op. cit.*, p. 18.

² Американцы предлагали нанкинскому генерал-губернатору: «Ссудить Китаю сумму, необходимую для выкупа маньчжурских железных дорог». Архив внешней политики России министерства иностранных дел (в дальнейшем АВПР), Пекин, донесение русско-го представителя Покотилова от 18 октября 1905 г.

³ Kennan G., *op. cit.*, p. 20—21.

Однако план Гарримана был настолько заманчив для американских финансовых магнатов, что весной 1906 г. Яков Шифф, глава банкирского дома «Кун, Леб и К^о», старый друг и коллега Э. Гарримана, отправился в Японию, чтобы возобновить переговоры о соглашении от 12 октября 1905 г.¹ Имея большие заслуги перед японскими империалистами в деле размещения во время войны японских военных займов в США, он, по его мнению, а также по мнению заинтересованных в этом предприятии американских капиталистов, имел основания надеяться на уступчивость японцев в вопросе об упомянутом соглашении².

Прибыв в Японию, Я. Шифф имел ряд встреч с японским министром иностранных дел и другими высокопоставленными лицами. Однако эта поездка к «японским друзьям» не принесла ничего утешительного американским капиталистам.

План Гарримана, имевший целью установление американского контроля в Маньчжурии и, в частности, над Южно-Маньчжурской железной дорогой, являющейся связующим звеном в проектируемой американцами кругосветной транспортной системе, потерпел провал³.

Таким образом, столкновение американо-японских интересов из-за инвестирования капиталов в Маньчжурию окончилось вскоре после Портсмутского мира поражением американской стороны.

Самый факт разрыва японцами предварительного соглашения Гарриман — Кацура давал ясно понять амери-

¹ Kennan G., op. cit., p. 22. Эксплуатация Южно-Маньчжурской магистрали давала японскому капиталу крупные прибыли. Эта прибыль с каждым годом возрастала. Так, например, только за полугодие (с 1 марта по 1 сентября 1908 г.) обществом ЮМЖД получено чистого дохода 771 783 иены, между тем как ранее приблизительно такая же сумма выручалась за целый год (АВПП, Пекин, д. 130, Коростовец — Извольскому, 12 января 1909 г.).

² После окончания русско-японской войны Я. Шифф был награжден японскими и английскими орденами в знак признания его военных заслуг перед Англией и Японией. Финансовый синдикат во главе с Я. Шиффом в составе фирмы «Кун, Леб и К^о», Национального и Коммерческого банков реализовал в США 44% общей суммы японских заграничных займов и покрыл американскими займами не менее 20% всех денежных расходов Японии на военные нужды. См. подробно А. Добров, Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, Госполитиздат, 1952.

³ Kennan G., op. cit., p. 22—23.

канскому партнеру по агрессии, что японские империалисты намерены были сами воспользоваться всей захваченной добычей в Китае, что Япония не думает делить с кем-либо в Южной Маньчжурии плоды ее победы в войне.

Необходимость в заигрывании и в выдаче «авансов» на домогательства Уолл-стрита миновала, поскольку мирный договор с Россией был заключен.

Получив американскую помощь во время русско-японской войны, японский империализм решил избавиться от «покровительства» США и использовать свою победу в собственных интересах, в интересах японских капиталистов, с тем чтобы установить в Южной Маньчжурии, а затем и во всем Китае свое безраздельное господство.

Успехи Японии в русско-японской войне создали важные предпосылки для усиления агрессии в Китае. Уже к началу 1906 г. японское правительство добилось заключения ряда соглашений с Китаем, по которым японские капиталисты получили в Маньчжурии больше «прав» и привилегий, чем в свое время имело царское самодержавие и чем они получили по мирному Портсмутскому договору¹. По соглашению от 22 декабря 1905 г. японские империалистические круги получили «право» эксплуатации в течение 15 лет Аньдунь-Мукденской железной дороги после переоборудования ее на ширококолейное полотно, а также сооружения Чаньчунь-Гириной дороги с половинным участием японского капитала².

Южно-Маньчжурская железная дорога и все принадлежавшие ей каменноугольные копи должны были впредь управляться акционерным обществом ЮМЖД, «пайщиками которого могут быть только китайцы и японцы»³.

В действительности акционерное общество ЮМЖД, организованное в 1906 г., находилось целиком и полностью в ведении японского правительства и японских финансовых групп. Дополнительный секретный протокол к этому соглашению (от 22 декабря 1905 г.) предоставлял возможность Японии превратить всю Южную Маньчжурию в сферу своего исключительного господства.

¹ *Treat P. J.*, *Diplomatic Relations between the United States and Japan, 1895—1905*, London, California 1938, p. 258; см. *В. Аварин*, *Империализм в Маньчжурии*, т. I, М.—Л. 1934, стр. 103—147.

² *Zabriskie E. H.*, *op. cit.*, Appendix II, p. 208.

³ *Kennan G.*, *op. cit.*, p. 21.

По этому протоколу японцы добились от китайского правительства обязательства не сооружать никаких параллельных железнодорожных линий, а также никаких боковых линий, которые могли бы «нанести ущерб» Южно-Маньчжурской железной дороге¹.

Японцам, согласно протоколу, предоставлялось право вмешательства в любое железнодорожное строительство на территории Южной Маньчжурии. Они получили согласие китайских властей не разрешать никому такое строительство без одобрения японской стороны.

Основываясь на этой секретной договоренности, Япония получила возможность блокировать все попытки иностранцев вложить свои капиталы в этом районе Китая посредством эксплуатации и строительства железных дорог. Японские империалисты в полной мере воспользовались представившейся возможностью, отстранив буржуазию иностранных держав от участия в этом деле.

С конца 1905 г. вся экономическая и политическая деятельность японского империализма в Южной Маньчжурии проводилась под агрессивным лозунгом: «Южная Маньчжурия — только для японцев».

Кроме созданного акционерного общества ЮМЖД, в Маньчжурии обосновывались представители различных японских монополий и промышленных фирм.

В японской прессе проводилась широкая пропаганда, призывавшая к активному участию в эксплуатации новых захваченных территорий. Полуофициозные газеты «Джапан таймс» (орган японского МИДа) и «Джапан мейл» (негласно субсидируемая МИДом) усиленно пропагандировали требования правящих кругов Японии — как можно шире и основательнее использовать результаты военных успехов и проводить срочные мероприятия по установлению контроля над экономикой новых территорий.

Выступая за экономическую экспансию в Китае, политические деятели Японии заявляли о том, что США, опираясь на доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей», стремятся вытеснить оттуда японцев, захватить маньчжурский рынок, с тем чтобы «заработать на этом большие деньги». «При такой эгоистической точке зре-

¹ Kennan G., op. cit., p. 23; Zabriskie E. H., op. cit., Appendix II, p. 208.

ния роль Японии сводилась к роли сторожевого пса»¹, — писал японский историк Кукити Кан.

Японские империалисты и не думали проводить политику, выгодную американским монополиям, а действовали в своих интересах. Правительство гарантировало японским капиталистам финансовую помощь, а также заверяло отправлявшихся в Маньчжурию японцев в том, что их деятельность там будет всячески облегчена и что они будут пользоваться преимуществами, в которых будет отказано другим иностранцам².

Политика установления монопольного господства Японии в Южной Маньчжурии облегчалась и тем, что Япония находилась в благоприятном географическом положении по отношению к Южной Маньчжурии.

Не давая иностранному капиталу возможности внедриться в экономику этого края, японские правящие круги путем подкупа и интриг использовали в своих интересах господствовавшую феодально-бюрократическую верхушку китайского общества. «Что касается чиновников, — писал командующий карательной экспедицией объединенных вооруженных сил держав во время движения Ихэтуань германский фельдмаршал Вальдерзее, неплохо разобравшийся в обстановке в Китае, — то среди них господствует дух коррупции, и ни о какой энергии не может быть и речи. Если же говорить о дворе, то там тоже почти невозможно найти людей с дарованиями»³.

Все это вместе взятое обеспечивало за японскими империалистами преимущества в борьбе за инвестирование японского капитала в Маньчжурии, за подчинение экономики Квантунской области и недопущение туда иностранного, в том числе и американского, капитала.

Японское правительство проводило политику монопольного господства в Южной Маньчжурии не только в сфере приложения капитала. В области торговли американских империалистов в Южной Маньчжурии ожидало еще большее разочарование.

¹ Журнал «Восточное обозрение» № XVII, 1943 г., ЮМЖД, стр. 91.

² АВПР, Токио, д. 135, телеграмма царского посла в Японии от 29 июня 1906 г.

³ См. *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 583.

§ 2. Обострение противоречий между США и Японией в области торговли

После окончания войны японские власти стали ограничивать допуск в Южную Маньчжурию иностранцев, ссылаясь на присутствие там своих войск и связанные с этим «особые условия» на захваченной территории.

Японская буржуазия стремилась занять во всем крае монопольные позиции на торговом рынке. Она не считалась с доктриной «открытых дверей» и «равных возможностей», являвшейся на протяжении многих лет стержнем всей американской политики в Китае.

Еще в конце XIX века американские правящие круги, весьма заинтересованные в китайском рынке, не желая довольствоваться ролью рядового участника борьбы за угнетение китайского народа, провозгласили своим руководящим принципом в Китае империалистическую доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей»¹.

Эта доктрина отнюдь не была продиктована сочувствием к Китаю, хотя апологеты американского капитализма вопреки фактам спекулировали на мнимом демократизме провозглашенного принципа, который стал излюбленным прикрытием американской экспансии.

Идеологи и политические деятели США изображали американскую политику в Китае как политику дружбы и сочувствия национальным устремлениям.

На деле происходило обратное. «Равные возможности», предоставленные в экономически слабом Китае, неизбежно должны были привести к подчинению всей экономики страны, а также и политики цинского правительства иностранному, в первую очередь американскому, капиталу.

Политика «открытых дверей» и «равных возможностей» была политикой интервенции и накладывала существенные ограничения на суверенные права Китая, лишала его возможности определить свой собственный, прогрессивный путь развития. Она служила основанием и для

¹ Доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей», или доктрина Хэя, была высказана государственным секретарем США в сентябре 1899 г. Она фактически требовала от великих держав открыть для США доступ на «арендованные» территории Китая и в так называемые сферы влияния, предоставить американской буржуазии равные с другими державами выгоды и возможности для торговли и приложения капиталов в Китае и на Дальнем Востоке.

военного вмешательства в его внутренние дела. Военные силы США не раз вторгались в пределы Китая.

Эта доктрина использовалась правящими кругами США и против других иностранных держав, в том числе против Японии. Рассчитывая на свое финансовое и экономическое превосходство, империалисты США надеялись впоследствии фактически закрыть двери для капиталистов других стран и занять в экономической и политической жизни Китая положение монополиста.

Однако японская буржуазия, используя занятые ею позиции в Маньчжурии, действовала вопреки американской доктрине.

«Яблоком раздора между ними (США и Японией. — П. С.) было и будет... экономическое соперничество в Маньчжурии»¹, — резюмировал в донесении своему правительству царский посол в Токио.

Японцы вытесняли из Южной Маньчжурии иностранную, в том числе и американскую, торговлю. Даже после того, когда прекратились «особые условия», иностранные торговцы в этом крае оказались в значительно худшем положении, чем они находились там в период оккупации Маньчжурии царским правительством.

Чтобы воспрепятствовать американской, а также английской и французской иностранной торговле, японские капиталисты изыскивали специальные меры. Одной из таких мер явилось изменение направления потока ввозимых и вывозимых грузов в Маньчжурии.

Раньше вся иностранная торговля проходила через порт Инкоу (Нючжуан). Для изменения направления движения грузов японские власти в спешном порядке соорудили железный мост через впадающую в Ляодунский залив реку Ляохе (водная артерия, на которой стоит порт Инкоу), с такими низкими арками, что для прохода по этой реке китайские джонки должны были останавливаться у моста и снимать свой такелаж.

После сооружения моста иностранные торговые фирмы оказались вынужденными направлять поток своих грузов по Южно-Маньчжурской железной дороге, через порт Дайрен (Дальний). Это дало японским капиталистам возможность не только контролировать провоз иностранных

¹ АВПР, Токио, д. 913, Малевский-Малевич — Извольскому, 22 ноября 1908 г.

товаров, но и получать немалые прибыли от перевоза грузов по железной дороге.

Американские и другие иностранные торговцы, провозившие свои товары через порт Дайрен, испытывали различного рода трудности. Японские власти отказывали в покровительственных тарифах на неяпонские товары, перевозимые по ЮМЖД, отказывали американцам (и другим иностранцам) в паспортах для проезда в Южную Маньчжурию. Они чинили всевозможные препятствия деятельности неяпонских предприятий; японские фирмы подделывали торговые знаки известных американских фирм и продавали такие товары по более высокой цене, чем обычные японские товары.

О препятствиях, чинимых иностранной, в том числе и американской, торговле в Южной Маньчжурии, указывалось в годовом отчете Американской ассоциации в Китае: «При русской оккупации все страны находились в Маньчжурии на равном положении. Сборы и пошлины были одинаковыми и взимались со всех. Условия для размещения товаров и для деловых операций были в общем удовлетворительными. Ныне все это изменилось.

При японской администрации не упускается случая для развития собственной японской торговли, и меры, предпринимаемые с этой целью, представляют конкурентам отступлением от честной торговли. *Фактически они представляют собой серьезнейшее нарушение принципа «открытых дверей», на котором строится американская дипломатия в Китае* (подчеркнуто нами. — П. С.).

Японская конкуренция принимает форму системы рефакции¹ не только в отношении железнодорожных и судовых фрахтов, но и в отношении возврата пошлин и сборов, которыми облагаются товары других стран. К тому же для неяпонских торговцев существует целая система мелких придинок, а подделка установленных торговых знаков — распространенное явление»².

С целью устранить чинимые японцами препятствия и содействовать развитию американской торговли в этом крае правительство США добивалось назначения в порт

¹ Рефакция — скидка с тарифа, предоставляемая грузоотправителю по особому соглашению при наличии большого количества груза. Имеется и другое значение — скидка с цены или веса товара при торговой сделке, производимая в связи с утечкой или порчей товара.

² *Millard Th., Our Eastern Question, New York 1916, p. 356.*

Дайрен американского генерального консула. Однако все попытки решить этот вопрос не имели положительного результата. Еще 4 ноября 1905 г. японское правительство решительно отказало в выдаче экзекватуры консулу США в Дайрен ¹.

При таком положении дела господствовавшее до и во время войны среди американских правящих кругов японофильство уступает место более реальной оценке ими результатов японских побед.

Уже в 1906 г. в буржуазной прессе стали появляться высказывания о том, что «открытые двери» на Дальнем Востоке оказались для американских интересов фикцией, «воображением» ².

Отражавшая настроения торговых кругов США, заинтересованных в дальневосточных рынках, газета «Сан» писала: «...японцы, невзирая ни на что, дают торговлю других держав в Маньчжурии... В настоящее время положение оказывается куда невыносимее, чем до войны Японии с Россией... Теперь японцы сменили русских и вступили в их роль, беспощадно затрудняя и устраняя невыгодную для них конкуренцию. Державы принуждены ограничиваться бесплодными протестами, а двери в Маньчжурию оказываются припертыми куда плотнее, чем до войны» ³.

Американские монополисты, наиболее рьяно стремившиеся к извлечению барышей в Китае, недовольные политикой Японии в Маньчжурии, немедленно забили тревогу. В Белый дом посыпались ходатайства торговых палат, фирм и пр. с требованием заявить токийскому кабинету категорический протест против ограничений американской торгово-промышленной деятельности в Маньчжурии.

Отражая растущее недовольство деловых кругов США японской политикой на Дальнем Востоке, американское правительство уже в феврале 1906 г. заявило свой первый протест против препятствий, чинимых Японией развитию американской торговли в Маньчжурии ⁴.

¹ *Treat P. J.*, Diplomatic Relations between the United States and Japan 1895—1905, p. 251.

² *Tapper E. and McReynolds G.*, Japan in American Public Opinion, New York, 1937, p. 19—32.

³ См. А. Морской, Разочарование в честном маклерстве, М. 1911, стр. 55—56.

⁴ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Publication of the Department of State, Washington, 1906, p. 170—177

В циркулярном письме государственного секретаря Рута американскому поверенному в делах в Токио в марте того же года указывалось, что японские власти используют военную оккупацию в Южной Маньчжурии для учреждения японских предприятий, а также оказывают своим соотечественникам помощь в развитии торговли и промышленности, «чтобы оставить иностранцам мало или никаких шансов на торговлю после эвакуации японских войск».

Обратив внимание американского представителя на то, насколько действительное положение вещей расходится с прежними японскими заявлениями насчет «открытых дверей», Рут заключал: «Было бы печальным разочарованием», если бы токийский кабинет решил продолжать проведение политики, направленной на создание в Южной Маньчжурии «исключительного режима для японцев». Американскому поверенному в Токио Вильсону поручалось довести это до сведения японского правительства¹.

В течение 1906 г. государственный департамент США посылает в Токио ряд меморандумов, в которых в дипломатической форме излагалось недовольство проводимой японцами политикой «закрытых дверей» в Маньчжурии для американского капитала. Затем последовала целая серия нот, представлений, запросов и протестов, делавшихся американским правительством против открытой и скрытой дискриминации интересов американского капитализма в Маньчжурии.

Японо-американская дружба сменилась острым соперничеством.

Действия японских властей в этом крае затрагивали также интересы английских капиталистов. Английское правительство высказывало резкое недовольство политикой Японии в Маньчжурии в этом вопросе.

В частном письме на имя князя Ито английский посол в Токио Макдональд указывал: «В настоящее время в США и Англии говорят во всеуслышание, что японская военная администрация в Маньчжурии, пользуясь военной силой, подвергает заграничную торговлю иностранных государств стеснению. Из сопоставления с временем владычества русских можно прийти к заключению, что теперь

(в дальнейшем «U. S. Foreign Relations» с указанием года, к которому относятся документация).

¹ «U. S. Foreign Relations», 1906, p. 170—177.

двери Маньчжурии захлопнулись. С моей личной точки зрения, политика, которую проводит Япония, т. е. ослабление симпатий, связывавших ее с государствами, производившими во время японо-русской войны снабжение Японии, равносильна самоубийству. Собственно говоря, для какой цели иностранные государства, — продолжал Макдональд, — снабжали Японию боеприпасами и выражали ей свои симпатии? Державы надеялись (имеются в виду Англия и США. — П. С.), что Япония осуществит политику открытых дверей и что она будет бороться именно за проведение в жизнь этого принципа. Однако, если прислушаться к мнению военных кругов, необходимо тотчас же начать приготовления на случай реванша со стороны России, что, конечно, не исключено. Продолжая же проводить настоящую политику, Япония потеряет дружбу сочувствующих ей стран и в будущей войне может понести большой ущерб».

Английский посол заявлял дальше, что «такое направление политики Японии может привести к глубоким противоречиям Японии с Англией и Соединенными Штатами»¹.

Однако все это не могло привести и в действительности не привело к уменьшению японской агрессии в Северо-Восточном Китае. Политика японского империализма в Маньчжурии оказалась, несомненно, «вредной для американских коммерческих интересов»². Газета «Нью-Йорк таймс», орган американских финансово-промышленных кругов, в июне 1910 г. жаловалась на плачевные результаты американской политики в Маньчжурии и, в частности, на то, что американская торговля в Маньчжурии падает. В 1905 г., писала газета, американских товаров было ввезено в Маньчжурию на 23,5 млн. долл., через четыре года, в 1909 г., — только на 7,5 млн. долл. Доля американского ввоза в Маньчжурию с 1905 по 1909 г. упала с 60 до 35%, в то время как японская торговля в такой же степени поднялась, достигнув в 1909 г. 60% всего маньчжурского ввоза³.

¹ «Восточное обозрение» № XVII, 1943 г., стр. 90—91.

² «New York Times», March 9, 1910; АВПР, Вашингтон, д. 132, приложение к донесению русского посла в Вашингтоне от 24 февраля (9 марта) 1910 г.

³ «New York Times», June 18, 1910; АВПР, д. 132, приложение к донесению русского посла в Вашингтоне от 5 (18) июня 1910 г.

Потерпев неудачу в области расширения своих позиций в Северо-Восточном Китае, американские капиталисты не могли также похвастаться успехами в развитии торговли во всем Китае. И здесь торговая экспансия США, столкнувшись с соперничеством других держав, несла несомненный урон.

Падение американско-китайской торговли, особенно ввоза американских товаров в Китай, видно из приведенной ниже таблицы объема торговли США с Китаем в период с 1902 по 1911 г.

Стоимость американского вывоза из Китая и ввоза в Китай¹
(в тыс. долл.)

Годы	Вывоз из Китая	Ввоз в Китай	Всего
1902	22 342	33 292	55 634
1903	28 033	28 381	56 414
1904	30 872	23 939	54 811
1905	29 439	64 395	93 834
1906	30 396	51 070	81 466
1907	36 378	35 950	72 328
1908	28 729	39 996	68 825
1909	31 212	27 217	58 429
1910	33 630	23 438	57 068
1911	37 999	27 979	65 978

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ввоз американских товаров в Китай, достигнув в связи с войной в 1905 г. 64 395 тыс. долл., в следующие годы неизменно падал, сократившись в 1911 г. до 27 979 тыс. долл., т. е. больше чем в 2 раза по сравнению с 1905 г.

Удельный вес торговли США во всей внешней торговле Китая после русско-японской войны также значительно сократился.

¹ *Pan Shū-Lun*, The Trade of the United States with China, New York 1924, p. 48.

Удельный вес различных стран в китайской внешней торговле¹
(в %)

Годы	США	Велико- брита- ния	Брита- нская Индия	Европа без России	Россия	Япония	Гонконг	Герма- ния	Фран- ция
1896	6,7	16,5	7,4	8,0	5,0	8,4	42,5	—	—
1899	9,5	11,7	7,8	10,2	2,2	11,5	41,6	—	—
1902	10,5	12,8	6,8	10,8	8,1	12,2	40,8	—	—
1905	15,0	14,9	5,5	9,8	4,3	14,0	31,4	—	—
1908	9,9	12,7	5,1	—	5,4	15,3	36,1	3,1	5,8
1911	8,7	12,4	4,9	—	4,8	17,1	29,3	4,2	5,4
1913	7,6	11,4	5,5	—	6,0	19,7	29,1	4,5	5,3

Как видно из приведенных данных, после 1905 г. удельный вес США в китайской торговле с каждым годом сокращался, уменьшившись за восемь лет почти вдвое, и составив в 1913 г. 7,6%. Такое резкое сокращение произошло в первую очередь за счет сокращения американской торговли в Маньчжурии.

Характерно, что удельный вес Японии во внешней торговле Китая после 1895 г. возрос более чем в два раза, достигнув в 1913 г. 19,7%. Увеличение удельного веса японской торговли после 1905 г. происходило благодаря успешной торговле в Маньчжурии. За период с 1905 по 1913 г. доля Великобритании в торговле с Китаем снизилась с 14,9% до 11,4%. Доля Германии с 1908 по 1913 г. поднялась с 3,1% до 4,5%, а доля царской России составляла в 1913 г. 6% против 4,3% в 1905 г.

Как покупатель американских товаров Китай в 1900 г. находился на десятом месте, а в 1913 г. занимал лишь тринадцатое место. В американском импорте Китай в 1913 г. переместился на десятое место с шестого, которое он занимал в 1900 г.²

Ту же картину сокращения американо-китайской торговли можно проследить, если рассмотреть американский экспорт в Китай и американский импорт из Китая по отдельным статьям.

В американском экспорте в Китай наибольшее место занимали текстильные изделия. При этом китай-

¹ *Pan Shū-Lun*, op. cit., p. 49.

² *Ibid.*, p. 51.

ский рынок играл первенствующую роль в американском экспорте хлопчатобумажных тканей¹. До 1905 г. на эту статью американского экспорта приходилось от половины до двух третей общей стоимости американского экспорта в Китай². В 1905 г. продажа американских хлопчато-бумажных тканей достигла наибольшего развития и составляла 27 761 тыс. долл.

После русско-японской войны американский экспорт хлопковых изделий в Китай быстро падает как по абсолютной цене, так и по относительному его значению. Это явилось следствием конкуренции японских и китайских фирм, производивших хлопчатобумажные ткани. Они употребляли более дешевое китайское и индийское сырье, а главное — применяли дешевую рабочую силу и давали таким образом на рынок продукцию, более низкую по стоимости, чем продукция американского производства.

Следующей важной статьёй американского экспорта в рассматриваемый период являлись нефтепродукты. Несмотря на то что на рынке керосина конкуренция в Китае была очень острая (серьезным конкурентом был керосин, привозимый из царской России), все же американским фирмам удалось удержать свои позиции в течение всего периода. Торговля керосином и другими нефтепродуктами имела тенденцию к определенному увеличению в абсолютном объеме³, хотя ее доля в общем американском экспорте в Китай колебалась от 38% в 1909 г. до 20% в 1912 г. и составляла в 1913 г. почти 30% всех проданных в Китае товаров. Иностранный капитал преднамеренно задерживал развитие целых отраслей экономики Китая. Такова была судьба нефтяной промышленности. В 1907 г. на севере провинции Шэньси, в Яньчане, была пробурена первая в Китае нефтяная скважина. Но разведка и добыча нефти с тех пор почти не двигались вперед. Немалую роль сыграли в этом американские нефтяные монополии⁴.

¹ *Pan Shū-Lun*, op. cit., p. 58. В мировой торговле Китай в то время являлся вторым большим рынком для хлопковых товаров, уступавшим только Британской Индии.

² *Ibid.*, p. 57.

³ *Ibid.*, p. 58.

⁴ Китай не раз выписывал из США специалистов для организации геологических изысканий. Но усилия американских экспертов чаще были направлены не на то, чтобы найти нефть, а на то, чтобы

Табак занимал третье место в американском экспорте в Китай. В 1895 г. стоимость экспорта табака превысила 100 тыс. долл.¹, что составляло меньше 3% американского экспорта в Китай. Менее чем через 20 лет общая стоимость американского табака, экспортируемого в Китай, превысила 2 млн. долл. и составила уже около 10% общего экспорта².

Четвертое место занимал экспорт оборудования — железных и стальных изделий и машин. Эта статья американского экспорта в Китай до 1895 г. была незначительной. Монополистами на этом рынке в Китае являлись европейские страны: Англия, Германия и Бельгия. Но уже в первом десятилетии XX века американская буржуазия выступает серьезным конкурентом этих стран в поставке в Китай оборудования и машин.

В 1908 г. американцы продали Китаю значительное количество железнодорожного оборудования, в том числе для Маньчжурии было продано 198 паровозов (локомотивов) стоимостью более 3 млн. долл., около 31 тыс. т стальных рельсов на сумму более 1 млн. долл., 11,5 тыс. т стальных конструкций на сумму около 900 тыс. долл.³ В последние годы рассматриваемого периода объем продажи стальных и железных изделий американского производства колебался от 10 до 20% общего американского экспорта в Китай⁴.

Мучные изделия занимали пятое место в американском экспорте в Китай. В конце XIX века ежегодный экспорт американской пшеничной муки в стоимостном выражении составлял около 100 тыс. долл. В начале нового столетия американские экспортеры, главным образом буржуазия штата Вашингтон и штата Орегон, активизировали экспорт своих товаров в Китай. Так, в 1907 г. американской муки в Китае было продано на сумму более 6 млн. долл., а других мучных изделий —

доказать ее отсутствие. Так родилась и получила широкое хождение теория о том, что в недрах всей внутренней Азии, включая большую часть Китая, нет нефтеносных пластов. В полуколоннальном Китае нефтяным королям США удалось добыть своего. К 1946 г. они завозили в Китай 90% всех потреблявшихся там нефтепродуктов.

¹ *Pan Shü-Lun*, *op. cit.*, p. 59.

² *Ibid.*, p. 58.

³ *Ibid.*, p. 61. АВПР, Китайский стол, д. 132, донесение Коростова — Сазонову от 14 августа 1909 г.

⁴ *Pan Shü-Lun*, *op. cit.*, p. 61.

на сумму около 1,5 млн. долл., что вместе составляло более 28% общего американского экспорта в Китай за этот год¹. Однако в результате острой конкуренции американский экспорт муки и мучных изделий после 1907 г. значительно уменьшился, сократившись к 1912 г. почти в 2 раза.

Среди всех статей американского вывоза из Китая первое место занимал шелк-сырец. Ежегодный вывоз этого товара составлял более одной трети общего американского вывоза из Китая. Несмотря на конкуренцию японского шелка; ввоз в США китайского шелка заметно увеличился как в количественном, так и в денежном выражении. Это объяснялось быстрым ростом шелковой промышленности в США и возроставшим в результате этого спросом на сырье². Тем не менее американский импорт шелка-сырца из Китая, достигнув в 1909 г. 42% общего американского импорта из Китая, уменьшился в 1913 г. до 34%³.

На протяжении многих лет чай являлся важной статьей американского вывоза из Китая. Однако в рассматриваемый период импорт чая систематически уменьшался как в абсолютном выражении, так и в относительной доле. В 1895 г. американский вывоз чая из Китая в стоимостном выражении составлял более 7,5 млн. долл. (36,8% общего американского импорта)⁴. Через 18 лет чая было вывезено только на половину этой суммы, что составило лишь 8,2% всей суммы импорта. Вывоз чая из Китая был заменен вывозом с Цейлона, Явы и др.

Третье место в американском импорте из Китая занимала шерсть. В 1895 г. вывоз шерсти оценивался более чем в 1,5 млн. долл., что составляло 8,3% всего американского импорта из Китая⁵. Через 10 лет вывоз шерсти из Китая составлял более 3 млн. долл. и равнялся 11,2% всего импорта, а к 1913 г. импорт шерсти вырос до 4,7 млн. долл. (11,8% всего американского импорта).

Шкуры и кожи занимали четвертое место в американском импорте из Китая⁶.

¹ *Pan Shü-Lun*, op. cit., p. 61.

² *Ibid.*, p. 65.

³ *Ibid.*, p. 65—66.

⁴ *Ibid.*, p. 65.

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibidem.*

Общий анализ американского вывоза из Китая показывает, что качественный состав этого вывоза изменялся в направлении сокращения вывоза готовых изделий и увеличения ввоза сырья. Так, в 1895 г. готовые изделия составляли около половины всего американского импорта, в 1905 г. — несколько больше одной трети, а в 1913 г. — даже меньше одной пятой¹. Большая часть импорта в США состояла главным образом из сырья, шедшего в американскую промышленность для расширения ее производства².

Следовательно, американские капиталисты стремились максимально использовать внешнюю торговлю для сохранения Китая в качестве колониальной и полуфеодальной страны.

Как явствует из приведенных выше данных, американо-китайская торговля после русско-японской войны сократилась и в первую очередь сократился американский экспорт в Китай. Анализируя причины падения американской торговли в Китае, следует сказать, что главную роль сыграло то обстоятельство, что после русско-японской войны американская буржуазия столкнулась с бешеной конкуренцией иностранных торговых фирм.

Наибольшую активность в этом отношении проявляли японские торгово-промышленные круги, а также капиталисты европейских стран, в частности буржуазия Англии и Германии.

Вследствие японской и европейской конкуренции значительно упала в Китае американская торговля тканями и пряжей.

Япония полностью захватила южноманьчжурские угольные копи. Она вела упорную и успешную конкурентную борьбу с европейскими и американскими фирмами, добывавшими уголь на китайских копях³.

Японские капиталисты, владевшие мельницами в Китае (например, в Дайрене), получая 4-процентные субсидии от японского правительства, успешно вытесняли муку американского производства. Американская мука не выдерживала конкуренции с мукой японских торговцев даже несмотря на то, что американцы имели свои

¹ *Pan Shū-Lun*, op. cit., p. 64, 67.

² *Ibid.*, p. 64.

³ *Ibid.*, p. 53.

мельницы в Маньчжурии, а японцы сами покупали в США зерно для вывоза в Китай¹.

Эксплуатация японцами лесоразработок на острове Хоккайдо, а также на реке Ялу и продажа леса на китайском рынке привели к сокращению американского экспорта в Китай лесоматериалов с Тихоокеанского побережья США.

Торговая война на китайском рынке была не в пользу американских монополий еще и потому, что в этот период наибольшим политическим влиянием в Китае и, в частности, в различных частях империи пользовались Япония, Англия и другие европейские державы, а не американские капиталисты. Теснейшим образом связанный с политическим влиянием финансовый контроль над транспортным (железнодорожным) и другим строительством в Китае осуществлялся не американской буржуазией, а империалистами других стран и был направлен в определенной степени против империалистических домогательств США.

В процессе обострения соперничества между отдельными империалистическими группами торгово-промышленного и финансового капитала, действовавшими в это время в Китае, наблюдалось стремление к соглашению между многими группами. Этот сговор, с одной стороны, еще больше усиливал их господство в Китае, а с другой стороны, он нисколько не устранял, да и не мог устранить, взаимной конкурентной борьбы за установление монопольного господства своего отечественного капитала.

Борьба соперничавших групп происходила в новой исторической обстановке, когда империализм вполне сложился. «И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, — указывает В. И. Ленин, — дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей»².

Образование таких союзов иностранных капиталистов в Китае нашло свое выражение, например, в превращении согласно соглашению 1905 г. английского общества «Чайниз сентрал рейлуейс» в англо-франко-бельгийскую

¹ Pan Shū-Lun, *op. cit.*, p. 53.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 233.

компанию с преобладанием в ней английского капитала; в образовании англо-германской концессии с некоторым участием французского капитала для постройки Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги (соглашение от 13 января 1908 г.); в соглашении (предварительном) о хугуанском железнодорожном займе и др. Все эти и другие временные союзы капиталистов, действовавшие в Китае, были образованы без участия американского капитала и выступали в известной степени против притязаний американских капиталистов.

Несмотря на то, что эти организации капиталистов игнорировали Соединенные Штаты и были направлены в известной мере против их империалистических интересов, американские капиталисты усиливали активность, стремились как можно больше внедриться в китайскую экономику. Все это, разумеется, не могло не обострить конкурентную борьбу иностранного капитала в Китае.

Однако в изучаемый период американские капиталисты не только не имели перевеса в борьбе с иностранными соперниками, а, наоборот, их доля в китайской торговле, а также доля в инвестировании капитала в Китае сокращались¹.

Немаловажным обстоятельством, содействовавшим дальнейшему сокращению американской торговой экспансии в Китае, являлось развитие и усиление антиимпериалистического движения китайского народа, выразившегося в то время в организации бойкота американских товаров.

В ходе этого движения китайский народ впервые продемонстрировал свои антиимпериалистические настроения путем прекращения закупок иностранных товаров.

В мае 1905 г. на собрании представителей руководящих купеческих гильдий и джентри в Шанхае было принято решение, призывавшее отказаться от ведения дел с американскими банками, торговыми фирмами, отдельными американскими дельцами и бойкотировать американские товары во всем Китае.

Бойкот американских товаров был вызван главным образом расовой дискриминацией и преследованиями китайских рабочих в Соединенных Штатах. Он был органи-

¹emer C. F., Foreign Investments in China, p. 250, 251, 262.

зован в знак протеста против окончательного запрета китайской иммиграции в США¹. Особенно сильное движение бойкота имело место в приморских районах Южного Китая. По прошествии нескольких недель оно охватило около 25 «договорных портов» Китая, приняв весьма широкие размеры, кроме Шанхая, в таких портах, как Кантон, Амой, Фучжоу, Тяньцзинь, Нючжуан, Ханькоу, Чанша, Сучжоу и др.

Бойкот американских товаров был первым в истории Китая бойкотом такого рода. Именно американская буржуазия первая почувствовала силу массового и организованного выступления со стороны китайского народа.

Антиимпериалистическое, антиамериканское выступление прогрессивной части китайской буржуазии нашло широкую и горячую поддержку среди китайского народа, так как «ставшие известными факты дискриминации послужили толчком к пробуждению в китайском народе чувства глубокой ненависти к американским империалистам»².

Даже некоторые чиновники цинского правительства не осмелились применять репрессии по отношению к участникам движения. Так, например, наместник провинций Гуандун и Гуанси Чэн Чунь-сюань обратился с нотой к американскому консулу в Кантоне, в которой писал: «Как известно, причиной антиамериканского движения явилось справедливое негодование, в котором единодушно объединились китайцы как внутри страны, так и за границей, и, конечно, не только в одной провинции Гуандун. Среди китайских рабочих в Америке многие являются выходца-

¹ В США на китайских иммигрантов смотрели, по выражению президента Гранта, «как на презренных рабов» (*Лю Да-нянь*, цит. соч., стр. 101). Американское правительство в 1904 г., как известно, своими односторонними действиями начало пересмотр международных документов относительно китайской иммиграции в США. Были полностью аннулированы договор 1868 г. и «Китайско-американское соглашение об ограничении въезда в США китайских рабочих и защите живущих в США китайцев» от 1894 г. Таким образом, было официально узаконено гонение на китайцев, проводимое в США в течение многих лет. Такая позиция враждебности и пренебрежения к китайцам вызвала в 1905 г. подъем движения протеста китайского народа.

² *Ху Шен*, Агрессия империалистических государств в Китае, М. 1951, стр. 170.

ми из Кантона, и поэтому кантонская толпа настроена особенно решительно...

Ваше сообщение о нарушении договора, вызвавшем невозможность продажи товаров, и требование под этим предлогом возмещения убытков является беспрецедентным... Наша администрация желает, чтобы уважаемый господин генеральный консул это ясно понял»¹.

Участники движения бойкота отказывались от торговли с американцами и прекратили потребление американских товаров, вследствие чего американские торговые фирмы и финансовые дельцы в Китае терпели большие убытки.

Правительство США выступило в защиту интересов американских капиталистов. Оно заявило протест китайскому правительству и потребовало принятия энергичных мер для подавления бойкота. США собирались произвести демонстрацию своих военно-морских сил у берегов Китая.

Протест американского правительства был поддержан дипломатическим корпусом в Пекине и консульским корпусом в Шанхае. Представители иностранных держав в своих протестах также потребовали от маньчжурского правительства немедленного подавления бойкота.

Империалистические государства, державшие в своих тисках Китай, были обеспокоены массовым движением бойкота, выразившим стихийное недовольство китайского народа засильем империалистов в стране.

Запуганное иностранцами и зависимое от иностранных держав, маньчжурское правительство боялось самостоятельных действий народа. Феодалное правительство Китая не только не оказало поддержку справедливому выступлению народа, но, наоборот, сочло его «стихийным бедствием». Правительство предприняло меры, чтобы подавить движение². Оно издало распоряжение о строгом запрещении бойкота.

В то же время китайские купцы, имевшие большие запасы американских товаров, испугавшись широкого размаха народного протеста и опасаясь возможной потери крупных доходов, капитулировали, и бойкот американских товаров вскоре был приостановлен.

¹ См. *Лю Да-нянь*, цит. соч., стр. 104—105.

² См. там же, стр. 105.

На первый взгляд бойкот американских товаров как будто не принес серьезного ущерба американским торговым фирмам, так как американский экспорт в Китай за 1905 г. показал увеличение по сравнению с предыдущим годом. Но это увеличение было следствием благоприятной обстановки, создавшейся для американских капиталистов на китайском рынке в связи с русско-японской войной.

По мнению автора монографии об американо-китайской торговле Пан Шу-люна, движение бойкота сыграло немалую роль в последующем резком падении американского экспорта в Китай¹.

Бойкот американских товаров, явившийся протестом против дискриминационных действий в отношении китайского народа, со всей очевидностью показал, что народные массы, несмотря на испытываемое жестокое угнетение, способны дать организованный отпор, внести существенные коррективы в колониальную деятельность иностранных держав в Китае.

Таким образом, в результате целого ряда обстоятельств, а главное—вследствие противодействия японских капиталистов многие позиции, занятые американским империализмом в торговле с Китаем еще до 1905 г., оказались ослабленными.

Американские империалисты, рассчитывавшие занять господствующее положение в Китае после русско-японской войны, не достигли желаемых результатов. Оказав вместе с Англией существенную помощь Японии в войне с царской Россией, они, как это показало будущее, действовали в ущерб своим интересам.

Добившись победы в войне, Япония приступила к осуществлению давно намеченных ею империалистических планов захвата Китая, она выступила решительным соперником американской экспансии в Китае.

Как доносили в Петербург дипломатические представители России, заявления об «открытых дверях» и пр. не мешали Японии настойчиво осуществлять в Китае политику экономического захвата². «Целью Японии является — стать хозяином судьбы Китайской империи»³.

¹ Pan Shü-Lun, op. cit., p. 54—56.

² АВПР, Пекин, д. 130, Коростовец — Извольскому, 8 февраля 1909 г.

³ Там же.

Создавшееся положение привело к обострению японо-американских отношений. В то же время оно усилило противоречия и борьбу между всеми великими державами, стремившимися «урвать кус», расширить свои сферы влияния в Китае.

Обострение американо-японских противоречий происходило в неблагоприятной для США международной обстановке.

Русско-японская война ускорила раскол империалистических государств на противостоящие друг другу военные группировки.

Империалисты Англии и Франции стремились как можно скорее втянуть русское самодержавие в блок, противостоящий Германии, добиваясь создания такого положения, при котором Россия могла бы сосредоточить свои главные вооруженные силы в Европе против Германии.

Оказав финансовую помощь царскому правительству для разгрома первой русской революции 1905—1907 гг., французские правящие круги навязали самодержавию ряд кабальных для русского народа условий. В результате происходивших весной 1906 г. встреч начальников французского и русского генеральных штабов франко-русский военно-политический союз получил еще большую антигерманскую направленность.

Не осталась в стороне и английская дипломатия. Подготавливаясь к войне с Германией, в Лондоне нашли своевременным дополнить англо-французское соглашение, заключенное в апреле 1904 г., договором с Россией. С весны 1906 г. русско-английские отношения вступают в новую фазу, характеризовавшуюся сближением двух сторон.

Обстановка, складывавшаяся для царской России на Западе, требовала урегулирования ее отношений с Японией, тем более что после окончания войны эти отношения оставались напряженными.

Японское правительство, нарушая Портсмутский трактат, тянуло с выводом японских войск из Маньчжурии, в то время как войска царской России выводились из этого края досрочно. Переговоры о торговом русско-японском соглашении, а также о заключении рыболовной конвенции на основе Портсмутского договора затягивались из-за непомерно больших требований японской стороны.

Донесения русских представителей как в Японии, так и в Китае и Корее указывали царскому правительству на вероятность того, что Япония готовится к войне именно с Россией. В Петербурге даже опасались, что Япония использует временную слабость империи, чтобы вновь начать войну с Россией.

Однако перегруппировка империалистических сил в Европе в это время внесла существенные изменения в японо-русские отношения. Враждебность между Россией и Японией более не соответствовала империалистическим расчетам английских и французских правящих кругов, так как, опасаясь вторичного нападения Японии, царская Россия отказывалась окончательно примкнуть к Антанте (заключить англо-русское соглашение).

Для Японии международная ситуация складывалась таким образом, что она не могла не пойти навстречу правящим кругам Англии и Франции в деле урегулирования отношений с царской Россией. Желательность для Японии нормализовать отношения с царской Россией объяснялась как политическими, так и экономическими соображениями. После войны резко обострились и продолжали ухудшаться японо-американские отношения на Дальнем Востоке. Нормализацию отношений с царской Россией японская дипломатия рассчитывала использовать для активизации своей агрессивной политики в Китае. Улучшить отношения со своим северным соседом стремилась и некоторая часть торгово-промышленных кругов Японии, заинтересованных в русско-японских торговых отношениях, а также в рыбной ловле.

В начале 1907 г. японское правительство приняло предложение царского министра иностранных дел Извольского о заключении соглашения. Между русским и японским правительствами начались деловые переговоры. 28 июля 1907 г. состоялось подписание рыболовной конвенции. А 30 июля 1907 г. было заключено русско-японское политическое соглашение, которое значительно улучшило отношения между обеими странами.

Соглашение свидетельствовало о сближении между недавними врагами и являлось одним из звеньев в цепи соглашений с Англией и Францией, которые стремились окончательно сформировать блок Антанты.

Русско-японское соглашение удовлетворяло в то время обе стороны. Если русские опасения за безопасность

Владивостока, Приморья и КВЖД и не были окончательно рассеяны, то все же они были в известной мере ослаблены.

Правительственные круги Японии видели в этом соглашении реальную опору против притязаний американского капитала в Маньчжурии. Соглашение было направлено против американских и иных посягательств на эту китайскую провинцию. «При полной согласованности действий России и Японии, — доносил царский посланник в Пекине Покотиллов в 1908 г., — постороннее вмешательство в маньчжурские дела никакого фактического влияния на ход последних иметь не может»¹.

Японо-русское соглашение означало, что расчеты Вашингтонского правительства на то, чтобы «их (Японии и России. — П. С.) конфликтные сферы, — как заявлял Т. Рузвельт, — сохранились и после заключения мира и чтобы они оставались противопоставленными друг другу...»², оказались несостоятельными.

Установление контакта между царской Россией и Японией, а также другие обстоятельства, среди которых немалую роль играло обострение русско-германских противоречий, создали реальные условия к тому, чтобы французо-русский союз дополнить англо-русским союзом.

Важнейшим шагом на этом пути явилось англо-русское соглашение, заключенное в Петербурге 31 августа 1907 г., касавшееся Афганистана, Тибета и Персии.

Англо-русское соглашение сглаживало русско-английские противоречия на Дальнем Востоке и, в частности, в Китае. Оно, как и японо-русское соглашение, в определенной степени притупило антирусское острие англо-японского союза 1905 г.

Соглашение 1907 г. создало так называемое Тройственное согласие — Антанту — военный союз, в который входили Англия, Франция и царская Россия. Антанта противостояла военному блоку во главе с Германией.

Заключенными с Японией каждой из стран Антанты соглашениями (включая и англо-японский союзный договор) в большей или меньшей мере обеспечивались тылы Великобритании, Франции и царской России на Даль-

¹ АВПР, Пекин, д. 129, Покотиллов — Извольскому, 18 февраля 1908 г.

² Dennis A. L. P., *Adventures in American Diplomacy, 1896—1906*, New York 1928, p. 364.

нем Востоке. Это обстоятельство действительно сыграло немаловажную роль как в подготовке, так и в ходе первой мировой войны. Оно позволило европейским странам сократить их вооруженные силы на Дальнем Востоке и перебросить их на европейский театр. Великие державы, участники Антанты, заинтересованные в обеспечении своих позиций на Дальнем Востоке, оставляли Японию в роли жандарма, предоставив тем самым японским империалистам значительную свободу рук в Китае и на всем Дальнем Востоке.

Соглашения европейских держав с Японией создали благоприятные условия для расширения и усиления империалистических позиций японского капитала на Дальнем Востоке и в особенности в Китае. Другими словами, оплачивать соглашения между империалистическими державами должен был в первую очередь Китай своей территорией, интересами, потом и кровью своего трудолюбивого народа. Это в свою очередь не могло не повлиять на подъем антиимпериалистического движения китайского народа.

Что касается США, то американский империализм оказался по существу перед единым фронтом трех европейских держав: Англии — союзницы Японии, царской России и Франции, который в свою очередь таил в себе серьезные внутренние противоречия.

Американской дипломатии приходилось считаться с этой новой расстановкой сил на Дальнем Востоке и приложить немало усилий для использования в своих интересах противоречий, разделявших соперников американского империализма.

§ 3. Борьба американского капитала за «свою долю» в эксплуатации Кореи

Американские капиталисты в Корее вскоре после русско-японской войны столкнулись с бешеной конкуренцией со стороны Японии.

В Корее, как и в Маньчжурии, японцы не желали считаться и не считались с американскими экономическими интересами, несмотря на то что Япония обязалась «уважать» деятельность американских концессий в этой стране.

Такое обязательство содержалось в секретном американо-японском соглашении, заключенном до окончания

русско-японской войны (в июле 1905 г.) между военным министром Соединенных Штатов Тафтом и премьер-министром Японии Кацура.

Бесцеремонно предав корейское суверенное государство, связанное с США договором о «добрых услугах» от 1882 г.¹, американские империалисты поставили своим «единственным требованием», чтобы «японцы уважали там (в Корее. — П. С.) американские концессии»².

В период до подписания мира в Портсмуте японские политические и финансовые деятели не скупались давать обещания и заверения об уважении американских «интересов» в Корее. Однако после войны японское правительство лишило иностранные державы, в том числе и США, права сношения с Кореей и постепенно стало ставить всю деятельность иностранного капитала в этой стране под японский контроль. Фактически уже в 1905 г. над Кореей был установлен японский протекторат³.

В тот период, пока Япония еще только добивалась окончательного подчинения корейского государства, американские фирмы, ведя конкурентную борьбу с японскими капиталистами, развивали активную деятельность по эксплуатации горнопромышленных предприятий в Корее, стремились по мере возможности внедрить свои капиталы в экономику страны.

Особое внимание американские промышленники обратили на добычу золота в Унсанском районе. Кроме того, две американские компании производили разработку и добычу меди в Кансане и графита в Кангнете.

Первая попытка добычи золота в Корее относится еще к 1885 г., когда торговый дом «Джардии и Мотисон» получил от корейского правительства разрешение на эксплуатацию месторождений золота. В 1889 г. пять американских капиталистов по поручению правительства США установили мельницу-толчею в унсанских приисках на севере Кореи. С этого времени американские капиталисты стремились всячески закрепить за собой соответствующие концессии во всем Унсанском районе.

¹ Имеется в виду американо-корейский договор 1882 г. (см. *Nelson M. F., Korea and the old Orders in Eastern Asia. Baton-Rouge, Louisiana 1946*).

² *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, Berlin, XIX, B. 1, № 5994, S. 113—114.*

³ *Tupper E. and McReynolds G., op. cit., p. 92.*

В 1895 г. концессия на унсанские прииски была передана американской фирме.

Эта фирма в 1898 г. уступила концессию англо-американской компании, находившейся под юрисдикцией США¹. К 1909 г. американские капиталисты вложили в это предприятие большие капиталы, и, «по их расчетам, — сообщал русский генеральный консул в Сеуле, — количество добываемого золота должно вскоре удвоиться»².

В результате хищнической эксплуатации природных богатств и ограбления корейских рабочих доходы англо-американской, а по существу американской, компании достигли 3,5 млн. иен в 1908 г. против 1,5 млн. иен в 1904 г.

Американская компания в Унсане в 1909 г. добывала не менее 70% всего золота, вывозимого из Кореи. В то же время общий экспорт золота из Кореи составлял³:

1894 г.	934 075 иен
1900 »	3 633 050 »
1904 »	5 009 596 »
1905 »	5 206 805 »
1906 »	4 666 130 »
1907 »	4 617 950 »
1908 »	4 768 518 »

Сокращение общего экспорта золота из Кореи можно объяснить тем, что после русско-японской войны европейские капиталисты почти приостановили разработку приисков и россыпей. Фактически экспортировала золото одна американская компания в Унсане.

Торговая экспансия в Корею со стороны иностранных держав и прежде всего Японии, которая играла решающую роль на торговом рынке Кореи, лишила американскую буржуазию возможности осуществить на практике те колониальные расчеты, которые были связаны с заключением соглашения Тафта — Кацура во время русско-японской войны.

¹ АВПР, Сеул, д. 19, специальный отчет драгомана русского генерального консульства в Сеуле, донесение Сомова — Извольскому от 8 апреля 1909 г.

² Там же.

³ АВПР, Сеул, д. 19, приложение к донесению Сомова—Извольскому от 8 апреля 1909 г.

Вскоре после войны японские власти повели энергичное наступление на американские фирмы, обосновавшиеся в Корее еще в конце XIX века.

Американская компания «Кольбран и Бостик» — самая влиятельная и самая большая иностранная фирма в Корее — была избрана японцами основным объектом борьбы. Японские власти предпринимали всевозможные меры к тому, чтобы вытеснить из Кореи эту компанию.

Своим бывшим друзьям по борьбе с царской Россией японцы даже не разрешили осматривать места для разработки горных концессий, полученных компанией от корейского правительства еще до войны. Это делалось под предлогом существования в этих районах «запретных зон», необходимых для безопасности Кореи (!).

Японцы производили порчу телефонной сети в Сеуле, являвшейся собственностью американской фирмы, поломку машин и механизмов, преследовали корейцев, работавших в американской компании, и пр.

Длившаяся более трех лет между американскими и японскими капиталистами борьба окончилась в пользу японской стороны. Израсходовав более 3 млн. долл. для защиты «своих интересов» в борьбе за эксплуатацию корейского народа, американская фирма в 1909 г. вынуждена была уйти из Кореи¹.

В результате жестокой торговой войны со стороны японских капиталистов американская торговля в Корее после русско-японской войны значительно сократилась. Об этом свидетельствуют следующие данные.

Первое место во всей иностранной торговле Кореи занимала Япония. Ее доля составляла 72,5% в 1905 г. и 68,2% в 1910 г. от всего объема иностранной торговли. В корейском импорте доля Японии равнялась 72,9% в 1905 г. и 63,7% в 1910 г., а в экспорте этой страны — 70,9% в 1905 г. и 77,2% в 1910 г.²

Второе место в корейской торговле как в 1905 г., так и на протяжении всего рассматриваемого нами периода занимал Китай. В 1905 г. США занимали третье место

¹ *Millard Th. F.*, *America and the Far Eastern Question*. New York 1909, p. 149—162.

² *Annual Report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1911—1912)*. Compiled by Government-General of Chosen, Seoul 1912, p. 265.

(4,9% от всей корейской торговли), а в 1910 г. они оказались на четвертом месте (5,9%), уступив Англии. Английская торговля в Корее в 1905 г. составляла всего лишь 0,9% (четвертое место)¹.

Главной статьей американского экспорта в Корею являлись керосин, стройматериалы, локомотивы и др. Поставляя на рынок Кореи керосин, американские фирмы продавали его по довольно высоким ценам, доставляя в глубь страны.

Важным фактором, благоприятствовавшим Японии в конкурентной борьбе с американскими и другими иностранными фирмами, являлось прежде всего выгодное по сравнению с другими иностранными державами политическое положение японок империалистов в Корее, а также господство японского капитала в экономике страны. Например, все железные дороги страны находились в руках японских гражданских и военных властей. На перевозку по железным дорогам товаров неамериканских фирм устанавливались чрезвычайно высокие транспортные тарифы, в то время как для японских товаров действовали покровительственные тарифы.

По существу японские товары через корейские порты ввозились беспошлинно, в то время как на другие иностранные товары устанавливались высокие пошлины.

Со стороны японских властей иностранным предпринимателям и торговцам чинились препятствия, им отказывали даже в выдаче паспортов для проезда в Корею.

§ 4. Конвенция между США и Японией о фирменных клеймах и знаках в Китае и Корее

В борьбе за устранение сильных в экономическом отношении конкурентов — английских и американских капиталистов — японские монополисты использовали различного рода дискриминационные меры, не стесняясь никакими средствами.

После войны японские торгово-промышленные круги стали широко использовать «жульнический способ веде-

¹ Annual Report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1911—1912), p. 265.

ния торговли» — подделку, как уже отмечалось выше, клейм и знаков известных американских, а также английских и других иностранных фирм. Этот «способ» заключался в том, что японцы на своих менее качественных товарах ставили иностранные знаки и, обманывая покупателей, продавали эти товары по более высокой цене, по ниже цены товаров американских, английских и других фирм. Такое мошенничество наносило серьезный ущерб иностранным торговым фирмам.

Представители иностранных держав в Китае расценивали эти действия как «акт явного пиратства со стороны Японии»¹.

Подделка иностранных клейм и знаков японцами вызвала особое возмущение со стороны американских торгово-промышленных кругов, терпевших большие убытки от японских подделок на китайском и корейском торговых рынках.

Американский посланник в Пекине Рокхилл выступил инициатором охраны прав собственников иностранных товаров и фабричных клейм, предложив заключить соответствующую конвенцию. Положительное решение этого вопроса было особенно важно для американской буржуазии. Дело в том, что до заключения конвенции американские патенты и торговые марки пользовались охраной японского закона только на территории самой Японии. Фальсификация же американских товаров, практиковавшаяся японцами в Китае и Корее, не преследовалась по японским законам, и японские фабричные изделия с подложными клеймами и марками получали безнаказанно широкое распространение.

Американское предложение о заключении конвенции, поддержанное представителями других иностранных государств, натолкнулось на явное противодействие Японии. «Это отрицательное отношение Японии к вопросу об охране торговых клейм, — доносил Покотиллов, — очень сильно возмущало представителей не только Соединенных Штатов, но и вообще торговых держав»².

В течение более трех лет американские и японские представители вели переговоры по вопросу об охране

¹ АВПР, Пекин, д. 126, Покотиллов — Извольскому, 11 августа 1907 г.

² Там же.

клейм и фабричных марок, пока, наконец, 19 мая 1908 г. в Вашингтоне конвенция была заключена¹. Японское правительство на основании конвенции обязывалось ввести и применять к американцам в Корее законы и правила относительно патентов и торговых марок, одинаковые с действующими в Японии; в Китае же американские изобретения и товары должны пользоваться защитой японского закона в пределах юрисдикции японских судов.

Соединенные Штаты со своей стороны в вопросах, затрагиваемых настоящей конвенцией, приравнивали корейских подданных к японским.

Соглашение между Японией и США, касающееся такого второстепенного, «неполитического» вопроса, как вопрос о коммерческих знаках, содержало в себе существенную оговорку относительно консульской юрисдикции в Корее.

Согласно статье 2 конвенции американское правительство обязалось подчинить исключительной юрисдикции японских судов в Корее американских граждан, которые нарушили бы законы о патентах или торговых марках в пределах корейской территории.

Правда, уступка в пользу японцев касалась только особого, вполне определенного правонарушения, но тем не менее это имело известное политическое значение. Таким образом, урегулирование вопроса о клеймах и фабричных марках свидетельствовало о том, что японская сторона и в этом вопросе имела несомненный успех по сравнению с американцами.

Успехи японцев в деле инвестирования капитала и торговли в Китае и Корее были неслучайными. Правящие японские круги стремились необходимыми военными мерами обеспечить закрепление занятых японцами позиций в Китае и Корее, имея в отношении этих стран далеко идущие планы. В представленном правительством проекте общего государственного бюджета Японии на 1907/08 финансовый год было ассигновано на чрезвычайные расходы около 200 млн. иен, или на 60 млн. иен больше, чем было выделено на эти же цели в 1906/07 финансовом году.

¹ Japan and the United States. Convention for the Reciprocal Protection of Inventions, Designs, Trademarks and Copyrights in China. May 19, 1908, *MacMurray J. V. A., Treaties and Agreements with and concerning China 1894—1919*, vol. I, New York 1921, p. 735—736,

Причем большая часть этого увеличения падала на военное и морское ведомства¹.

В ноябре 1906 г. в Японии был спущен на воду первый броненосец, построенный местными инженерами и рабочими. В Екосуке и Куре выросли первоклассные судостроительные заводы. Значительно расширился большой металлургический завод Явата.

Военные мероприятия японского правительства были рассчитаны на дальнейшее расширение господства Японии в районе Тихого океана. Вся внутренняя и внешняя политика японского империализма шла «в направлении мировой политики или во всяком случае поддержания и расширения своего господства в Восточной Азии»².

Однако вооружение Японии и в особенности усиление военно-морского флота вызывали беспокойство в Соединенных Штатах. Как доносил русский представитель в США, в Вашингтоне «к вооружению Японии относятся с болезненной подозрительностью»³.

Растущие взаимные опасения и подозрения между двумя империалистическими государствами возникали не только на «деловой», коммерческой основе.

Русский представитель в Пекине Покотилев в донесении от 11 августа 1907 г.⁴ сообщал, что чувства раздражения и подозрительности США к Японии и Японии к США далеко не ограничиваются сферой торговых интересов в Китае. Об этом свидетельствовал факт, как писал он, происшедший несколько времени тому назад. Американская эскадра, выйдя из Чифуского порта, производила ночные учения, во время которых американцы обнаружили среди своих судов четыре-пять японских миноносцев.

Заметив миноносцы, американский адмирал прекратил учение и объявил военную тревогу. Японцы удалились, но американцы простояли целую ночь у своих орудий.

¹ АВПР, Токио, д. 135, депеша Бахметьева—Извольскому от 12 января 1907 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 139, Крупенский — Извольскому, 4 июля 1908 г.

³ Там же.

⁴ АВПР, Пекин, д. 126, Покотилев — Извольскому, 11 августа 1907 г.

Американский адмирал объяснял, что поведение японских миноносцев показалось ему настолько необычным, что у него возникло подозрение о возможности дипломатического разрыва между Америкой и Японией, а события, которыми сопровождалось начало русско-японской войны, заставили его прибегнуть к мерам особой осторожности.

§ 5. Позиция американского правительства по вопросу о японских иммигрантах в США

Обострение конкурентной борьбы между США и Японией из-за Китая еще более усугублялось позицией американского правительства по вопросу о японских иммигрантах в США.

Японские иммигранты в значительном количестве появились в США в 1869 г., в год открытия трансконтинентальной железной дороги.

За десятилетие, с 1891 по 1900 г., иммиграция в США из Японии составляла 25 942 человека, в следующем десятилетии она составила уже 129 794 человека¹.

Основным районом иммиграции японцев в США были западные, тихоокеанские штаты: Калифорния, Орегон, Вашингтон, где американские капиталисты в то время испытывали нужду в дешевой рабочей силе.

Одновременно с иммиграцией рабочих в поисках легкой наживы из Японии в США направлялись капиталистические элементы, располагавшие известной частью отечественного капитала. Эти иммигранты заводили собственные хозяйства и быстро заняли прочное положение в садоводстве и огородничестве, а также в торговле, кустарных предприятиях и даже в банковском деле в западных штатах.

Среди японских иммигрантов было много студентов и молодых интеллигентов, покинувших свою родину по политическим мотивам в результате правительственных репрессий.

Лидеры реформистских профсоюзов США, подстрекаемые разными политиками, выступали противниками свободной иммиграции японцев. Антияпонское движение вылилось наружу уже в 1900 г., когда в Калифорнии развернулась агитация против японцев и корейцев.

¹ *Davie M.*, *World Immigration*, New York 1936, p. 320.

Буржуазная пресса усиленно раздувала расовую ненависть, используя всевозможные аргументы против японских переселенцев. Указывалось на их расовую обособленность, на их привычку жить в замкнутом национальном кругу, на то, что они не ассимилируются (не американизируются). Фигурировал и такой чисто расистский аргумент, что японцы, мол, «иностранны, недостойные стать американскими гражданами».

Против японцев выдвигалось обвинение в том, что они якобы довольствуются более низкой заработной платой, чем местные белые рабочие, и этим понижают прожиточный минимум членов тред-юнионов.

Реакционные элементы не постеснялись объявить японских иммигрантов форпостом Японской империи на территории США.

Американская буржуазия была заинтересована в поддержке и расширении антияпонского движения еще и потому, что это движение искусственно подогривало шовинистические настроения среди трудового населения США, способствовало отвлечению трудящихся от классовой борьбы.

«Буржуазия,— отмечал В. И. Ленин в 1913 г.,— травливает рабочих одной нации на рабочих другой, стараясь разъединить их»¹. Разжигая национальную вражду внутри рабочего класса США, буржуазия стремилась таким путем затушевать непримиримые классовые противоречия между трудом и капиталом.

Правительство США использовало реакционную верхушку АФТ, под давлением которой Американская федерация труда приняла ряд мер, направленных против рабочих-иностранцев. Была создана специальная антияпонская лига, открыто руководившая провокационными действиями: погромными выступлениями против японцев, бойкотом японских ресторанов и т. п.

Дополнительным толчком к развертыванию антияпонского движения в Калифорнии в 1906 г. послужил набег японских шхун на остров Святого Павла в Алеутской группе, где команды японских катеров истребили несколько сот котиков². Используя этот случай, буржуазная пресса штата Калифорния усилила антияпонскую

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 413.

² АВПР, Токио, д. 135, депеша Бахметьева от 25 августа 1906 г.

пропаганду. Газеты Сан-Франциско, отражавшие интересы крупной калифорнийской буржуазии, требовали от федерального правительства принятия мер к ограничению иммиграции.

В период до окончания русско-японской войны 1904—1905 гг. американские правящие круги не ограничивали японскую иммиграцию в США и не предпринимали мер к ее прекращению. Иную позицию в этом вопросе заняло американское правительство в 1906 г.¹

Недовольные усилением влияния и расширением сферы приложения японского капитала на Дальнем Востоке после русско-японской войны, правящие круги США использовали антияпонское движение в западных штатах, рассчитывая воздействовать на своего соперника, заставить его посчитаться с интересами американских капиталистов на Дальнем Востоке.

В результате начатой кампании японских иммигрантов стали преследовать, применять к ним методы сегрегации, как это делалось в отношении негров, создавать препятствия японцам, отправлявшим своих юношей для получения образования в Америку, и т. д.

11 октября 1906 г. муниципалитет Сан-Франциско во главе с мэром города Шмидцем при активном участии верхушки тред-юнионов принял решение запретить японским детям посещать общие с белыми школы, предложив направлять всех японских, китайских и корейских детей в особую школу для «азиатов».

Это решение муниципалитета вызвало крайнее возбуждение японского общественного мнения. В японской прессе появились очень резкие антиамериканские статьи. Корреспондент газеты «Нью-Йорк сан» писал в октябре 1906 г., что за 19 лет своего пребывания в Японии «он никогда не видел такого возбуждения в японской прессе против американцев»².

«Антиамериканское брожение здесь так сильно возросло, — доносил царский посол в Токио спустя некоторое время после решения калифорнийских властей, — что газеты почти не уделяют места другим вопросам»³.

¹ *Bailey Ph. A., Theodore Roosevelt and the Japanese-American Crises, California, London 1934, p. 9.*

² *Ibid.*, p. 49, 53—54.

³ АВГР, Токио, д. 135, депеша Бахметьева от 20 октября 1906 г.

По поводу действий калифорнийских властей японский посол в Вашингтоне Аоки сделал официальное представление федеральному правительству США с требованием прекратить антияпонские выступления в Калифорнии¹.

Сознавая, какую опасность представляло антиамериканское движение в Японии, большая часть американской прессы была мобилизована президентом США Т. Рузвельтом на разъяснение того, что так называемый «школьный инцидент» имеет исключительно локальный, местный, характер и что правительство и «народ США не одобряют образ действия калифорнийских властей»². Однако часть американской прессы («Вашингтон пост», «Норт америкэн ревью» и др.) продолжала печатать статьи о том, что США, помогая Японии занять «первенствующую роль» на Дальнем Востоке, действуют в ущерб своим собственным интересам и на «пользу наиболее опасного своего соперника»³.

После официального выступления японского представителя вопрос о недопущении японских детей в американские школы стал предметом оживленного обсуждения как в правительственных кругах, так и во всей капиталистической прессе США⁴.

Почти все американские буржуазные газеты высказывали мнение о том, что «школьный инцидент» является внутренним делом штата Калифорния, что только сама Калифорния имеет право решать вопросы, касающиеся ее внутренней жизни⁵.

Как будто в подтверждение этой позиции местные власти других западных штатов заявили о полном запрещении как китайской, так и японской иммиграции.

Как сообщал русский посол Розен, «общественное мнение тихоокеанских штатов надеялось, что федеральное правительство сумеет осветить надлежащим образом инцидент и в примирительном тоне поставит токийский

¹ АВПР, Вашингтон, д. 143, Розен — Извольскому, 1 (14) ноября 1906 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 143, приложение к донесению Розена — Извольскому от 1 (14) ноября 1906 г.

³ «The North American Review». Friday, November 2-nd. 1906; «Washington Post» Sunday, November 11, 1906.

⁴ АВПР, Вашингтон, д. 143, приложение к донесению Розена — Извольскому от 1 (14) ноября 1906 г.

⁵ *Tupper E. and McReynolds G.*, *op. cit.*, p. 19—32.

кабинет в известность о невозможности вмешиваться в дела отдельных штатов»¹.

Американское правительство во главе с Т. Рузвельтом, убежденное в том, что в Токио придают этому вопросу очень важное значение, и «опасаясь возникновения острого конфликта», осторожно отнеслось к представлениям японского посла. Дав «успокоительные разъяснения» Японии, президент США направил в Сан-Франциско министра торговли и работ Меткафа «для расследования обстоятельств дела»².

Таким образом, вашингтонское правительство не решалось отвергнуть категорически, как на этом настаивали западные штаты, требования Японии в «школьном вопросе», избегая создавать нежелательные для Соединенных Штатов Америки осложнения в их отношениях с Японией³.

Можно согласиться с мнением русского посла в Токио, который объяснял примирительную позицию вашингтонского правительства циркулировавшими слухами относительно секретных переговоров Японии с Англией по вопросу о помощи в случае войны Японии с США.

По мнению посла, правительство Соединенных Штатов отнеслось внимательно к требованиям японцев в ноябре 1906 г. «вследствие опасения — как бы не вызвать»⁴ калифорнийским инцидентом войны.

В Вашингтоне учитывали, что «возникновение войны было бы крайне нежелательно для Америки, так как помимо опасности потери всех капиталов, помещенных

¹ АВПР, Вашингтон, д. 143, Розен—Извольскому, 1 (14) ноября 1906 г.

² Там же.

³ «The North American Review», vol. 192, № 5, 1910, p. 672.

⁴ В секретном донесении русский посол сообщал, что в Японии циркулируют слухи о том, что японское правительство осенью 1906 г. вело в Лондоне переговоры по вопросу о более подробной разработке статьи 4 англо-японского союзного договора. Япония, как сообщалось, обязывалась «на любом театре войны в Азии поддерживать свою союзницу посылкой 180 тыс. человек». Готовность Японии оказать столь существенную помощь своей союзнице, когда еще не предвиделось никакой войны в Азии, можно объяснить тем, что, давая подобное обещание, Япония стремилась заручиться соответствующим обязательством со стороны Англии. Англия договаривалась о помощи со стороны Японии будто бы на случай восстания в Индии. (АВПР, Вашингтон, д. 143, Розен—Извольскому, 1 (14) ноября 1906 г.)

в Японии, федеральному правительству пришлось бы считаться с союзницей Японии — Англией»¹.

Тем временем агитация против японцев в тихоокеанских штатах усиливалась. Она особенно развернулась в связи с сообщениями вернувшегося из поездки в Гонолулу комиссара иммиграционного бюро Сарджента. Последний заявлял, что Гавайские острова служат для японцев промежуточным пунктом, откуда они затем переселяются в США. Разжигая шовинистические настроения среди американцев, Сарджент говорил об увеличивающемся наплыве японцев на Гавайские острова, достигшем в 1906 г. 60 тыс. человек, и продолжающемся приезде их ежемесячно в количестве 1 тыс.²

Из опасения серьезных осложнений в отношениях с Японией Т. Рузвельт в послании конгрессу 4 декабря 1906 г. после преувеличенных похвал по адресу японского народа строжайше осудил образ действий калифорнийских властей.

Требуя такого же отношения к японцам, как и к европейским нациям, президент предложил конгрессу издать закон, разрешающий натурализацию японцев, прибывающих в США, т. е. принять закон, который давал бы японцам право становиться гражданами США. Заявляя о необходимости уважать интересы японских иммигрантов, Т. Рузвельт предупреждал, что как глава государства он намерен сделать для японцев все, что в его власти, и «употребить для этой цели все силы Соединенных Штатов, военные и гражданские», коими он может законно располагать³.

Заявление Рузвельта было лишь демагогическим маневром «искусного» буржуазного дипломата, который либеральными фразами старался усыпить бдительность своего противника. Такой категорический и угрожающий по отношению к Калифорнии тон послания, доносил Розен, «без сомнения, объясняется желанием президента успокоить японцев»⁴.

¹ АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса», «Gaulois» № 10644, 26 ноября 1906 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 143, Розен—Извольскому, 27 декабря 1906 г. (9 января 1907 г.); *Davie M.*, *op. cit.*, p. 324—326.

³ АВПР, Вашингтон, д. 143, приложение к донесению Розена—Извольскому от 29 ноября (12 декабря) 1906 г.

⁴ Там же.

Власти штата Калифорния выразили несогласие с посланием Т. Рузвельта.

В прессе тихоокеанских штатов было «высказано изумление, что в распре между американцами и японцами президент Соединенных Штатов оказался не на стороне своих сограждан»¹.

Но, как показали последующие события, выступление президента было лицемерным: глава американского правительства отнюдь не собирался стать на защиту прав японских иммигрантов.

Вопрос о японской иммиграции явился предметом длительной дискуссии на открывшейся сессии конгресса США, где обсуждался доклад министра Меткафа, составленный им в выгодном для японцев свете.

Такое освещение «школьного инцидента» не удовлетворяло некоторых членов конгресса. Вследствие этого Т. Рузвельт вынужден был направить конгрессу письменный доклад Меткафа, сопроводив его вторичным посланием, которое было написано в том же духе, как упомянутое выше. Президент повторял, что он употребит всю свою власть для охраны личной и имущественной неприкосновенности японцев, которая обеспечивалась договором с Японией от 1894 г.

Однако как доклад Меткафа, так и послание вызвали недовольство ряда членов конгресса, особенно представителей западных штатов, которые выражали интересы капиталистов и торговцев этих штатов.

В ответ на послание президента сенатор Гири (от штата Орегон) выступил с проектом, согласно которому федеральному правительству предлагалось начать переговоры с Японией о внесении изменений в трактат 1894 г., которые точно определяли бы права иммигрировавших японцев, а также содержали бы постановления, запрещающие дальнейший въезд японских кули в США.

Одновременно Гири подверг резкой критике поведение Т. Рузвельта в калифорнийском вопросе. Как истый расист и проповедник превосходства англосаксов, он заявил о недопустимости «для американцев ассимилироваться с монгольской расой»².

¹ АВПР, Вашингтон, д. 143, приложение к донесению Розена — Извольскому от 29 ноября (12 декабря) 1906 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 143, Розен — Извольскому, 13 (26) декабря 1906 г.

Японское правительство, внимательно следившее за ходом обсуждения калифорнийского вопроса в конгрессе, решило выступить с угрозами в адрес США. Министр иностранных дел Японии Хаяси заявил в печати, что в случае неблагоприятного разрешения «школьного вопроса» антияпонское движение в Калифорнии будет рассматриваться Японией как движение, поддержанное общественным мнением и правительством США¹.

«Такое официальное заявление давало основание предполагать, — отмечал Розен, — что японское правительство будет серьезно отстаивать свою точку зрения в калифорнийском вопросе».

Несмотря на то что «угрожающий тон министра не понравился американцам»², вашингтонское правительство решило уменьшить воинственный пыл американской прессы, сообщал Розен. И действительно, в отзывах на речь Хаяси печать США проявила большую сдержанность, стараясь не разжигать антияпонских настроений. Американская пресса ограничивалась теперь замечаниями о том, что неосновательно ставить федеральному правительству США в вину действия штата Калифорния.

Категорический тон заявления японского министра иностранных дел вынудил президента США прибегнуть к новому маневру. Он пригласил к себе в Вашингтон на совещание представителей калифорнийских властей и предложил им «уступить» в «школьном вопросе». Свое требование Т. Рузвельт обосновывал тем, что в данное время наступил кризис в японо-американских отношениях³.

Совещание с калифорнийскими представителями понадобилось Рузвельту только как ширма для осуществления своих планов наступления на права рабочих-переселенцев.

Государственный секретарь США Рут внес в конгресс дополнение к биллю об иммиграции⁴. Предложение Рута

¹ АВПР, Токио, д. 911, Бахметьев — Извольскому, 26 января 1907 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 136, Розен — Извольскому, 24 января (6 февраля) 1907 г.

³ АВПР, Вашингтон, д. 136, Розен — Извольскому, 7 (20) февраля 1907 г.

⁴ Там же.

предоставляло президенту право отказывать во въезде в Соединенные Штаты Америки иммигрантам, если он сочтет, что приезд их на территорию США ухудшит местные условия труда. Законопроект предусматривал прием японских детей в американские школы в Сан-Франциско только в том случае, если они не моложе 9 и не старше 16 лет и владеют английским языком.

В иммиграционный закон был включен пункт о праве президента выселять с территории Соединенных Штатов иммигрантов, прибывших с иностранными визами, но без визы для въезда в США.

Иммиграционный закон положил начало наступлению на права рабочих-переселенцев. Он был принят конгрессом 20 февраля 1907 г. под названием «Закона о надзоре над иностранными иммигрантами в Соединенных Штатах». На основании принятого конгрессом закона Т. Рузвельт издал специальный приказ, запрещающий въезд на территорию США (включая островные владения и зону Панамского канала) японским и корейским рабочим и ремесленникам из Канады, Гаваев и Мексики, так как прибытие их в США, как говорилось в приказе, отрицательно отражается на существующих условиях труда.

Преувеличенные любезности по адресу Японии, благожелательные заявления о разрешении натурализации японцев и о том, что японцы и корейцы должны пользоваться теми же правами, что и белые, носили, как оказалось, чисто декларативный характер. Они были забыты и отброшены руководящими деятелями США в угоду интересам американских капиталистов.

Издание президентом Т. Рузвельтом приказа о недопущении японской иммиграции в США японская пресса приписывала влиянию на конгресс калифорнийцев¹ (калифорнийской буржуазии). Наряду с этим в японской печати были и резкие выступления по адресу правительства США. Заявлялось, что Т. Рузвельт принял энергичные меры для недопущения в Калифорнию «дешевых работников», а Япония получила удар не только «по своему самолюбию», но и по своим экономическим интересам.

¹ АВПР, Токио, д. 911, см. серию донесений Бахметьева, 23 марта (7 апреля) и т. д. за 1907 г.

Почему японское правительство не приняло тех решительных мер, которых так сильно опасались в Соединенных Штатах Америки? Что заставило японское правительство сменить угрожающий тон и примириться с действиями вашингтонского правительства?

Это объясняется прежде всего тем, что японские империалисты в то время еще не успели достаточно прочно закрепить свои позиции на Дальнем Востоке.

Уступив в калифорнийском вопросе, японское правительство рассчитывало получить от США молчаливое согласие на фактическое и формальное закрепление японских ключевых позиций в Южной Маньчжурии. Оно надеялось, что США вынуждены будут примириться с японскими захватами в Китае.

Уступкой в «школьном вопросе», доносил русский посол в Токио, Япония рассчитывает приобрести от США несравненно больше (имелось в виду соглашение Рут — Такахира относительно Китая и Тихого океана) ¹.

Убедившись в поддержке конгресса, калифорнийская буржуазия активизировала выступления против японцев.

После приказа Т. Рузвельта о запрещении въезда в США японских рабочих антияпонское движение приняло еще большие размеры. Оно энергично поддерживалось лидерами реформистских профсоюзов Гомперсом и Хилкитом, которые проводили шовинистическую агитацию, прикрываясь лозунгом: «Японцы подрывают жизненный уровень американцев». Расистская агитация руководства АФТ вызвала новые погромы японцев.

Калифорнийский инцидент и его неблагоприятный для японцев исход усилили в Японии шовинистические настроения, направленные главным образом против Соединенных Штатов Америки. Используя эти настроения, правящая верхушка Японии стремилась разжечь в японском народе ненависть к американцам.

Не без ведома правительственных властей в стране возникло несколько антиамериканских организаций, в частности общество «единомышленников по вопросам, имеющим отношение к Америке», в программе которого

¹ АВПР, Токио, д. 911, донесение Бахметьева от 7 апреля 1907 г.

заявлялось: «Мы оспариваем это решение... Мы намерены бороться с нашим правительством и Америкой»¹.

В ответ на провокационные выступления в Калифорнии капиталистическая пресса Японии усилила антиамериканскую пропаганду, выражая свое возмущение в еще большей степени, чем после «школьного вопроса»².

Однако официальный орган японской печати «Джапан таймс» поспешил заверить правящие круги Соединенных Штатов в том, что «чувства Японии к Америке так же искренни, как и прежде, и местные инциденты их не изменят, но что если положение приходится назвать весьма неприятным, то это выражение не самое сильное из тех, которые подходят для его характеристики»³.

Из заявления официоза министерства иностранных дел явствовало, что антияпонское движение в Соединенных Штатах было весьма неприятно японской буржуазии, но японские правящие круги готовы были пойти на уступки, если США не будут мешать им осуществлять свои захватнические планы в Китае.

Со своей стороны японские капиталисты не без санкции правительства отправили Т. Рузвельту меморандум⁴. Выражая свою благодарность Т. Рузвельту за справедливый и примирительный образ действий, японские торговые палаты указывали, однако, на опасность, которая может возникнуть в результате враждебной японцам агитации в Калифорнии.

Одновременно с обращением к президенту торговые палаты Японии обратились с аналогичным меморандумом ко всем 13 главным торговым палатам США. В этих посланиях особенно подчеркивалась важность взаимного товарооборота для обеих стран и, таким образом, содержалась угроза американским капиталистам, которые экспортировали свои товары в Японию. Читая между строк меморандум торговых палат, сооб-

¹ АВПР, Токио, д. 911, Бахметьев — Извольскому, 17 апреля 1907 г.

² АВПР, Токио, д. 911, депеша Бахметьева от 18 мая 1907 г.

³ АВПР, Токио, «Jарап Times», приложение к депеше Бахметьева от 18 мая 1907 г.

⁴ АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса», «New York Times», 21. VI. 1907.

шал нью-йоркский корреспондент телеграфно-информационного агентства Ассошиэтед Пресс, нельзя не прийти к заключению, что в нем содержится угроза бойкота американских товаров, ввозимых в Японию¹.

Вместе с тем в посланиях японской буржуазии выражалась просьба к американским коммерческим кругам, чтобы последние употребили свое влияние для урегулирования калифорнийского конфликта.

События в Калифорнии являлись отражением анти-японских настроений среди американской буржуазии, настроений, которые в эти годы обострились и усилились именно в результате империалистического соперничества между Японией и США в Китае². С момента окончания русско-японской войны соперничество на Дальнем Востоке превратилось в непримиримый антагонизм между США и Японией, который в условиях капитализма мог быть разрешен только военным путем.

Что же касается разногласий между правящими кругами США и Японии по вопросу об иммиграции японских рабочих, то они не были столь серьезными, чтобы два буржуазных правительства не могли о них договориться, ибо не в интересах капиталистов доводить дело до войны, когда вопрос касается только рабочих. Нельзя не согласиться с заявлением русского посла в Вашингтоне Розена, считавшего, что разногласия по иммиграционному вопросу «вовсе не таковы, чтобы их нельзя было уладить мирным и дружелюбным путем...»³

Однако мировая буржуазная печать и в особенности американская пресса раздувала слухи о неизбежности американо-японской войны⁴. На протяжении всего 1907 г. пресса многих стран уделяла значительное внимание вопросу о возможной войне на Дальнем Востоке.

Американские представители в Европе и на Востоке доносили правительству США, что в странах, где они представляют, считают американо-японскую войну неизбежной. Особенно энергично доказывали неиз-

¹ АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса», «New York Times», 21. VI. 1907.

² *Bailey Th. A.*, *op. cit.*, p. 27.

³ АВПР, Вашингтон, д. 139, Розен — Извольскому, 25 декабря 1907 г. (7 января 1908 г.).

⁴ *Tupper E. and McReynolds*, *op. cit.*, p. 32—37, 42—45.

бежность этой войны германские дипломаты и политические деятели, связывавшие с ней немало надежд и планов.

Придавая серьезное значение донесениям дипломатических представителей и военно-морских агентов за границей, военный министр США В. Тафт представил в июне 1907 г. в правительство подробный доклад о необходимости принять меры для защиты колониальных владений Соединенных Штатов — Филиппин, Гуама и Гавайских островов — в случае войны с Японией.

Во время разгула шовинистических настроений в Сан-Франциско, а также широкого антиамериканского движения в Японии Т. Рузвельт, учитывая возможность войны с Японией, послал командующему американскими войсками на Филиппинах инструкцию о защите островов в случае японских атак¹.

Тем временем дипломаты Японии и США стремились найти приемлемую для обеих сторон дипломатическую форму решения иммиграционного вопроса.

Переговоры по иммиграционному вопросу между США и Японией велись в течение более двух лет. В первых числах января 1908 г. в беседе с русским послом Розеном государственный секретарь Рут заявил, что переговоры с токийским кабинетом по иммиграционному вопросу подвигаются нормально.

Американский посол в Токио, сказал Рут, «встречает со стороны японского правительства полную готовность удовлетворить, по мере возможности, американские пожелания». Речь идет, разумеется, не о заключении формального соглашения, отмечал Рут, решиться на которое токийскому кабинету не позволило бы столь «возросшее в последнее время национальное самолюбие» японцев. Речь идет о «приискании удовлетворительного для обеих сторон способа прекращения наплыва японских рабочих в Соединенные Штаты путем внутренней строгой регламентации эмиграции из Японии и в случае нужды совершенного запрещения этой эмиграции, которая направ-

¹ *Griswold A. W., The Far Eastern Policy of the United States. New York 1938, p. 128.*

Командующему войсками на Филиппинах Т. Рузвельт указывал на необходимость «приготовиться к обороне островов в связи с ежеминутно ожидаемой атакой японцев».

ляется на Гавайские острова и в Мексику, откуда японские рабочие перебираются в США¹.

Действительно, японское правительство со своей стороны согласилось урегулировать иммиграционный вопрос, не заключая, однако, официального соглашения.

22 января 1908 г. в газете «Нью-Йорк геральд»² было помещено заявление министра иностранных дел Японии Хаяси о том, что японское правительство намерено строго следить за тем, чтобы выдача паспортов была ограничена.

Идя на уступку США в этом вопросе, министр объяснял ограничение иммиграции следующим образом: «Многие думают, что это ограничение унижительно для нашей страны, но мы только продолжаем следовать направлению, принятому в 1899 г. Если японские эмигранты будут наводнять Америку в неограниченном количестве, то правительство США будет вправе принять против эмигрантов меры, подобные тем, которые существуют по отношению к Китаю. Принятие таких мер было бы весьма тяжело для наших эмигрантов. Ввиду этого гораздо целесообразнее своевременно ограничить число переселенцев»³.

Японское правительство приняло ограничительные меры в иммиграционном вопросе, имея в виду, как лживо отмечал Хаяси, благо рабочих-переселенцев, а не интересы американских империалистов и своих отечественных капиталистов.

Такое объяснение не соответствовало истине. Позиция японского правительства была продиктована необходимостью пойти на компромисс с США. Экономическая слабость Японии и боязнь столкновения в то время с США подсказывали японским правящим кругам политику лавирования и компромисса как в этом, так и в других вопросах.

Японская буржуазия и военно-милитаристская клика, разумеется, жертвовали интересами подданных Японии в США в угоду своим империалистическим целям.

¹ АВПР, Вашингтон, д. 139, Розен—Извольскому, 9 (22) января 1908 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 139, приложение к донесению Розена—Извольскому от 9 (22) января 1908 г.

³ АВПР, Вашингтон, д. 139, Розен—Извольскому, 9 (22) января 1908 г.

Договоренность Соединенных Штатов Америки с Японией, согласно которой последняя обязывалась не выдавать паспортов рабочим для въезда в США и в соседние с ними страны, вошла в историю под названием «джентльменского соглашения».

В американских и японских источниках, в американской литературе, в монографиях советских авторов, а также в материалах Архива внешней политики России не имеется сведений о том, чтобы по иммиграционному вопросу существовало какое-либо формальное соглашение.

Дипломаты обеих стран в результате длительного обсуждения иммиграционного вопроса ограничивались формальной записью бесед, а также обменом нотами. Дипломатические переговоры носили секретный и конфиденциальный характер¹. Эти документы и получили название «джентльменского соглашения»². В действительности состоявшееся соглашение было далеко не джентльменским по отношению к японским трудящимся.

Американское правительство соглашалось не запрещать въезда на территорию США японским иммигрантам, имеющим японские заграничные паспорта. Японское правительство со своей стороны обещало ограничить количество заграничных виз и не предоставлять рабочим заграничных паспортов для поездок в Соединенные Штаты Америки. Это обязательство было включено в американо-японский договор 1911 г. о торговле и мореплавании в следующей формулировке: «Японское правительство решило сохранять прежнюю силу за теми ограничениями и за тем контролем, которые оно за последние три года применяло касательно эмиграции японских рабочих в Соединенные Штаты»³.

Эти постановления регулировали взаимоотношения обоих правительств по вопросам иммиграции с 1908 по 1924 г.

¹ Спустя 20 с лишним лет была впервые опубликована переписка по иммиграционному вопросу за период с 1907 по 1908 г., т. е. так называемое «джентльменское соглашение» США с Японией (см. «U. S. Foreign Relations», 1924).

² *Griswold A. W.*, *op. cit.*, p. 124.

³ Японо-американская переписка, «Международная летопись» (политика, экономика, право) № 3, М. 1925, стр. 45.

Итак, два империалистических правительства договорились о совместном ущемлении интересов рабочих-переселенцев.

Американские правящие круги выступили инициаторами создания единого фронта англосаксонских стран против японских рабочих-иммигрантов. Глава американского правительства Т. Рузвельт в декабре 1906 г., в период наибольшего обострения отношений в иммиграционном вопросе, обратился к министру иностранных дел Англии Эдуарду Грею с письмом, в котором указывал на общность интересов США, Канады и Австралии в отношении иммиграции японских кули¹.

В этих английских владениях, а также в Новой Зеландии после состоявшихся антияпонских погромов были приняты в отношении японских трудящихся такие же запретительные меры, как и в США².

Решение иммиграционного вопроса за счет японских трудящихся подтверждает правильность ленинского положения о том, что, когда дело касается ущемления интересов трудящихся масс, капиталистические государства и их правительства всегда находят общий язык и достигают взаимного согласия.

Избежав конфликта с Японией в иммиграционном вопросе, правящие круги США стремились использовать иммиграционный вопрос для осуществления своих империалистических планов на Дальнем Востоке, чтобы склонить общественное мнение в пользу усиления военно-морского флота, чтобы иметь возможность милитаризовать страну.

¹ *Bailey Th. A.*, op. cit., p. 153.

² В то время, когда американские и японские дипломаты договаривались о подыскании соответствующей формы для ограничения рабочей иммиграции, на Штутгартском конгрессе II Интернационала в августе 1907 г. Хилквит и его компания пытались провести резолюцию о запрещении эмиграции трудящихся из Китая и Японии.

Оппортунисты II Интернационала носились с мыслью ограничить право переселения «отсталых, неразвитых рабочих», особенно японцев и китайцев.

В. И. Ленин подверг суровой критике американских и других оппортунистов, пособников колониального угнетения и расовой дискриминации, действия которых были направлены против единого фронта рабочего класса и на ослабление его международной классовой солидарности.

Империалистическим кругам США пропаганда войны с Японией нужна была и потому, что без длительной идеологической подготовки нельзя было расширить и укрепить армию, необходимую для завоевательных целей и в первую очередь для борьбы с Японией. До тех пор пока эта задача не была решена, американскому правительству приходилось вести политику лавирования по отношению к Японии вообще и в иммиграционном вопросе в частности.

Глава американского правительства Т. Рузвельт, играя на низких, шовинистических чувствах некоторой части американского общества и преувеличивая угрозу возможной войны с Японией, добивался получения средств для проведения широкой военной подготовки и увеличения программы строительства военно-морского флота, а также усовершенствования тактико-технических боевых качеств существовавших военных кораблей, так как военные приготовления США были еще далеки от завершения.

Президент Т. Рузвельт требовал создания мощного флота¹, с помощью которого Соединенные Штаты Америки сумели бы добиться господствующего положения на Тихом океане и в особенности в районе Дальнего Востока.

§ 6. Военно-морская демонстрация на Дальнем Востоке (1907—1908 гг.)

На рубеже XIX и XX вв. военно-морской флот США являлся важным орудием в руках господствующего класса для осуществления колониальной политики американских империалистов вне американского континента. Это было подтверждено всем ходом развязанной США испано-американской войны, первой войны империалистов за передел мира.

После окончания этой войны наиболее агрессивные элементы американских господствующих кругов стали требовать увеличения ассигнований на вооруженные силы, в первую очередь на морское вооружение. Уже в период с 1901 по 1905 г. ассигнования на морской флот США

¹ *Dennett T.*, *op. cit.*, p. 162.

составляли 85—118 млн. долл. ежегодно и являлись наибольшими ассигнованиями в мирное время по сравнению с предшествующим периодом¹.

Такое увеличение ассигнований на военно-морское строительство объяснялось также и тем обстоятельством, что в развитии военного флота была заинтересована быстро развивавшаяся в то время стальная промышленность США.

Представители стальной промышленности играли видную роль в общей (внутренней и внешней) политике страны. Они использовали свое политическое влияние для обеспечения себе выгодных заказов.

К декабрю 1905 г. Соединенные Штаты Америки имели 40 военных кораблей². По мощи морского флота США занимали в то время третье место в мире, после Великобритании и Франции.

Однако такой уровень военно-морских сил не удовлетворял империалистов США. Их не устраивало, в частности, и то, что флот располагался только в Атлантическом океане.

Реализуя планы превращения США в первоклассную империалистическую державу, американские правящие круги уделяли исключительное внимание увеличению своего военно-морского флота, стремились создать мощный флот «двух океанов».

Еще в первый год своего правления президент США Т. Рузвельт заявлял в декабре 1901 г., что «флот составляет для нас (США. — П. С.) единственное средство сделать доктрину Монро чем-либо другим, чем предметом для презрения всякой нации, которая вздумает ею пренебрегать».

Несомненно, что большое влияние на увеличение роли военно-морского флота оказала теоретическая концепция — доктрина «морской мощи», широко распространенная среди господствующего класса американского общества.

Наиболее известным трубадуром доктрины «морской мощи» был адмирал Мехэн. Он проповедовал необходи-

¹ *Sprout H. and M. The Rise of American Naval Power (1776—1918)*, Princeton 1946, p. 261.

² *Ibidem.*

Мосьть увеличения американского морского флота, захвата и сооружения военно-морских стратегических баз для расширения сферы господства американского военного флота и «охраны» американских колониальных владений, требовал, чтобы США заняли традиционно принадлежавшее Англии место «владычицы морей».

Теоретическая концепция адмирала Мехэна исходила из того, что главной целью агрессии американского империализма являются районы Азии, лежащие по ту сторону Тихого океана, и в особенности Китай. Это не означало, конечно, отказа США от захвата и неограниченного контроля над Карибским бассейном и всей Центральной и Южной Америкой, а также Канадой. Однако установление контроля над Тихим океаном и господство над странами Азии и в первую очередь над Китаем должно было быть, по мнению Мехэна, коренным требованием американского империализма. Он считал также, что район Тихого океана как крупный центр торговли должен был явиться ареной величайшей борьбы между странами Востока и Запада.

Объясняя необходимость для США овладения стратегическими позициями в водах Тихого океана, Мехэн, наводя страх на рядовых американцев, утверждал, что может наступить такой момент, когда «огромные массы Китая, теперь инертные, могут подчиниться одному из импульсов, которые в прошлые века сметали цивилизацию волной варварских нашествий».

Великие армии Европы, — вещал Мехэн, — существование которых так часто считают предосудительным, должны будут стать барьером против такого грандиозного нашествия...»¹

Запугивание «великой битвой», в которой США должны играть ведущую роль, понадобилось Мехэну для того, чтобы обосновать идею увеличения военно-морского флота США.

Мехэн при этом ссылался не только на «предначертания судьбы», якобы толкавшей американский империализм к захватам огромных пространств Тихого океана, но и на факты из американской истории. Он ссылался на

¹ *Mahan A. T., The Interest of America in Sea Power. Present and Future, Boston 1897, p. 31—32.*

деятельность видных экспансионистов типа Сьюорда и Перри, которые конкретно и с достаточной полнотой изложили доктрину Тихоокеанской империи¹.

Перри, например, настаивал на проведении Соединенными Штатами захватнических акций в этом районе, главным образом против Китая. С установлением своего господства над Китаем США приобрели бы на Востоке еще большее влияние. Перри предлагал, чтобы США взяли инициативу, приняв под свое покровительство остров Тайвань (Формоза) — исконно китайскую территорию.

Американские буржуазные историки вроде Деннета, Фостера Р. Даллеса и др. воспевали доктрину Тихоокеанской империи. С точки зрения таких историков, апологетов американского капитала, создание азиатской колониальной империи с Китаем в качестве ее ядра было, разумеется, «перспективой, предопределенной Америке самим богом».

Взгляды Мехэна, выражавшего интересы финансовой олигархии США, безусловно, разделялись политическими деятелями, например президентами Т. Рузвельтом и В. Тафтом.

Поддерживая теоретическую концепцию Мехэна и проводя ее на практике, Теодор Рузвельт был в восторге от его писаний. По прочтении первой книги Мехэна Рузвельт откровенно заявил: «Я уверен, что этот Ваш труд будет зачислен в ряды классических»².

Т. Рузвельт без обиняков заявлял: «Географическое положение Америки на Тихом океане таково, что оно обеспечивает в будущем наше мировое господство в его водах, если мы с достаточной решимостью используем это

¹ Колониальную экспансию американского империализма при помощи сильного морского флота он обосновывал также в своей книге «The Influence of Sea Power upon History (1660—1783)». London 1890. Помещенный в этой книге исторический материал, относящийся к действиям британского и французского флотов, понадобился автору для обоснования империалистических, экспансионистских теорий. Считая необходимым в первую очередь превратить США в самую передовую в мире морскую державу, он говорил, что без мощного военного флота «ни один народ» не может добиться ведущей роли в международной политике (*Mahan A. T., op cit.*).

² «Восточное обозрение» IX, ЮМЖД, 1941, стр. 66.

положение»¹. «Я считаю,— говорил также Т. Рузвельт,— что дальнейшая история будет в большей степени определяться нашим положением на Тихом океане лицом к Китаю, чем нашим положением на Атлантическом океане лицом к Европе»².

Доктрина «морской мощи», имевшая широкое хождение среди американских правящих кругов, и пропаганда экспансии на Восток, несомненно, оказывали определенное воздействие на активизацию американской политики на Дальнем Востоке вообще и в Китае в особенности.

Полностью солидаризируясь со взглядами Мехэна, господствующие классы считали, что США должны догнать, а затем и перегнать в военно-морском отношении своего главного мощного морского соперника — Великобританию. Вот почему американское правительство стремилось в то время проводить на практике лозунг: «Американский военно-морской флот не должен уступать ни одному флоту мира, кроме британского»³.

Президент США Т. Рузвельт приложил немало усилий для расширения программы морского строительства и усовершенствования американского военного флота. При этом обострение отношений США с Японией американские руководители, в частности Т. Рузвельт, использовали как одно из важнейших средств давления на общественное мнение и на конгресс для увеличения ассигнований на морские вооружения.

Доказывая необходимость и важность для США сосредоточения морских сил в двух океанах, Т. Рузвельт в январе 1907 г., выступая в морском комитете палаты представителей конгресса, потребовал строительства четырех новых мощных военных кораблей. Это требование вызвало «наиболее острую борьбу в конгрессе за всю историю американского флота»⁴.

В поддержку законопроекта, внесенного в конгресс, выставлялись доводы о том, что увеличение флота необходимо для поддержания такого уровня строительства, который бы не отставал от уровня строительства морско-

¹ *Nearing S. and Freeman J., Dollar Diplomacy*, p. 39—40.

² *Dennis A. L. P.*, op. cit., p. 406.

³ *Sprout H. and M.*, op. cit., p. 250.

⁴ *Ibid.*, p. 264.

го флота других держав. С точки зрения защитников этого законопроекта было «необходимо не только сохранить, но даже превзойти этот уровень»¹.

Фальшиво изображая колониальную политику США на Дальнем Востоке как миролюбивую и оборонительную политику, группа конгрессменов прямо заявляла, что увеличение наступательной военно-морской мощи США необходимо для того, чтобы «заставить уважать торговые права американцев и их интересы на Дальнем Востоке, для того, чтобы сохранить превосходство белой расы на Тихом океане и предотвратить нарушение доктрины Монро, остановить потенциальных агрессоров против американского континента и американских заморских владений (территорий) и отбросить агрессоров, если необходимо, при помощи войны»².

Сторонники малой программы морских вооружений, выступая против законопроекта, отвергали слухи о неизбежности войны с Японией и заявляли, что «всегда во время рассмотрения закона об ассигнованиях военные слухи подогреваются»³.

Оставаясь до конца активными защитниками империалистической внешней политики США, сторонники малой программы морских вооружений считали, что, прежде чем предоставлять большие деньги для строительства наступательного флота, необходимо вначале создать мощный флот для обороны. «Они возражали против строительства большого флота для ведения войны вне американского континента»⁴.

Во время обсуждения программы морских вооружений в конгрессе американское правительство, рассчитывая ослабить оппозицию в конгрессе, направило американский флот в Тихий океан «на устрашение Японии и на создание популярности флоту и выдвинутой Рузвельтом программе»⁵. Используя довод о «кризисе» японо-американских отношений, Т. Рузвельт продолжал доказывать необходимость и важность немедленного строительства четырех военных кораблей.

¹ *Sprout H. and M.*, op. cit., p. 264.

² *Ibid.*, p. 264—265.

³ *Ibid.*, p. 265.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibidem.*

Однако предложение президента было отвергнуто палатой представителей (199—против, 83—за)¹. Палата приняла «в принципе» решение о строительстве двух крупных военных судов, но деньги для начала строительства не были отпущены. Дискуссия по этому вопросу была перенесена в сенат.

Группа сенаторов во главе с А. Бевериджем (от штата Индиана), ярким апологетом американского империализма, энергично поддерживала требование Т. Рузвельта о строительстве четырех военных кораблей. Но и сенат отклонил предложение Рузвельта. Была принята программа строительства двух кораблей и утверждены необходимые для этого ассигнования².

Требование о строительстве четырех военных кораблей обеспечило американскому правительству строительство ежегодно двух военных кораблей вместо одного. (До этого ежегодно строился один крупный военный корабль.) Тем самым был отвергнут проводившийся в течение многих лет принцип замены «от года к году одного военного корабля»³.

Программу увеличения строительства морского флота, в 2 раза большую, чем прежде, активно поддерживали представители Национальной ассоциации промышленников⁴. Это достижение (строительство двух кораблей вместо одного), писал Спрут, создало прецедент для следующей сессии конгресса (1908—1909 гг.), когда Рузвельт, используя «ту же самую стратегию», обеспечил принятие программы строительства новых двух судов «перед лицом еще более сильной оппозиции»⁵.

Начиная с этого времени американское правительство вдвое увеличивает программу строительства своего военно-морского флота. Ассигнования на морское строительство со 100 900 тыс. долл. в 1907 г. были увеличены до 140 млн. долл. в 1909 г.⁶

Тем же агрессивным целям американского империализма служило увеличение численности морских во-

¹ *Sprout H. and M.*, op. cit., p. 266.

² *Ibid.*, p. 267.

³ *Ibid.*, p. 268.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Ibid.*, p. 269

оруженных сил с 25 050 человек в 1901 г. до 44 500 в 1909 г.¹

Одновременно с расширением военно-морских сил американское правительство проводило последние мероприятия по организации кругосветного плавания мощной военно-морской эскадры США². Важность плавания флота в водах Тихого океана доказывалась в американской прессе, которая далеко не случайно начала широко обсуждать этот вопрос.

Осведомленный корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд» требовал в своей статье не медлить с сосредоточением американских морских сил в Тихом океане. Это не даст японцам оснований, заявлялось в статье, усматривать в военно-морской демонстрации повод к войне, а американскому правительству важно иметь флот в сфере возможного столкновения с врагом, «дабы с нашими военными судами не повторилась эпопея адмирала Рождественского»³.

16 декабря 1907 г. американская крупная эскадра из состава Атлантического флота покинула порты США и отправилась в кругосветное путешествие⁴. В эскадру входили 16 крупных боевых судов, составлявших по тому времени, несомненно, большую военную силу. Плавание американской армады во главе с адмиралом Сперри совершалось вокруг Южной Америки (мыс Горн), так как Панамского канала еще не существовало. Весной 1908 г. военно-морская эскадра появилась в Тихом океане.

Американское правительство рассчитывало этой акцией оказать соответствующее давление на Японию, чтобы в Токио не думали, что уступки США по ряду воп-

¹ *Sprout H. and M.*, op. cit., p. 272. В рассматриваемый период значительно выросли военные ассигнования США. Расходы на армию и флот в 1896—1900 гг. составляли 35% общей суммы расходов, а в 1906—1910 гг. они уже составляли 44% общей суммы расходов (см. «Statistical Abstract of the United States», 1952, p. 305—306).

² *Treat P. J.*, Japan and the United States, 1853—1921, p. 195—196.

³ «New York Herald», № 25885, 1907 г., АВПР, Отдел «Русская и иностранная пресса».

⁴ 25 февраля 1909 г. американский флот вернулся к берегам США.

росов дальневосточной политики вызываются их военной слабостью.

Кругосветное плавание американских броненосцев имело перед собой и другую цель — повышение боевых и тактических качеств американского флота.

Плаванию американского флота способствовала и международная обстановка, сложившаяся к 1907 г. В начале XX века Великобритания располагала значительными по сравнению с Францией и другими странами морскими силами и в том числе силами, находившимися в Атлантическом океане.

Однако угроза английскому превосходству в европейских водах со стороны германского флота заставила английское правительство уже с 1905 г. заметно сократить свои морские силы в океане, включая и эскадры, находившиеся в американских водах¹.

Обострение англо-германских противоречий и сложившаяся международная ситуация в Европе создавали условия, при которых американские правящие круги могли не считать Великобританию в качестве возможного военного соперника в Западном полушарии, в районе Атлантического океана. Американское правительство могло быть спокойным относительно безопасности своего атлантического побережья.

Положение в Тихом океане оказалось к 1907 г. также благоприятным для США. Европейские страны были заняты подготовкой войны в Европе, и поэтому в этой части земного шара ни одна из европейских держав не могла угрожать США военным соперничеством. «Никогда наши отношения к Европе не были столь дружественными, как теперь,— писал корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд»,— мы убеждены, что в случае войны (США с Японией.— П. С.) даже Германия будет нам пассивно сочувствовать»².

Известие о направлении в Тихий океан крупной американской эскадры было воспринято японским правительством как предвестник войны на Дальнем Востоке. Официоз министерства иностранных дел Японии — газета «Джапан таймс» писала, что «исторической дружбе

¹ *Sprout H. and M., op. cit., p. 252.*

² «New York Herald», № 25885, 1907 г., АВПР, Отдел «Русская и иностранная пресса».

между империей и республикой грозит серьезная опасность»¹.

Но были и противоположные высказывания. Глава оппозиции в японском парламенте Окума в газете «Нью-Йорк уорлд» заявил, что он не верит в военную демонстрацию американского правительства против Японии и надеется, что дружеские отношения между обеими странами не ослабеют².

Таким заявлением давалось понять, что Япония согласна пойти на урегулирование некоторых вопросов в пользу США, в частности на решение вопроса об иммиграции. Однако, как заявил Окума, если над японцами будут произведены насилия, то Япония всегда готова «постоять за свое положение и не дозволит, чтобы достоинство и честь ее народа (читай буржуазии.— П. С.) были опозорены»³.

На демонстративное выступление бывшего «друга», пославшего лучшие силы своего военно-морского флота на Дальний Восток, Япония ответила контрдемонстрацией.

В связи с приближением американской эскадры японское правительство приняло решение произвести большие морские маневры. Японское командование направило к границам своих территориальных вод 70 больших и малых судов в полной боевой готовности.

«Эту «мирную демонстрацию», — сообщал русский посол в Токио, — можно считать ответом на американскую»⁴. Если японцы высказывают некоторое беспокойное недоумение относительно целей таинственной армады, продолжал посол в Токио, то американцы, по крайней мере живущие здесь, с трудом скрывают свою тревогу⁵.

Отношения между двумя империалистическими странами настолько обострились, что чувствовалось скорое приближение японо-американской войны⁶. Вот что впо-

¹ АВПР, Токио, д. 911, приложение, Бахметьев — Извольскому, 29 июня 1907 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ АВПР, Токио, д. 913, Бахметьев—Извольскому, 21 февраля 1908 г.

⁵ Там же.

⁶ *Tupper E. and McReynolds G.*, *op. cit.*, p. 41—45.

следствии писал будущий президент США Франклин Рузвельт, имевший близкое (по родству) отношение к тогдашнему президенту Т. Рузвельту: «За исключением чиновников в Вашингтоне, никто в Америке не знает, что весной 1908 г. в течение 10 дней, полных нервного возбуждения, Соединенные Штаты Америки находились на грани получения ультиматума от Японии»¹.

Однако, направляя флот в Тихий океан, американское правительство не ставило перед собой задачу открывать военные действия против Японии, ибо Соединенные Штаты Америки в то время не были готовы к такой войне. Вот как русская дипломатия оценивала значение демонстрации морского флота США в районе Тихого океана. Розен считал эту меру «разумной предосторожностью». Вашингтонский кабинет, сообщал он, «естественно старается всячески умалить то демонстративное по отношению к Японии значение, которое неизбежно имеет в глазах японцев сосредоточение столь значительных американских морских сил в водах Тихого океана»².

Чтобы ослабить по возможности впечатление угрозы, которое создавалось появлением американской эскадры вблизи Японской империи, японский посол в США Такахира передал государственному секретарю США ноту от 18 марта 1908 г. с просьбой своего правительства, чтобы эскадра США посетила Японию.

Этим приглашением и немедленным его принятием оба правительства избрали наиболее удачный способ разрядить напряженные отношения, пресечь тревожные слухи.

Впрочем, и до приглашения Японией американской эскадры острота японо-американских отношений была уже несколько ослаблена состоявшимся между ними в 1907 г. и в начале 1908 г. так называемым «джентльменским соглашением»³.

Следует отметить, что американский президент Т. Рузвельт тем не менее продолжал вносить элементы беспокойства в сознание американской общественности.

¹ *Fr. Roosevelt, Shall we Trust Japan, 1923, p. 171.*

² АВПР, Вашингтон, д. 136, Розен — Извольскому, 17 (30) [март] 1907 г. (месяц не указан; предположительно — март).

³ *Tupper E. and McReynolds G., op. cit., p. 41—45.*

Накануне прибытия американской военной эскадры в японские воды Т. Рузвельт произнес агрессивную речь перед морскими офицерами в военно-морском училище в Нью-Порте. В речи заявлялось, что Соединенным Штатам не следует ограничиваться одним лишь оборонительным флотом. США должны создать сильнейший боевой флот, готовый к «решительным наступательным действиям». «Никогда еще победа не одерживалась иначе, как нанесением удара»¹, — говорил американский президент, обращаясь к молодежи.

17 октября 1908 г. американский военно-морской флот под командованием адмирала Сперри прибыл в Ёкогаму.

Лучшие боевые суда японского флота вышли в открытое море навстречу американской эскадре. Визит в Ёкогамский порт послужил поводом к обмену «сердечными приветствиями»² между президентом и японским императором.

Совершая плавание, американский военный флот посетил также Гавайские острова, Новую Зеландию, Австралию, Филиппины и другие районы Тихого океана. Разумеется, это делалось с целью изучения стратегического и военного положения тихоокеанских стран и многочисленных островов, а также разведки выгодных для США аванпостов на Тихом океане. Русский консул в Мельбурне (Австралия) доносил, что «американцы... скорее присматривались к этой... стране, чем думали о защите ее ради австралийцев»³.

Правящая верхушка английских доминионов, в частности Австралии и Новой Зеландии, устроила американскому флоту торжественные встречи, демонстрируя тем самым возможность объединения этих стран с США против японской агрессии.

Рассчитанная на большой политический эффект, американская военно-морская демонстрация не привела, однако, к созданию более благоприятных условий для

¹ АВПР, Манчестер, д. 139, Крупенский — Извольскому, 22 июля (4 августа) 1908 г.

² АВПР, Манчестер, д. 139, Крупенский — Извольскому, 22 августа 1908 г.

³ АВПР, д. 913, донесение русского консула в Мельбурне (Австралия) от 27 августа 1908 г.

деятельности американского торгово-промышленного и финансового капитала в Китае. США не сумели добиться того, чтобы Япония поступилась чем-либо в угоду американским интересам на Дальнем Востоке.

§ 7. Соглашение Рут—Такахира — временная империалистическая сделка между США и Японией

Несмотря на проводимую японским правительством политику вытеснения иностранного капитала в Маньчжурии, США в то время были заинтересованы урегулировать по возможности отношения с Японией¹.

Если американские империалисты поощряли японскую аннексионистскую политику в Корее, то в отношении Китая они стремились сговориться с Японией о временном соглашении, чтобы ослабить острую напряженность, возникшую в отношениях между этими странами после русско-японской войны.

Правда, американо-японские отношения были несколько смягчены заключением некоторых соглашений и, в частности, так называемым «джентльменским соглашением». Однако оставался несогласованным самый важный вопрос, вызывавший и обострявший противоречия между двумя странами, — политика и их отношения в Китае и на Тихом океане.

Осуществляя ряд мероприятий, направленных против Японии, американские правящие круги одновременно с этим стремились дипломатическим путем, на основе взаимного компромисса договориться с японскими империалистами по разделявшим их вопросам на Дальнем Востоке.

В мирном временном урегулировании взаимоотношений была заинтересована как одна, так и другая сторона. Положение было таково, что американские империалисты «в интересах своей политики в Китае не могли еще в это время окончательно порвать с Японией, а Японии также было невыгодно нарушать мир с Соединенными Штатами»².

¹ *Griswold A. W.*, *op. cit.*, p. 128—129.

² *Лю Да-нянь*, *цит. соч.*, стр. 121—122.

На действия японцев, которые по существу закрыли двери в Маньчжурию американской буржуазии (в сфере инвестирования капитала и в области торговли), Вашингтонское правительство выражало протест меморандумами подчас резкого характера.

Но были и другого рода заявления. В июне 1906 г. через посла в Токио Райта США заявляли о том, что, несмотря на отсутствие письменного договора с Японией, между ними «существуют сердечные и душевные связи», что, хотя Япония, несомненно, является в Маньчжурии «опасным соперником для всех наций», с США у нее будет «только дружеское соревнование, полезное для обеих стран».

Что касается созданных японских монополий (общество ЮМЖД и Восточно-колониционное общество), то американский посол заявлял, что «учреждение прочного и сильного правления» привлечет «иностранные капиталы и, следовательно, разовьет торговые возможности»¹.

Такие выступления американских дипломатов объяснялись тем, что Соединенные Штаты не располагали в то время реальными возможностями, чтобы положить конец японской политике, «вредной американским интересам».

Во второй половине 1907 г. японский посол в Вашингтоне Аоки в конфиденциальной беседе с Т. Рузвельтом высказал мысль о желательности письменного договора с целью разрешения «недоразумений», возникших между Соединенными Штатами и Японией по вопросам Китая и Тихого океана.

Предложение Аоки, вполне соответствовавшее желанию правительства США, было сочувственно встречено президентом и государственным секретарем Соединенных Штатов, тем более что почин исходил от японской стороны². Рузвельт и Рут согласились вести переговоры по вышеупомянутым вопросам.

Давая согласие на предложение японского посла вести переговоры по вопросам Тихого океана и Китая, американские руководители стремились, с одной стороны,

¹ АВПР, Токио, д. 135, депеша Бахметьева от 22 июня 1906 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 139, Крупенский — Извольскому, 26 ноября (9 декабря) 1908 г.

усилить свои позиции в Тихом океане, с другой стороны, они рассчитывали подтвердить свои требования в отношении Китая в соответствии с доктриной «открытых дверей» и «равных возможностей». Как сообщал русский представитель в Вашингтоне, американское правительство, имея в виду прежде всего свои интересы, готовилось настаивать на действительном соблюдении Японией принципа «равного благоприятствования» в Китае и признания «территориальной и административной» «неприкосновенности» последнего.

Такая позиция США объяснялась их экономическим превосходством над другими странами. Американскому монополистическому капиталу было наиболее выгодно бороться со своими соперниками в Китае и в первую очередь с Японией экономическими средствами.

Как и во время провозглашения «доктрины Хэя» в 1899 г., так и теперь США не хотели ограничивать приложение своего капитала определенными сферами влияния. Американский империализм с его возросшими промышленными возможностями отнюдь не желал довольствоваться таким положением, когда в каком-либо районе Китая, как например в Южной Маньчжурии, создавалась сфера исключительного господства иностранной державы — Японии.

Раздел Китая на сферы влияния давал мало простора законам Уолл-стрит, тогда как раздел в соответствии с экономическими возможностями открывал им широчайшие перспективы для экспансии и для вытеснения своих конкурентов по агрессии в Китае.

Вместе с тем США пытались всеми средствами ограничить аппетиты своего соперника — Японии, которая, как уже отмечалось, закрыла двери в Южную Маньчжурию для иностранного, в первую очередь американского, капитала.

Начиная в 1907 г. переговоры с американским правительством, японская дипломатия стремилась выяснить позицию США в отношении проводимых японцами агрессивных мероприятий в Северо-Восточном Китае. Японский империализм имел весьма веские основания для беспокойства. Уже в 1907 г. в мировой прессе широко обсуждался вопрос о вероятности войны между Японией и Соединенными Штатами Америки. В Токио не могли также не знать о подготавливавшемся в то время походе

американской военно-морской армады в воды Тихого океана.

Как только Японии удалось выяснить положительное отношение США к проведению переговоров о мирном урегулировании отношений по вопросам Дальнего Востока и Тихого океана, японское правительство отозвало своего посла.

Японское правительство дезавуировало своего представителя в Вашингтоне, заявив, что, предпринимая данный шаг, посол Аоки действовал якобы не от имени и по поручению своего правительства, а на свой страх и риск.

Буржуазная дипломатия не брезгает никакими средствами для проведения выгодных ей мероприятий. В данном случае японское правительство решило пожертвовать престижем своего посла с целью выяснить, готово ли американское правительство поддерживать свои антияпонские мероприятия в данное время военным путем или же оно склонно пойти на временный компромисс с Японией путем заключения соглашения.

Зондаж со стороны японского правительства был сочувственно встречен руководителями американской дипломатии. Это убедило японское правительство в том, что США не готовы противодействовать японским акциям в Китае военной силой, а согласны урегулировать отношения дипломатическим путем.

Заинтересованность американской дипломатии в соглашении с Японией, выявившаяся во время конфиденциального разговора с японским послом, позволяла японской дипломатии не спешить, давала ей возможность повременить с заключением соглашения, чтобы возможно больше усилить свои позиции в Китае.

Совершив удачную дипломатическую акцию, японское правительство стало интенсивнее закреплять свои позиции на континенте. Ко второй половине 1908 г. Япония установила фактическое господство в Южной Маньчжурии и Корее.

В октябре 1908 г. по «особенно настойчивому ходатайству»¹ японского посла Такахира в Вашингтоне возобновились переговоры о соглашении между правительствами США и Японии.

¹ АВПР, Вашингтон, д. 138, Розен — Извольскому, 3 (16) февраля 1909 г.

К заключению соглашения с США в 1908 г. Японию толкала сложившаяся в то время международная ситуация. Дело в том, что после 1907 г., когда позиции стран Антанты были укреплены рядом соглашений между государствами, вошедшими в этот блок, в Берлине носились с мыслью о заключении договора с США и Китаем.

Германские дипломаты убеждали американцев в том, что такое сближение будет существенной гарантией американской политики в Китае, осуществления ее доктрины «открытых дверей» и «равных возможностей». Однако стремление кайзеровской Германии противопоставить Антанте коалицию на Дальнем Востоке в составе Германии, США и Китая не имело успеха. Вопреки ожиданиям Германии США заключили соглашение с Японией.

30 ноября 1908 г. государственный секретарь Рут и японский посол Такахира путем «обмена тождественными нотами»¹ заключили соглашение, вошедшее в историю международных отношений под названием соглашения Рут—Такахира. Опубликованные ноты состояли по существу из двух частей. В них говорилось об отношении к Китаю и о Тихом океане. Ноты констатировали, что при наличии у обеих стран важных островных владений в области Тихого океана оба правительства «одушевлены общими целями, политикой и намерениями в этой области».

Общие цели, политика и намерения были сформулированы двумя правительствами следующим образом: способствовать «свободному» и «мирному» развитию их торговли в Тихом океане (статья 1). Политика обоих правительств, говорилось в нотах, «имеет целью сохранение существующего статус-кво вышеназванной области и защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае» (статья 2).

Америка и Япония заявили (статья 3) о твердом намерении «уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области». Они также договорились о намерении «охранять общие интересы всех держав в Китае», поддерживая «всеми мирными средствами», находящимися в их распоряжении, «независимость и

¹ *Treat P. J., Japan and the United States, 1853—1921, p. 194—195.*

неприкосновенность Китая и принцип равных возможностей для торговли и промышленности всех народов в этой империи» (статья 4).

Оба правительства заявили (статья 5), что, «если бы какое-либо обстоятельство стало угрожать вышеописанному статус-кво или вышеустановленному принципу равных возможностей, двум правительствам остается вступить в сношения друг с другом с целью прийти к соглашению насчет мер, которые они сочтут нужным принять»¹.

По своему характеру соглашение Рут—Такахира оказалось гораздо шире прежних договоров и соглашений Японии с Англией, Францией, царской Россией. Особенно существенным являлось включение в новую политическую комбинацию всего пространства Тихого океана².

Относительно Тихого океана договаривавшиеся империалистические державы заявляли о взаимном намерении: 1) поощрять торговые сношения; 2) поддерживать «статус-кво»; 3) взаимно оберегать принадлежавшие каждой из них островные владения в тихоокеанских водах.

Анализируя американо-японское соглашение, следует признать, что первые две статьи служили преамбулой к последующим, так как в них не содержалось никаких обязательств, а выражались лишь общие колониальные принципы совместной политики в Китае и на Тихом океане.

Обязательства, принятые той или другой стороной, содержались в статьях 3, 4, 5. Причем в статье 3 обязательство охранять в Тихом океане обоюдные владения оговорено условием взаимности³. Американские и японские империалисты договорились «уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них» на Тихом океане. Под такими владениями следовало понимать в первую очередь Тайвань (Формоза), Корею и Филиппины.

Согласно статье 4 обе стороны расширили сферу своего политического действия и договорились о «защите» «независимости и неприкосновенности Китая» и принципа «равных возможностей» для торговли и промышленности всех наций.

¹ Э. Д. Гримм, цит. соч., стр. 173; «U. S. Foreign Relations», 1908.

² Griswold A. W., op. cit., p. 129—130.

³ Нужно предполагать, что в этом соглашении были секретные статьи, точно разграничивавшие сферы влияния на Тихом океане.

Статья 5 касалась лишь договаривающихся сторон. Американские и японские империалисты взаимно ограничивали временно свою свободу действий на Тихом океане и в Китае, условившись не принимать без обоюдного согласования мер для ограждения «статус-кво» в этом районе. В случае нарушения «статус-кво» со стороны третьей державы они обязались совместно принять меры, которые сочтут нужными.

Правда, оба правительства заявили при этом, что их политике чужды агрессивные действия. Но подобное заявление вовсе не означало, что договаривающиеся стороны не имели экспансионистских целей на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана. Встреча американской эскадры адмирала Сперри с японскими кораблями во главе с адмиралом Идзюин на Ёкогамском рейде служила наглядным подтверждением того, что флоты обеих держав готовы нести не только охранную службу, но могут, если понадобится, выполнить операции иного рода.

Не случайно в своих нотах оба правительства допускали различие между «мирными средствами» («*pacific means*»), о которых говорилось в статье 4 (относительно Китая), и мерами («*measures*»), о которых упоминалось в статье 5 (относительно Тихого океана). Под понятие последних можно было подвести очень многое, начиная с блокады и кончая бомбардировкой.

Соглашение Рут—Такахира имело важное политическое значение. Это отмечали политические наблюдатели того времени¹.

До этого соглашения воды Тихого океана считались под охраной всех государств, имевших интересы на Дальнем Востоке. Со дня опубликования соглашения Рут—Такахира положение вещей изменилось: две державы, продемонстрировавшие в этом районе силу своих военных флотов, в общей сложности равных соединенному флоту всех прочих великих держав (кроме Великобритании), впервые в истории объявляли о том, что отныне они являются «блюстителями тихоокеанского статус-кво».

Что касается США, то американские империалисты вынашивали далеко идущие политические планы в отношении всего Тихого океана. «Стремление добиться гос-

¹ АВПР, Токио, д. 913, донесение Малевского-Малевица от 20 ноября 1908 г.

подства на Тихом океане и контроля над его богатой торговлей проходит непрерывной нитью через всю историю Соединенных Штатов», — пишет Фостер Р. Даллес в книге «Америка на Тихом океане».

По мнению американской буржуазии, укрепление положения США в районе Тихого океана было необходимо для облегчения агрессии в Китае. Сенатор Беверидж открыто выразил эти вожеления в своей речи 9 января 1900 г.: «Филиппинские острова навсегда наши... Непосредственно за Филиппинами находятся безграничные рынки Китая. Мы не откажемся ни от того, ни от другого. Мы не забудем о нашем долге по отношению к архипелагу. Мы не отступим от возможностей, открывающихся для нас на востоке. Мы не откажемся от предназначения нашей расы, которой бог доверил цивилизацию мира».

В той части соглашения Рут — Такахира, которая касалась Китая, Соединенные Штаты Америки пошли на уступку, проявляя до поры до времени терпеливое отношение к японским захватам в Китае.

В статьях, посвященных Китаю, указывалось на готовность обеих держав охранять политику «открытых дверей» и принцип «равных возможностей» для «всех держав» во всей Поднебесной империи. Получив от Японии заверения в соблюдении политики «открытых дверей», заправили американского империализма по существу признали японские захваты в Китае. Этот факт свидетельствовал о том, что США еще не до конца отказались от политики поощрения и умиротворения Японии.

Включая в соглашение американскую доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей», американское правительство замышляло еще больше активизировать в будущем империалистическую экспансию против Китая в соответствии со все возрастающей экономической мощью США.

Японской буржуазии соглашение давало возможность закрепить свои монопольные права в Маньчжурии, приобретенные после русско-японской войны. Можно предполагать, что по вопросу о Маньчжурии правительствами США и Японии было заключено дополнительное секретное соглашение. На это намекали иностранные наблюдатели. Царский посол в Токио Малевский-Малевич отмечал: «В этих нотах не упоминается о Маньчжурии, но ведь

о ней не упоминается и в опубликованном тексте нашего соглашения с Японией 1907 г.»¹

Соглашение Рут—Такахира (в части, касавшейся Китая) ближе всего подходило к англо-японскому союзному договору 1905 г. В этом договоре обе державы после соответствующей декларации о целостности Китая согласились охранять политику «открытых дверей» и «равных возможностей» во всей Китайской империи².

Соглашение Рут—Такахира в отношении Китая означало не что иное, как временную империалистическую сделку между США и Японией о взаимном сотрудничестве по ограблению китайского народа, и при этом сделку, распространявшуюся на всю территорию страны.

В этом вопросе смысл соглашения был прост и ясен: Китай рассматривался как объект эксплуатации. Империалисты США и Японии договорились не препятствовать друг другу в проведении колонизаторской политики в Китае в интересах отечественных капиталистов. «То, что при этом приносилось в жертву китайский народ, агрессоров отнюдь не беспокоило»³.

Американо-японское соглашение «носило крайне оскорбительный для Китая характер»⁴, — отмечает Цинь Бень-ли. Оно свидетельствовало о том, что правящие круги двух держав рассматривали Китай как несамостоятельное государство.

Как указывалось в соглашении, «независимость» и «территориальная целостность» Китая могли быть сохранены лишь при условии поддержки и помощи со стороны японских и американских империалистов. «Могли ли более издевательски звучать уверения американских империалистов о «независимости» и «территориальной целостности» Китая!»⁵

Японское правительство выступало за сохранение «независимости» и «целостности» Китая лишь потому, что, захватив инициативу в агрессии против Китая, Япония надеялась, прикрываясь этим лозунгом, постепенно захватить весь Китай, исключив вмешательство в судьбу

¹ АВПР, Пекин, д. 914, донесение Малевского-Малевица (дата не указана).

² См. Э. Д. Гримм, цит. соч., стр. 165—166.

³ Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 122.

⁴ Цинь Бень-ли, цит. соч., стр. 44.

⁵ Там же.

великого народа других империалистических держав. Что же касается американских капиталистов, располагавших большими экономическими возможностями, то они настаивали на принципе «равных возможностей», надеясь таким путем постепенно занять господствующее положение, вытеснить из Китая всех конкурентов и Японию в том числе.

Коварным планам как японского, так и американского империализма не суждено было осуществиться, ибо эти планы строились без хозяина — китайского народа, который вопреки расчетам колонизаторов оказался могущественным вершителем своей судьбы.

Соглашение Рут—Такахира не могло разрешить обострившихся после войны глубоких противоречий между США и Японией¹. По меткому замечанию германского представителя в Пекине, оно являлось только временным «военным перемирием», отодвинувшим угрозу войны между двумя соперниками, но не устранившим ее.

Почему соглашение Рут—Такахира приняло форму обмена нотами? Форма, в которую это соглашение вылилось, объясняется тем, что всякий формальный договор вызвал бы необходимость обсуждения его в сенате США, на дружную поддержку которого президент и государственный секретарь, по-видимому, не рассчитывали².

Русские дипломаты, внимательно следившие за подготовкой соглашения, подписанием нот и отношением политических деятелей США к этому акту, сообщали своему правительству, что комиссия сената по иностранным делам потребовала от Рута объяснения по поводу обмена нотами.

Мотивируя необходимость заключения соглашения, Рут заявил, что таким обменом нот Соединенные Штаты Америки не приняли на себя никакого нового обязательства, что этот обмен нотами есть лишь новое провозглашение тех принципов, которые американская политика отстаивала в последние годы в вопросах, касающихся Дальнего Востока.

Большинство сенатской комиссии удовлетворилось объяснением государственного секретаря. Однако меньшинство придерживалось другого мнения. Оно считало,

¹ *Tupper E. and McReynolds G.*, op. cit., p. 86.

² АВПР, Вашингтон, д. 138, Розен — Извольскому, 3(16) февраля 1909 г., см. *Griswold A. W.*, op. cit., p. 131.

что состоявшийся обмен нотами, если он имел лишь формальное значение, был совершенно излишним, что он был вызван «желанием угодить японскому правительству»¹.

Правящие круги капиталистических стран по-разному восприняли японо-американское соглашение 1908 г.

Германо-австрийская военная группировка держав осталась им недовольной. Потеряло шансы на успех предполагавшееся соглашение США с Китаем и Германией, которое готовила германская дипломатия.

Соглашение Рут—Такахира в известной мере отвечало интересам Антанты. Английские политические и государственные деятели отнеслись к нему одобрительно. Министр иностранных дел Великобритании Эд. Грей считал, что состоявшееся соглашение весьма желательно для Англии. Он приветствовал подписание тождественных нот между США и Японией. По мнению Лондона, оно развязывало Великобритании руки для подготовки к мировой войне. Следует отметить также, что, рассматривая Англию как самого опасного конкурента США, правящие круги американской буржуазии рассчитывали, что на Тихом океане, наиболее удаленном от Великобритании, США смогут наилучшим образом конкурировать с английской торговлей и политическим могуществом.

Соглашение Рут—Такахира, как и другие сделки империалистических держав в Китае, свидетельствовало об обострении борьбы за господство в Китае и, в частности, об усилении американо-японских противоречий.

Американо-японский антагонизм после русско-японской войны принял затяжной характер. Как справедливо отмечает китайский историк Ху Шен, противоречия между Японией и США стали основным звеном той цепи международных отношений, которая сомкнулась вокруг Китая².

Политика поощрения японского агрессора, проводившаяся в интересах американских монополистов, не привела в тот период к желательным для США результатам. Портсмутский мирный договор не установил сколько-нибудь длительного равновесия в том виде, как этого хотелось бы Соединенным Штатам Америки. Русско-японская

¹ АВПР, Вашингтон, д. 138, Розен — Извольскому, 3 (16) февраля 1909 г.

² См. Ху Шен, цит. соч., стр. 160.

война «положила конец золотому веку в американо-японских отношениях»¹.

Япония пошла на сближение с США, чтобы использовать американскую помощь в своих экспансионистских устремлениях. Империалисты Японии и не рассчитывали после победы делить добычу со своим партнером по агрессии. Достигнув успеха, японская буржуазия немедленно расторгла этот кратковременный фактический союз.

Не нуждаясь более в покровительстве США, Япония энергично осуществляет выдвинутый ею лозунг «Азия для японцев». Реализация этого лозунга являлась заветной мечтой японской военно-феодальной клики. «После долгого периода изоляции... она (Япония. — П. С.) стала медленно, но с холодным расчетом вынашивать планы установления господства над Азией, с тем чтобы впоследствии, быть может, повести азиатский континент на завоевание всего мира. В Японии даже поговаривали о «столетнем плане», хотя он оставался лишь фоном для постоянно менявшихся условий и событий»².

Многომиллионный Китай явился ареной столкновения двух молодых империалистических хищников — японского и американского империализма. Каждый из них ставил свои политические цели, стремился к обеспечению неограниченных возможностей для приложения своего капитала на необъятном китайском рынке.

В этом и коренилась причина обострения американо-японских противоречий.

Американо-японские отношения после русско-японской войны подтверждают глубокую правоту ленинского указания, что «мы не должны забывать того, что группировки между империалистическими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав...»³.

Империалистические расчеты Соединенных Штатов Америки строились без учета перспектив развития мировых политических и экономических сил и, в частно-

¹ *Bailey T. A.*, op. cit., p. 5—27; *Tupper E. and McReynolds G.*, op. cit., p. XI.

² *Churchill W. S.*, op. cit., p. 517.

³ *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 332.

сти, без учета послевоенных событий на Дальнем Востоке. Основной политический просчет правящих американских кругов проистекал из неверной предпосылки, что Россия и Япония являются естественными и непримируемыми врагами на Дальнем Востоке и что таковыми они останутся и после войны. Империалисты США намеревались после войны использовать эту вражду в своих целях. Однако эти надежды не оправдались.

Результатом активной подстрекательской политики США явилось усиление их основного конкурента на Дальнем Востоке. Главной опасностью для американского империализма, как это показали уже первые годы после русско-японской войны, являлась не царская Россия, а империалистическая Япония.

«Протеже» империалистической Америки — Япония после Портсмутского мира стала не только равноправным, но и самым энергичным участником империалистической борьбы на Дальнем Востоке, превратилась в наиболее опасного американского соперника.

Неудачные результаты антирусского внешнеполитического курса США в период русско-японской войны «стали ясны, — как доносил русский посол, — и самому Рузвельту»¹. Накануне оставления Белого дома Т. Рузвельт заявил в личной беседе Розену: «Вы видите, что у нас самих масса беспокойства из-за японцев. Как сардонически вы (русские) должны смеяться!»².

Однако и после войны американские империалисты проводили провокационную по отношению к царской России политику в Китае и особенно резко в Северо-Восточном Китае, где американские монополии имели свои далеко идущие империалистические планы. Враждебная по отношению к царской России американская политика может быть наглядно проиллюстрирована деятельностью американского официального представителя в Харбине.

В 1907 г. в Северной Маньчжурии стали появляться консулы иностранных держав³. С 1 января 1907 г.

¹ АВПР, Вашингтон, д. 132, депеша Розена от 24 февраля (9 марта) 1910 г.

² Слова президента США в депеше приведены по английски: «You see, we have a lot of japanese troubles on our hands ourselves. Now sardonically you must laugh now!»

³ В 1907 г. были ликвидированы остатки военного режима на КВЖД.

в Харбине открылось российское генеральное консульство. «В дипломатический корпус, державшийся благожелательной по отношению к России политики, — сообщал русский консул в Харбине, — резкий диссонанс внес Фишер (американский консул. — П. С.)»¹.

Несмотря на отсутствие в то время в Северной Маньчжурии американских интересов, Фишер занял резко враждебную позицию по отношению к деятельности царской России в этом крае. Американская дипломатия подстрекала цинских чиновников, чтобы последние направляли царской России протесты. Большинство этих обращений по вопросам Маньчжурии не обходилось «без подстрекательства американского консула Фишера»².

Тем не менее основное острие политики США в это время было направлено против Японии. Убедившись в том, что Япония ведет самостоятельную агрессивную политику и не желает служить орудием американской политики на Дальнем Востоке, правящие круги США прилагают максимум усилий к тому, чтобы активизировать свою деятельность в Китае, рассчитывая экономическими, дипломатическими и иными средствами ослабить своих конкурентов, а самим занять в Китае главенствующее положение.

¹ АВПР, Пекин, д. 129, Покотилов — Извольскому, 16 января 1908 г.

² Там же.

ГЛАВА II

АМЕРИКАНСКАЯ «ДИПЛОМАТИЯ ДОЛЛАРА» В КИТАЕ В 1909—1911 гг.

§ 1. Лицемерная политика «дружбы» с Китаем

По мере того как противоречия между Соединенными Штатами Америки и Японией все более обострялись, усиливалась тенденция американского правительства к показному и демонстративному улучшению отношений с Китаем.

В 1907—1908 гг., в период наибольшего напряжения в японо-американских отношениях, часть американской буржуазной прессы во главе с «Нью-Йорк геральд» развернула открытую кампанию за сближение с Китаем¹. Эта газета прямо указывала, что сближение с Китаем является «единственным средством», которое могло бы приостановить японские захваты в Китае и дало бы возможность усилить там деятельность американского капитала.

Демонстративным улучшением отношений с Китаем американские господствующие круги рассчитывали завоевать симпатии китайского общественного мнения, в особенности цинской императорской бюрократии и компрадорской буржуазии.

С точки зрения буржуазных кругов США необходимость в показном улучшении отношений с Китаем диктовалась также и тем обстоятельством, что в период после 1905 г. усилилось демократическое, антиимпериали-

¹ АВПР, Вашингтон, д. 139, Крупенский — Чарыкову, 19 августа (1 сентября) 1908 г.

стическое движение китайского народа, причем, как отмечалось выше, американская буржуазия первая испытала это на себе.

Политические и государственные деятели США стремились колониальную экспансию американского империализма в Китае прикрыть фиговым листком демократизма и прогресса. Они выступали с лицемерными заявлениями о миролюбии США, их якобы традиционной «дружбе» с Китаем.

Ряд американских государственных политических деятелей и, в частности, Сьюорд пришли к выводу, что если США хотят в будущем создать Тихоокеанскую империю с Китаем в качестве ее ядра, то сначала они должны воспрепятствовать территориальному разделу Китая другими империалистическими державами.

Это было тем более необходимо для американских капиталистов, что в последнем десятилетии XIX века великие державы вступили на путь территориальных захватов и раздела Китая на «сферы влияния», в то время как США не могли тогда еще в силу своей относительной слабости состязаться в этом деле со своими конкурентами. «Разве не лопнула бы, как мыльный пузырь, американская идея о пресловутой Тихоокеанской империи, — отмечал китайский историк Цин Жу-цзи, — если бы Китай был расчленен на части?»

В этих условиях США выступили с доктриной «открытых дверей» и обеспечения «территориальной целостности» Китая. Этот дипломатический шаг был рассчитан на то, чтобы показать цинскому правительству «дружеское» расположение США к Китаю.

Цин Жу-цзи подчеркивал далее, что такая политика стала возможной в результате двух факторов: первым из них был «самый циничный, самый подлый обман со стороны США, вторым — продажная внешняя политика цинского правительства»¹.

Выражая интересы американской буржуазии, будущий президент США В. Тафт в своих предвыборных речах в 1908 г. обещал проводить в Китае такую политику, которая смогла бы обеспечить сохранение «территориальной и административной целостности» Китая.

¹ Цин Жу-цзи, цит. соч., стр. 55, 57.

Соединенные Штаты, заявлял В. Тафт, «будут бороться за уважение лозунга «Китай для китайцев»¹. Этот лозунг, получивший в то время большую популярность в Китае, империалисты, в частности монополистические круги США, пытались использовать в своих корыстных целях.

Насколько лицемерным было это заявление В. Тафта, свидетельствует такой факт. После беседы с американским посланником царский дипломат Коростовец заключил, что федеральное правительство считает Китай «не настолько созревшим, чтобы принять равноправное и сознательное участие в акте столь высокого политического значения (речь шла о вероятности заключения договора с Китаем, подобного соглашению Рут—Такахира.— П. С.). Вообще, хотя американцы всячески льстят Китаю, особенно в последнее время, но на практике относятся к нему, как к азиатской стране, находящейся как бы под опекой западных держав»².

Еще в период движения Ихэтуань США попытались использовать лозунг «Китай для китайцев» для прикрытия планов закабаления страны.

Хорошо знакомый с обстановкой в Китае американский миссионер Мартин, он же Дин Вей-лань (старший преподаватель школы иностранных языков в Пекине), выступил с проектом полного закабаления страны и управления иностранцами Китаем. Проект был передан дипломатическому корпусу во время выработки «Заключительного протокола 1901 г.». Проект миссионера Мартина состоял из пяти пунктов: 1) восстановить на троне прежнего императора, который будет управлять страной в сотрудничестве с державами; 2) аннулировать все указы императрицы Цы Си и сменить чиновников, состоящих у нее на службе; 3) после восстановления императора на троне новые реформы должны быть утверждены державами, и только после того можно приступить к их осуществлению; 4) державы должны четко разграничить свои сферы влияния, каждое государство должно послать одного представителя для контроля за деятельностью провинциальных газет; 5) державы должны

¹ АВПР, Вашингтон, д. 139, Крупенский — Чарыкову, 19 августа (1 сентября) 1908 г.

² АВПР, Пекин, д. 130, Коростовец — Извольскому, 12 февраля 1909 г.

учредить совет, который сможет аннулировать все, что будет противоречить правам и интересам держав.

В пояснении к своему проекту Мартин указывал, в частности: «Если же действовать в соответствии с моими предложениями, то державы получают время, чтобы выработать целесообразную политику; законы Китая смогут измениться постепенно, и это даст гораздо больше, чем раздел Китая. *Для управления Китаем надо использовать самих китайцев, другого средства нет*»¹.

Дипломатический корпус в Пекине принял к сведению предложения Мартина, искусно используя его соображения при переговорах по составлению «Заключительного протокола 1901 г.».

Видный представитель интересов английского капитала в Китае Харт, проживший в стране несколько десятков лет и глубоко изучивший внутреннюю обстановку в Китае, явился активнейшим сторонником использования этого лозунга империалистами.

В своей книге «Практические исследования» Харт писал: «К сожалению, политика раздела Китая не может быть осуществлена в настоящее время (1901 г. — П. С.), ибо китайский народ на протяжении нескольких тысяч лет был погружен в спячку и сейчас только начинает пробуждаться, а идея «Китай — для китайцев» все более укрепляется». И далее: «Поэтому если говорить о плане действий в настоящий момент, то державы, поставив своей окончательной, определенной целью раздел Китая, должны сейчас, со своей стороны, принимать меры, учитывая чувства китайцев, с тем, чтобы они постепенно забывали о своих воинственных помыслах и стали подчиняться нам, европейцам. Если мы поступим таким образом, то так называемая «желтая опасность» в будущем сможет быть уничтожена без остатка»².

Предлагая использовать идею «управления Китаем самими китайцами», Харт надеялся на маньчжурское правительство. Он прямо говорил: «Более легко осуществима политика поддержки маньчжурской династии Цин»³.

Можно полностью согласиться с мнением Фань Вэнь-ланя, что после движения Ихэтуань иностранные держа-

¹ См. Фань Вэнь-лань, цит. соч., стр. 582. (Курсив наш. — П. С.)

² См. там же, стр. 581.

³ См. там же.

вы, используя лозунг «управления Китая китайцами», очень искусно превратили так называемое «законное» помещичье-компрадорское правительство и местные власти в свое орудие. Их конечная цель заключалась в захвате Китая и превращении его в свою колонию¹.

Извлекая уроки из движения Ихэтуань, империалистические державы и США в том числе вынуждены были на время отказаться от политики раздела Китая и открытого порабощения его.

Предпочитая оставить управление страной самим китайцам и не отказываясь от применения прямого насилия, империалисты в то же время искали более гибких методов закабаления китайского народа. Они осуществляли экономическую и культурную агрессию в Китае, действуя завуалированно, через продажные компрадорские элементы из китайцев, а также с помощью миссионеров и дипломатов, призывая последних к «осторожности» и «осмотрительности».

Выступая на конгрессе миссионеров после подавления движения Ихэтуань, министр иностранных дел Великобритании заявлял: «Я советую господам в их будущей миссионерской деятельности помнить, что главное в вашем деле — осторожность и осмотрительность»².

Преследуя свои цели, американская буржуазия в эпоху пробуждения Китая активизировала деятельность американских миссионеров для проникновения в экономическую и политическую жизнь китайского общества. С их помощью США стремились расчистить путь американской буржуазии для большего приложения капитала и обогащения за счет китайского народа. Об этом свидетельствует тот факт, что за первые 14 лет XX века имущество американских религиозных миссий в Китае возросло почти в 2 раза (в 1900 г. оно оценивалось в 5 млн. долл., а в 1914 г. составляло около 10 млн. долл.)³.

Рядясь в тогу «проповедников» и «гуманистов», миссионеры обычно оказывались «лишь бандитами, готовыми на любую подлость»⁴. Они применяли разнообразные средства для ограбления китайского населения, для захвата недвижимого имущества китайцев.

¹ См. *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 584.

² См. там же, стр. 579.

³ *Reyer C. F.*, *Foreign Investments in China*, p. 260, 274.

⁴ *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 497.

Так, например, американские миссионеры в Дэнчжоу принуждали население сдавать им в аренду дома. «Если где-нибудь иностранцам нравится дом, а владелец не продает его, то они находят какого-нибудь бродягу-мошенника, который начинает утверждать, что дом принадлежит ему, и продает его иностранцам, причем в сделку вовлекаются писцы, которые незаконно ставят печать на контракт. Затем иностранцы на основании этого контракта утверждают, что дом принадлежит им, и изгоняют прежнего владельца»¹.

Командующий объединенной карательной международной армией империалистов в Китае во время движения Ихэтуань граф фон Вальдерзее в «Записках о боксерском восстании» писал: «Что касается деятельности английских и американских миссий, то я, правда, не могу подвергнуть ее детальной критике. Однако я глубоко уверен... что американские миссии часто совершают серьезные ошибки: назначенные в миссии проповедники часто не отвечают назначению по своим моральным качествам и не имеют также подготовки к практической деятельности. Эти люди часто рассматривают службу в миссии исключительно с точки зрения добывания средств к жизни. Одновременно с миссионерской деятельностью они занимаются всеми делами, которые считают прибыльными. Я хорошо знаю многих священников, которые одновременно ведут различные дела (например, покупка и продажа земельных участков, спекуляция)...»²

Американские «друзья» Китая не упускали случая прибрать к своим рукам богатейшие ценности древнейшей китайской культуры. Так, например, в Китае находится одна из крупнейших в мире сокровищниц памятников древней культуры. Это пещеры Могао в районе города Дуньхуана провинции Ганьсу³. 900 лет горы хра-

¹ Из доклада Цзунлиямыня (см. *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 494).

² См. *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 496.

³ Дуньхуан на протяжении тысячелетия (II век до н. э. — X век н. э.) был крупнейшим узловым пунктом, через который проходили так называемый «путь за шелком» и торговый путь, связывающий Китай со странами, лежащими на запад от него. Пещеры Могао, расположенные в юго-восточной части Дуньхуана, были священным местом буддистов; они хранят исключительное по своей ценности наследие культуры (тысячи изваяний будд, множество фресок периода IV—XIV веков). Когда монахи, спасаясь от ужасов бесконечных войн в период суньской династии (960—1279 гг.),

нили свою тайну. И только летом 1900 г. монах-отшельник Ван Юань-лу, устраивая себе пристанище в горе, обнаружил тайник, где находилось около 30 тыс. картин в свитках, канонические книги и прочие памятники культуры.

В 1907 г. об этом стало известно англичанину Стейну. Стейн, а затем и француз Пелльо обманным путем взяли большое количество картин, ксилографий и других ценностей. За Пелльо последовал американец Уорнер, который с помощью особого состава снял на матерiu 26 фресок и увез с собой, прихватив заодно множество керамических статуэток будд.

Правители Китая не мешали иностранцам совершать черное дело в отношении самобытной китайской культуры, а небольшая группа патриотически настроенных ученых и деятелей искусства была в то время бессильна и не могла что-либо сделать. Лишь после победы народной революции в Китае началось планомерное изучение богатого наследия прошлого и в том числе сокровищ, которые хранят лабиринты Могао.

Действуя в эпоху пробуждения Китая, американская буржуазия не могла ограничиться использованием богатейшего опыта английских, французских и других коллег по части угнетения китайского народа. Она стремилась совершенствовать старые и изобретать новые формы и методы порабощения великого народа.

После 1905 г. культурная агрессия американских миллионеров велась не только под видом распространения христианства. Правительство США придавало большое значение привлечению китайской молодежи в американские учебные заведения, как одному из могущественных средств «незаметного» завоевания Китая «изнутри».

Особенно ревностными пропагандистами в этом вопросе выступали апологеты американского империализма, восхвалявшие колонизаторскую «культурную» деятельность США в Китае в рассматриваемый период, — Артур Смит и Эдмунд Джеймс. Первый имел многолетний практический опыт «просветительной» деятельности в

покидали город, они замуровали вход в святилище, оставив там около 30 тыс. картин (см. *Цзинь Вэй-но*, *Фрески Дуньхуана*, «Народный Китай» № 3, 1956 г., стр. 30).

Китае в качестве торговца и миссионера, а второй являлся ректором Иллинойского университета.

Как Смит, так и Джеймс в своих писаниях теоретически обосновали правомерность для американских империалистов захватить в свои руки дело обучения китайской молодежи. Э. Джеймс наиболее полно изложил свои взгляды в докладной записке, представленной президенту США Т. Рузвельту. А. Смит посвятил этому вопросу книгу «Китай и Америка сегодня»¹, в которой использовал упомянутую записку Джеймса.

Пропагандируя целесообразность для США держать в своих руках нити идеологического воспитания китайской молодежи, они указывали, что капиталистическая страна, которая «будет иметь успех в деле образования современного поколения китайской молодежи, в будущем окупит свои расходы максимальными доходами для себя... Если бы США еще 30 лет тому назад занялись образованием большого количества китайских студентов, то сегодня,— писал Смит,— мы имели бы возможность самым удобным и искусным способом контролировать и направлять события в Китае в выгодном для нас (американцев. — П. С.) направлении; другими словами, США имели бы возможность, господствуя в интеллектуальной и идеологической областях, оказывать влияние на китайских лидеров»².

Обосновывая мысль о важности для США держать китайский народ под руководством американских империалистов, Смит (цитируя докладную записку Джеймса президенту Т. Рузвельту) делал такой вывод: «Расширение влияния в интеллектуальной области, даже в чисто материальном отношении, является гораздо более прибыльным делом в сравнении с тем, чего можно добиться другими методами. Торговля последует за моральным и духовным влиянием более неизбежно, чем она последовала бы за военным флагом»³.

С точки зрения Смита и Джеймса, такой метод проникновения в Китай был бы более эффективным и дал бы возможность США занять в скором времени господ-

¹ *Smith Ar., China and America To-day, A Study of Conditions and Relations*, New York, Chicago, Toronto 1907.

² *Ibid.*, p. 214—215.

³ *Ibid.*, p. 218.

ствующее положение в Китае. Кстати сказать, эта концепция напоминает теоретические взгляды американской школы Адамсов (Генри и Брукса). Последние проповедовали в конце XIX века активизацию экономической экспансии США на Дальнем Востоке и в особенности в Китае.

Выступая в роли меценатов по отношению к буржуазной китайской молодежи, в роли радетелей ее «просвещения», империалисты преследовали коварные цели, направленные в конечном счете на подавление в китайском народе воли к сопротивлению империализму, в первую очередь американскому, на ослабление прогрессивного, революционного движения китайского народа.

Сущность «просветительской» деятельности империалистов по отношению к китайской молодежи четко сформулировала вскоре после подавления движения Ихэтуань одна из столичных австралийских буржуазных газет. «Последние события на севере Китая (имеется в виду восстание Ихэтуань.— П. С.) произошли вследствие того,— писала газета,— что державы постоянно и неразумно вмешивались в дела Китая... Сегодня злоумышленники усмирены, но если завтра они восстанут вновь, то как быть в дальнейшем? Нужно рассчитывать на китайцев, имеющих западное образование и не отличающихся от нас, иностранцев, а потом уж можно, пожалуй, надеяться на всеобщее длительное умиротворение. Осторожность, которой будут придерживаться державы в обращении с китайцами, не должна походить на те методы, которые применялись на протяжении 40 лет»¹.

Таковы были истинные побудительные мотивы «радетелей» иностранного образования китайской молодежи. Это была подлинная агрессия в области культуры, глубоко оскорбительная, враждебная и опасная для китайского народа.

Духовную агрессию в Китае правительство США прикрывало таким демагогическим шагом, как решение возратить цинскому правительству часть «боксерской» контрибуции, получаемой с Китая согласно «Заключительному протоколу 1901 г.».

Как известно, после подавления движения Ихэтуань империалистические державы — Германия, Англия, Фран-

¹ См. *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 580.

ция, США, царская Россия, Япония и др. в качестве наказания навязали Китаю в 1901 г. «Заключительный протокол», согласно которому Китай окончательно превращался в полуколониальную страну. Он в значительной степени утрачивал государственный суверенитет и должен был выплатить колоссальную контрибуцию¹. Если учесть, что в это время Китай погашал займы, предоставленные для уплаты контрибуции Японии по Симоносекскому договору, то новая контрибуция вела к полному финансово-экономическому краху Китайской империи. Вместе с тем «Заключительный протокол» поддерживал власть правящей цинской клики.

Империалистические державы, подписавшие «протокол», рассматривали китайский народ «в качестве раба, который никогда в будущем не должен был сопротивляться агрессорам, а цинское правительство и его чиновники использовались в качестве больших и малых надсмотрщиков над рабами и целиком несли ответственность за подавление народного сопротивления в интересах агрессора»².

Будучи одним из главных участников похода империалистических держав на Пекин во время антиимпериалистического движения Ихэтуань, американские империалисты добились от китайского феодального правительства контрибуции в размере 24 млн. долл. якобы за ущерб, понесенный в результате подавления народного движения.

Даже государственный секретарь США Хэй признавал позднее чрезмерность предъявленных Китаю «Заключительным протоколом» американских требований. Как писал русский представитель, в беседах не для широкой публики государственный секретарь Хэй вынужден был признать «требования 24 млн. долл. преувеличенными»³.

Однако представители американского правительства как во время подписания «Заключительного протокола»,

¹ Контрибуция была наложена на страну в соответствии с численностью населения из расчета 1 лян серебра с человека. Она составляла 450 млн. лян. При 4% годовых и сроке выплаты контрибуции в 39 лет общая сумма к 1940 г. составила бы 980 млн. лян (см. *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 573—574).

² *Фань Вэнь-лань*, цит. соч., стр. 576.

³ АВПР, Вашингтон, д. 136, Розен—Извольскому, 6 (19) июня 1907 г.

так и после этого лицемерно выступали с официальными заявлениями о том, что претензии США к Китаю были самыми «умеренными» и «великодушными»¹. Правительство США совместно с правительствами других великих держав требовало от Китая выполнения международного грабительского «соглашения» от 1901 г. и выплаты контрибуции.

В целях укрепления американских позиций в Китае, демонстрируя свое «дружелюбие» к нему, правительство США в 1908 г. объявило, что оно решило пойти «навстречу» пожеланиям Китая и «облегчить», как об этом высокопарно заявляли некоторые американцы, его положение.

Соединенные Штаты официально заявили в 1908 г. об «отказе» от части американской контрибуции и предложили цинскому правительству использовать ее на «нужды просвещения»².

Действительные мотивы этого шага американских правящих кругов были куда прозаичнее лживых и пышных деклараций, которые служили лишь прикрытием империалистических домогательств США подчинить Китай своему господству и использовать китайское правительство как орудие для осуществления своих грабительских целей.

Русский посол в Вашингтоне Розен так оценивал отказ американского правительства от доли контрибуции по «Заключительному протоколу 1901 г.»: возвращение части контрибуции «внушено правительству США не столько чувством справедливости», сколько расчетом на создание «благоприятной атмосферы» для американской деятельности в Китае³.

Нельзя не согласиться с заявлением китайского историка Лю Да-няня, что после 1905 г. США «в целях укрепления базы для своей самостоятельной агрессии в Китае нуждались в таких «кадрах», которые бы пре-

¹ См. *Лю Да-нянь*, цит. соч., стр. 99.

² Первая сессия 60-го конгресса США, закончившаяся 30 мая 1908 г., приняла решение об уменьшении суммы контрибуции до 13 млн. 655 тыс. долл. при условии, что часть контрибуции будет использована цинским правительством на нужды образования («U. S. Foreign Relations», 1908, р. 67; АВПР, Вашингтон, д. 139, донесение Розена от 10 июня 1908 г.).

³ АВПР, Вашингтон, д. 136, Розен—Извольскому, 6 (19) июня 1907 г.

данно служили делу американской агрессии. Воспитание этих кадров дало бы США возможность установить в Китае свое господство в области духовной жизни и таким образом достигнуть господства также и в области материальной, обеспечив себе получение высокой прибыли»¹.

Почти одновременно с решением американского конгресса об уменьшении контрибуции с Китая, к реализации которого правительство США приступило в 1909 г., было заявлено о том, что двери американских университетов «широко открыты»² для китайской молодежи.

Реакционное маньчжурское правительство в «благодарность за возврат части контрибуции»³ предоставило США руководящую роль как в деле организации образования китайской молодежи в американских учебных заведениях, так и в отношении подбора кадров (китайских студентов).

По указанию правительства США, в Пекине учреждался «учебный отдел по командированию студентов». Во главе учебного отдела был поставлен представитель министерства народного просвещения Китая, а со стороны Соединенных Штатов была учреждена должность особых уполномоченных по учебному отделу, которые рекомендовались американским посланником в Пекине.

С целью тщательного отбора студентов, пригодных для обработки в желательном для американской буржуазии направлении, правительство США проводило предварительную проверку, или, как выражались американские дипломаты, «знакомилось» с контингентом учащихся. Как сообщал в несколько туманной форме Коростовец, ради установления «более теплой духовной связи между двумя государствами при учебном отделе предполагается учредить приготовительную коллегия»⁴.

Кандидаты для поступления в американские учебные заведения должны были пройти предварительную подготовку в приготовительной коллегии, где преподавание

¹ Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 127.

² АВПР, Вашингтон, д. 139, Розен — Извольскому, 10 июня 1908 г.

³ АВПР, Пекин, д. 131, Коростовец — Сазонову, 20 июля 1909 г.

⁴ Там же.

осуществлялось американцами, а сама организация этого учебного заведения соответствовала типу и духу американских школ¹. В подготовительную коллегия принималась молодежь из всех провинций собственно Китая, Монголии и Тибета, выходцы из состоятельных слоев.

Американские колледжи и университеты, куда направлялась китайская молодежь, как раз и предназначены были воспитывать кадры китайской интеллигенции, которые ориентировались бы на США и служили бы проводниками американского влияния в Китае.

Нельзя отрицать, что американская буржуазная идеология сумела достигнуть некоторых успехов, проникая в Китай через этот канал. Китайский историк Лю Да-нянь указывает, что просветительская агрессия американского империализма через ряд лет «пустила глубокие корни и расцвела пышным цветом»².

Известная часть китайской молодежи, преимущественно из буржуазной и феодальной среды, прошедшая под американским руководством школу «воспитания», оказалась впоследствии одним из рычагов, используемых Вашингтонским правительством для осуществления политики американского империализма в Китае.

Отдельные группы китайской интеллигенции не сумели разглядеть за либеральной фразеологией американской политики ее подлинно империалистический характер.

Этот факт отмечался представителями русской дипломатии в Китае. В конце 1910 г. Коростовец доносил, что «авансы США в смысле сближения с Китаем» поддерживаются «молодежью, обучающейся в США»³.

Сотни китайских студентов в США и слушатели довольно многочисленных в Китае школ американских миссионеров⁴ воспитывались на американской литературе и прессе. «Больше всего рекламируют преимущества дружбы с США американские журналисты, число которых в последнее время очень возросло. Агитация ведется

¹ АВПР, Пекин, д. 131, Коростовец — Сазонову, 20 июля 1909 г.

² Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 130.

³ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Сазонову, 9 декабря 1910 г.

⁴ Строительство иностранных и китайских училищ сопровождалось введением специального школьного налога, захватом земель и новыми поборами с крестьянства (см. Динь Юань-ин, «Рисовый бунт» 1910 года в Чанша, «Вопросы истории» № 8, 1955 г., стр. 108).

как в иностранной, так и в китайской печати, отчасти при посредстве подкупов и субсидий.

Не довольствуясь пропагандой идеи сближения с Америкой, журналисты прибегали к возбуждению китайского общественного мнения против других держав, не гнушаясь инсинуациями и обвинениями¹.

Планомерно осуществляя «просветительскую» агрессию в Китае, американские империалисты оказались в этом отношении примером для других великих держав. Убедившись в выгодах этого мероприятия, другие капиталистические державы уже позднее (с 1925 г.) стали «состязаться друг с другом в «отказе», по примеру США, от контрибуции по «Заключительному протоколу 1901 г.»»².

На протяжении более 40 лет после отказа от части контрибуции по «Заключительному протоколу» многие американские ученые и государственные деятели выдавали этот шаг за проявление «дружбы» к китайскому народу. Даже после того, как американская интервенция в Китае в 1949 г. потерпела полный и окончательный провал, государственный департамент в своей «Белой книге», предаваясь воспоминаниям об истории американо-китайской «дружбы», заявлял, что использование контрибуции по протоколу 1901 г. на расходы по обучению студентов было «проявлением этой дружбы»³.

Столь лицемерное заявление ничего общего не имело с действительностью. Империалистические державы и США в том числе с помощью реакционных правителей Китая стремились духовно одурманить китайский народ, чтобы повелевать им и держать в своем повиновении. В этом и состоял истинный смысл лозунга «управление Китаем руками китайцев». Именно к этому и была направлена агрессивная политика США в области культуры.

Справедливым является вывод китайского историка Цин Жу-цзи, что цель культурной агрессии США против Китая состояла в том, чтобы уничтожить в ки-

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Сазонову, 2 декабря 1910 г.

² См. *Лю Да-нянь*, цит. соч., стр. 130.

³ «United States Relations with China (with Special Reference to the Period 1944—1949. Based on the Files of the Department of State, Released August 1949)», Washington 1949.

тайском народе революционный дух, великое чувство патриотизма и устранить таким образом главное препятствие на пути агрессии¹.

Тов. Мао Цзэ-дун указывал, что «проводится эта агрессивная политика путем миссионерской деятельности, учреждения больниц, учебных заведений, издания газет, привлечения китайской молодежи в учебные заведения за границей. Все это делается для того, чтобы создать послушные империалистам кадры интеллигенции и оболванить широкие слои китайского народа»².

Вербуя из китайской интеллигенции сторонников «американского образа жизни», Соединенные Штаты в то же время активизировали колонизаторскую деятельность в Китае с помощью «долларовой дипломатии».

§ 2. «Дипломатия доллара»

В эпоху империализма внешняя политика и, следовательно, дипломатическая служба капиталистических государств целиком подчинены интересам финансового капитала. Финансовый капитал становится решающей силой во всех международных экономических и политических отношениях.

Финансовые и промышленно-торговые монополистические объединения США, Англии и других стран, осуществляя империалистическую экспансию, стремились с помощью экономического и финансового давления подчинить другие народы и, в частности, народы дальневосточных стран. Буржуазная дипломатия стала проводником экономических и финансовых интересов крупных монополий и банков. Это полностью подтверждается на примере политики США и ее «долларовой дипломатии».

Нельзя согласиться с утверждением некоторых американских историков (Трита, Грисволда и др.), восхвалявших американскую агрессию в Китае, что «дипломатия доллара» началась лишь с правления президента США В. Тафта и государственного секретаря Ф. Нокса.

Так называемую «долларовую дипломатию» американские круги стали осуществлять не со времени президент-

¹ См. *Цин Жу-цзи*, цит. соч., стр. 65.

² *Мао Цзэ-дун*, Избранные произведения, т. 3, стр. 148.

ства Тафта, а значительно раньше — уже с конца XIX века, когда капитализм в США вполне сложился, вступил в свою высшую, последнюю стадию. В годы правления Мак-Кинли и Т. Рузвельта дипломатия стала превращаться и превратилась по существу в безропотного проводника интересов крупных промышленных монополий и финансового капитала. Дипломатическая служба США расчищала дорогу американским промышленникам, банкирам, открывала для них новые сферы приложения капиталов и торговли, приносившие огромные прибыли.

В период президентства Тафта проводимая государственным департаментом политика «содействия» американским капиталовложениям за границей, поддержки империалистических интересов финансовой олигархии и торгово-промышленных кругов США стала настолько ярко выраженной, грубой по форме, что такое направление в американской дипломатии «противниками Нокса,— как сообщал об этом русский представитель в Вашингтоне,— окрещено презрительным названием «dollar diplomacy» («дипломатия доллара». — П. С.)»¹.

Однако появление в период деятельности президента Тафта и Нокса этого презрительного термина «дипломатия доллара», определившего содержание американской дипломатии, означало лишь то, что вашингтонский кабинет стал более резко проводить курс, начатый его предшественниками еще в конце прошлого столетия.

Активизация «долларовой дипломатии» американских миллионеров и миллиардеров в рассматриваемый период объяснялась рядом причин и в первую очередь внутренним развитием американского капитализма.

Уже к началу XX века США не имели равного себе соперника как по скорости развития капитализма, так и по достигнутой степени его развития. Превращение США в крупную капиталистическую державу, а также и тот факт, что США заняли первое место в мировой промышленности, явились яркой иллюстрацией к открытому В. И. Лениным закону неравномерного и скачкообразного развития капиталистических стран в эпоху империализма.

¹ АВПР, Манчестер, д 132, Розен — Извольскому, 20 июля (2 августа) 1910 г.

В 1907 г. на долю США приходилось 39,7% мировой добычи угля, 42% всего мирового производства чугуна, 45,5% железа и стали и 63,5% мировой добычи нефти. Общая стоимость продукции фабрично-заводского производства, равная в 1909 г. 20,67 млрд. долл., превышала стоимость продукции Великобритании и Германии, вместе взятых.

Развитие в США промышленности и увеличение ее роли в хозяйственной жизни страны сопровождалось особенно бурным процессом концентрации производства, созданием крупных картелей, трестов и монополий. Возникли и к данному периоду стали еще более могущественными династии промышленников в сталелитейной, нефтяной, электротехнической и в других отраслях. Крупнейшие промышленные тресты были представлены фирмами «Юнайтед Стейтс стил», «Стандард ойл», «Амалгамейтед коппер», «Америкэн смелтинг энд рифайнинг» и др. Эти и ряд других фирм — самый цвет американского капитализма — играли решающую экономическую и политическую роль в стране, в ее внутренней и внешней политике, ибо американские тресты «есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма»¹.

Одновременно с быстрым ростом концентрации промышленного производства шел процесс централизации банковского дела, а также сращивания крупных промышленных и банковских фирм. Все это происходило в острой конкурентной борьбе между банками, трестами и монополиями. В связи с усилением централизации «естественно все больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к *тресту банков*»². Банки Рокфеллеров, Морганов, Кун, Леб и К^о, Меллонов и другие крупные банки, так же как и основные страховые компании, представляли собой в рассматриваемый период объединения огромных размеров.

К началу нового столетия США наряду с Англией, Францией и Германией стали одним из четырех «столпов» всемирного финансового капитала, международным банкиром. В 1910 г. Соединенные Штаты располагали ценными бумагами на сумму, большую, чем та, которой

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 32.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 207.

располагала Франция или Германия, но меньшую по сравнению с Англией.

Господство финансовой плутократии в США создало и в политической и в материальной жизни американского общества, как пишет У. Фостер, глубокую пропасть между горсткой миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся — с другой. В период начиная от войны за независимость до первой мировой войны выдвинулись капиталистические клики Рокфеллеров, Морганов, Карнеги, Асторов, Гульдов, Гарриманов, Хиллов, Сейджей, Гринов, Фисков, Вандербильтов, Хантингтонов, Крокеров, Арморов, Куков, Кларков, Элкинов и им подобных¹.

«Миллионные массы народа жили в нужде и нищете, а их капиталистические хозяева купались в роскоши и, наживая новые и новые миллионы, требовали все больших барышей... У них не было ни чувства патриотизма, ни чувства ответственности перед народом»².

Основываясь на данных статистики, насчитывавшей в США всего 16 млн. семей, В. И. Ленин в 1913 г. указывал: «Из них, значит, *менее полумиллиона* принадлежат к капиталистам. Остальная масса — наемные рабы или задавленные капиталом мелкие земледельцы и т. п.»³. На службе крупного капитала, за редким исключением, находились пресса, наука, искусство и культура.

Американский капитализм захватил, таким образом, в свои руки плоды огромного труда простых людей США — создателей материальных и духовных ценностей, в том числе тяжелого труда иммигрантов и «освобожденных» негров, чей пот, кровь и слезы способствовали обогащению капиталистов. Однако всего этого, по мнению финансовой плутократии, было недостаточно. Американские бизнесмены жадно протягивали свои руки к богатствам всего земного шара, в том числе и к богатствам Кореи, Китая и России.

Сосредоточив в своих руках громадные капиталы, полученные путем эксплуатации американского населения, и подчинив себе экономическую и политическую жизнь американского общества, финансовая плутократия США

¹ См. *Фостер Уильям З.*, Очерк политической истории Америки, М. 1955, стр. 316.

² Там же.

³ *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 172.

стремилась получить еще и «свою» долю сверхприбылей за счет пота и крови народов полуколонизированных и колонизированных стран, в том числе китайского и корейского народов. Именно поэтому некоронованные банковские и промышленные короли — Морган, Рокфеллер, Карнеги, Вандербильт, Я. Шифф и многие другие — направляли в своих интересах агрессивную внешнюю политику США в странах Латинской Америки и Дальнего Востока.

«Дипломатия доллара» диктовалась, следовательно, интересами монополий, банков и др.

Задаче сохранения и приумножения баснословных состояний миллиардеров служил государственный аппарат США, над которым крупные американские монополии установили безраздельный контроль, подчинив его своим целям и задачам. Президенты США, например Т. Рузвельт и В. Тафт, являлись прямыми ставленниками американских монополий. Проводимая ими политика осуществлялась исключительно в интересах крупных финансовых и промышленных тузов США. «С первых ступеней до самой вершины своей политической карьеры Рузвельт был поднят моргановской кликой»¹.

Восприняв «учение» идеологов американского империализма Дж. Барджесса, Гиддингса, Мехэна и других апологетов Уолл-стрит, проповедников колониальной политики и установления американского влияния над другими народами, Т. Рузвельт, а также и Тафт явились выразителями интересов крупного финансового капитала. Они назначали на важные государственные посты в правительственном аппарате, в частности на дипломатической службе, явных и скрытых агентов монополий. Послы Соединенных Штатов Америки в Лондоне, Санкт-Петербурге, Париже, Берлине, Токио, Риме являлись представителями банковских групп Рокфеллера, Моргана, Меллона, Дюпона и др.²

Характерной чертой «дипломатии доллара» была совершенно неприкрытая связь между Уолл-стритом и государственным департаментом. «Иногда казалось даже, что между ними произошло полное слияние, так как одни и те же люди то выступали в качестве официальных пред-

¹ Ландберг, 60 семейств Америки, М. 1948, стр. 79.

² См. там же, стр. 70—110.

ставителей Соединенных Штатов, то служили непосредственно американским банкирам, пользуясь при этом поддержкой государственного департамента»¹.

Если правительство США во главе с Т. Рузвельтом, осуществляя политику «открытых дверей», использовало «дипломатию доллара» в несколько завуалированной форме, то вновь пришедшая администрация во главе с Тафтом, продолжая политику предшествующего правительства Т. Рузвельта, проводила ее совершенно открыто, используя займы, финансовые операции, учреждения банков и другие комбинации для ограбления и подчинения китайского народа и народов других стран.

Президент В. Тафт определил «дипломатию доллара» так: «Это политика замены пуль долларами... Это откровенное стремление расширить торговлю Америки, причем, безусловно, предполагается, что правительство США должно оказывать всяческую возможную поддержку всем законным и полезным предприятиям американцев за границей»².

Наигранное миролюбие американского президента звучало фальшиво и лицемерно. В действительности речь шла не только о торговле, вслед за нею выдвигалось требование свободы инвестирования американских капиталов. Подлинной же целью «дипломатии доллара» являлось завоевание стратегических позиций для установления безраздельного господства американского капитала и полного подчинения ему всего обширнейшего района Дальнего Востока.

Использование финансовой мощи США не только не означало «замены пуль», а, наоборот, открывало широкий простор грубому вмешательству в дела китайского народа и других народов и открытой интервенции в эти страны, где возможности обогащения американской буржуазии казались безграничными. «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голо-

¹ Джордж Марион, Базы и империя, М. 1948, стр. 117.

² См. там же, стр. 116.

ву, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹.

История американского проникновения в Китай за последние 50 лет убедительно свидетельствует о том, что нет такого преступления, совершенного во имя обеспечения баснословных барышей, перед которым остановились бы американские империалисты.

В период президентства Т. Рузвельта американская дипломатия на Дальнем Востоке добивалась своих целей главным образом с помощью Японии, разжигая русско-японскую войну.

Во время президентства Тафта дипломатическая служба, стремясь расширить участие американского капитала в различных областях жизни Китая, действовала главным образом с помощью доллара.

Президент Тафт «не только никогда не ломал сложившихся традиций, — писал американский историк Калькотт, — но и не создавал их. Подобно многим юристам он предпочитал по возможности следовать старым формам. Он был типичным адвокатом дельцов, стремившимся угодить своим клиентам так, чтобы не тревожить подозрительную публику новыми идеями»².

Представители наиболее агрессивной настроенной части республиканской партии Тафт и Нокс имели тесную связь с крупными промышленными и финансовыми группами страны. Нокс был старым, опытным адвокатом крупных дельцов, ловким юристом американских корпораций. Нокс привык вести дела с этими капиталистами. Он считал их людьми, «заслуживающими внимания. К людям, не умеющим наживать деньги, он относился, как к низшим»³.

При Тафте и Ноксе прямое вмешательство американского правительства в дела Дальнего Востока стало более активным и настойчивым, чем при Рузвельте. Это имеет свое объяснение.

Укрепление японского господства в Южной Маньчжурии и стремление японского капитала найти новые объек-

¹ См. *К. Маркс*, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 764.

² *Callcott W. H.* The Caribbean Policy of the United States, 1890—1920, Baltimore 1942, p. 258.

³ *Ibid.*, p. 259.

ты приложения своего капитала в Северном и Южном Китае не могли не вызвать беспокойства в капиталистических кругах США, заинтересованных в Китае.

Уже после нескольких месяцев деятельности новой администрации во главе с В. Тафтом русский дипломат Крупенский сообщал из Вашингтона, что Дальний Восток привлекал к себе особое внимание буржуазных кругов Соединенных Штатов¹.

В. Тафт был таким же преданным приказчиком крупного капитала, как и Т. Рузвельт. Он отказался от болтовни о чести, престиже и долге, к которой прибегал «природный демагог и искуснейший политикан Т. Рузвельт»².

Тафт прямо говорил о «долларовой дипломатии»: «Наша внешняя политика не должна уклоняться от прямого пути... Она может включать в себя активное вмешательство, чтобы обеспечить нашим товарам и нашим капиталистам возможность выгодных инвестиций»³.

Русский посол в своем донесении в августе 1910 г. следующим образом характеризовал «долларовую дипломатию»: «Тафт и Нокс провозгласили главной задачей внешней политики Соединенных Штатов энергичное отстаивание американских торговых и промышленных интересов и покровительство всеми доступными дипломатическими средствами американской предприимчивости в этой области, где бы таковая ни проявлялась»⁴.

Американский дипломат и делец по части финансовых операций в полуколониях В. Стрейт, непосредственный проводник «долларовой дипломатии» в Китае, определил ее сущность как «логическое проявление нашей (американской.— П. С.) национальной мощи и законное стремление Соединенных Штатов занять более важное место за совещательным столом народов. Новая политика, — заявлял он, — направлена не только на то, чтобы защищать тех американцев, которые уже участвуют во внешней торговле, но и поощрять новые попытки, дипло-

¹ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 12 июля 1909 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 132, Розен — Извольскому, 16 (29) марта 1910 г.

³ Там же.

⁴ АВПР, Манчестер, д. 132, Розен — Извольскому, 20 июля (2 августа) 1910 г.

матическими действиями проложить дорогу тем, кто еще не участвовал, но кто будет участвовать в вывозе капитала или товаров за границу»¹. Стрейт выражал идеи молодого американского империалистического хищника. В своей практической дипломатической работе Стрейт не видел «ничего неподобающего его положению» в борьбе за расширение влияния Уолл-стрита. За время с 1906 по 1908 г. он превратил консульство США в Мукдене «в действовавшую исключительно энергично контору по сбыту американских товаров в Маньчжурии» и вместе с Э. Гарриманом разрабатывал проекты постройки кругосветной системы транспорта. Впоследствии, находясь на посту исполняющего обязанности директора дальневосточного отдела государственного департамента, «он работал для Гарримана, а будучи представителем Гарримана, работал для государственного департамента»².

Правительство В. Тафта открыто провозглашало экспансионистскую внешнюю политику. В речи 4 марта 1909 г., призывая к усилению вооружений и милитаризации, В. Тафт заявил: «В международных осложнениях, которые, вероятно, возникнут на Востоке в связи с вопросом об «открытых дверях» и другими проблемами, Соединенные Штаты сумеют отстоять свои интересы и обеспечить уважение к своим... требованиям. Они не смогут, однако, сделать этого, если будет известно, что подкрепить свои права и защищать свои интересы они могут только словесным протестом и дипломатическими нотами»³.

Известно, что во время президентства В. Тафта важным районом наступления американского империализма оставалась Латинская Америка. Но, как видно из вышесказанного, острие американской экспансии в этот период направлялось и в сторону Дальнего Востока. Президент В. Тафт был убежден, что Соединенные Штаты Америки должны играть руководящую роль в дальневосточных краях, «представляющих собой широкое поле для американского капитала и американской предприимчивости»⁴.

¹ *Overlach T. W.*, *Foreign Financial Control in China*. New York 1919, p. 215—216.

² *Джордж Марион*, цит. соч., стр. 118.

³ *Nearing S. and Freeman J.*, *op. cit.*, p. 43.

⁴ АВПР, Вашингтон, д. 132, Крупенский — Извольскому, 10 (23) июня 1910 г.

Органическая связь между деятельностью американской дипломатической службы и действиями финансовых монополий, направленными на расширение экономической и политической экспансии, особенно ярко проявлялась именно в Китае.

Назначенный в Китай представитель США Крэн, который находился в близких отношениях с русским представителем в Вашингтоне Крупенским, откровенно рассказывал последнему, что одной из главных задач его (Крэна. — П. С.) деятельности в качестве посланника в Китае «является содействие американским монополиям в завоевании прочного положения в стране, обещающей быть богатейшим рынком в мире»¹.

Доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей», являвшаяся стержнем всей американской политики в Китае, приобрела при Тафте еще более агрессивный характер. Это проявилось в притязаниях американских магнатов на активное участие в железнодорожном строительстве, в попытках финансировать пекинское правительство посредством займов, в стремлении занять руководящую роль в других экономически важных объектах.

В это же время впервые обнаружилось стремление правящих кругов Соединенных Штатов противопоставить политике Англии, Японии, Франции и царской России в Китае, в частности в Северо-Восточном Китае, свою политику «интернационализации» Маньчжурии и установления «международного» контроля, что практически привело бы к безраздельному господству американского империализма в Северо-Восточном Китае.

Однако на пути осуществления империалистических притязаний американских капиталистов вставал ряд серьезных препятствий. Среди них большое значение имело сопротивление китайского народа и, в частности, китайской национальной буржуазии домогательствам США и других иностранных держав.

Положение осложнялось острой конкурентной борьбой между иностранными капиталистами, которая особенно ярко проявилась по вопросу строительства железных дорог в Китае.

Вскоре после восстания Ихэтуань в стране все отчет-

¹ АВГР, Манчестер, д. 138, Крупенский — Извольскому, 7 (20) июня 1909 г.

ливее стала проявляться тенденция китайских национальных кругов самостоятельно, без участия иностранных капиталов и даже без иностранных специалистов, осуществлять строительство экономически важных объектов и в первую очередь железнодорожное строительство. Так, например, в Центральном и Южном Китае группировки национальной буржуазии подняли широкую кампанию за развитие горнодобывающей промышленности (разработка рудников, строительство заводов и пр.) и сооружение новых железнодорожных линий на собственные китайские средства и под китайским контролем.

В ряде провинций купцы и «джентри» начали кампанию за предоставление концессий для строительства железных дорог чисто китайским предприятиям. Организаторы этого дела пытались использовать денежные средства китайского населения, проводя для этой цели подписание на акции.

Используя бешеную конкурентную борьбу между империалистическими государствами за приложение капитала в Китае, маньчжурское правительство старалось получить от представителей иностранных держав железнодорожные и другие займы на более легких условиях и при этом не связанных с иностранным контролем¹. В то же время под воздействием развернувшегося национального движения правительство вынуждено было предоставить национальной буржуазии известную долю участия в развитии китайской экономики и в том числе в строительстве железных дорог.

Еще в 1903 г. фуцзяньский купец Чан Ю-нан получил концессию на постройку дороги Сватоу — Чаочжоу². В 1905 г. была организована коммерческая администрация выкупленной у американских капиталистов южной ветки дороги Кантон — Ханькоу.

В 1906 г. образовалась компания с капиталом в 2,7 млн. китайских долларов³ для постройки Суньинской

¹ Таких условий китайскому правительству удалось частично добиться, например, при заключении займа для строительства Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги.

² Линия железной дороги длиной в 26 миль была закончена в 1906 г.

³ Позже капитал этой компании был увеличен до 4,3 млн., из которых значительная часть была вложена китайцами, проживавшими в Америке и в Гонконге.

железной дороги в Южном Гуандуне — от Цзянмына (Конмуна) до Суньина. Тогда же началось строительство дорог в провинциях Аньхой, Чжэцзян, Цзянсу и др. В 1908 г. была создана китайская компания с капиталом в 28 млн. таэлей и начата постройка линии Наньчан — Цзюцзян в провинции Цзянси.

В конце 1908 г. пекинское правительство выкупило у бельгийского синдиката Пекин-Ханькоускую железную дорогу, уплатив бельгийским капиталистам около 130 млн. франков¹. Китайские капиталисты добились (в январе 1909 г.) передачи контроля над этой дорогой китайской администрации².

Получив контроль над Пекин-Ханькоуской железной дорогой, китайское правительство вынуждено было предпринять шаги для сооружения новых железнодорожных линий. В 1910 г. началось строительство Хэнаньской ветки Гунчуань — Хэнаньфу и Сычуань-Ханькоуской дороги. Было запроектировано сооружение ряда других железнодорожных линий.

Однако осуществлению железнодорожного строительства силами и средствами национальной буржуазии мешал ряд обстоятельств: политика цинского правительства, которое незадолго до революции решило в интересах империалистических государств провести национализацию частных железных дорог; недостаток национально-го капитала, а также слабая организационная сторона этих мероприятий, приводившая подчас к крупным аферам.

Идея национализации частных железных дорог являлась, вообще говоря, прогрессивным государственным делом. Но в тех конкретных условиях национализация железных дорог, затеянная маньчжурским правительством, не подсказывалась государственными интересами, а, как мы увидим дальше, явилась результатом давления иностранных империалистов.

Капиталисты Англии, Франции и других стран, навязывая цинской династии финансовые займы и обуславливая их требованием установления контроля над строящимися железными дорогами, вынуждали правительство

¹ АВПР, Пекин, д. 130, Коростовец — Извольскому, 25 февраля 1909 г.

² Там же.

аннулировать права на концессии, ранее выданные китайцам, или «национализировать» строящиеся национальной буржуазией дороги, с тем чтобы отдать эти концессии или железные дороги в руки иностранных капиталистов.

С другой стороны, осуществление цинским правительством так называемой «новой политики» — строительство железных дорог и формирование новой армии (к этому оно приступило в последние годы своего правления) — привело к введению новых и увеличению старых налогов.

Национализация частных железных дорог проводилась в угоду главным образом иностранному капиталу и в ущерб частным китайским промышленным компаниям, интересы которых приходили в столкновение с интересами иностранных фирм. Наглядным примером этому являлся вопрос о сооружении железнодорожных линий от Ханькоу в глубь провинции Сычуань. События, связанные с этой группой дорог, вошли в историю международных отношений под названием строительства Хугуанских железных дорог, или истории хугуанского займа¹.

Первоначальное сооружение Хугуанских железных дорог (постройка их частично проводилась) предполагалось производить на денежные средства, которые намечалось собрать с китайского населения в заинтересованных провинциях Хубэй, Хунань и Сычуань. Однако кампания по сбору средств с населения не имела успеха. Было собрано некоторое количество денег, которые пошли не по назначению.

Успешной реализации начатого дела серьезно мешало усиленное противодействие иностранных капиталистов и иностранных дипломатических представителей, а также антинациональная позиция феодальных маньчжурских властей.

Представители финансовых групп Англии, Франции и Германии при помощи своих дипломатических миссий (каждый в отдельности) домогались от китайского правительства предоставления им концессий на строительство Хугуанских железных дорог.

Сооружение и эксплуатация этих дорог, расположен-

¹ Хугуан — общее название провинций Хубэй, Хунань и Сычуань.

ных в богатых и многолюдных районах страны, открывали иностранным капиталистам перспективы большой наживы. Именно поэтому между иностранными банковскими синдикатами развернулась ожесточенная борьба за участие в сооружении этих дорог. В конце концов представители английских, германских и французских финансовых объединений договорились между собой о заключении соглашения по совместному участию в финансировании строительства Хугуанских железных дорог, говоря иными словами, о совместной эксплуатации китайского народа.

6 июня 1909 г. три группы английских, французских и германских банков подписали с маньчжурским правительством предварительное соглашение о хугуанском займе. Ровно через месяц, 6 июля 1909 г., состоялось заключение договора. Согласно договору финансовые объединения капиталистов обязывались, в частности, все железнодорожные займы, предоставляемые Китаю, равномерно распределять между тремя группами (статья 3). Такое же распределение должно было иметь место в отношении заказов и снабжения железных дорог материалами (статья 2)¹.

Сговор трех иностранных финансовых объединений с цинским правительством свидетельствовал о том, что это правительство не только не заботилось о судьбе трудового китайского народа, но и пренебрегало капиталистическими интересами молодой китайской национальной буржуазии.

Антинациональный акт цинского правительства вызвал всеобщее волнение в различных слоях китайского населения в провинциях Хубэй, Хунань и Сычуань. Китайские купцы и некоторые помещики, а также студенческие организации направили многочисленные протесты центральному правительству с требованием не

¹ Memorandum of Agreement among British, French and German Groups in regard to Railway Loans, July 6, 1909; *MacMurray J. V. A., Treaties and Agreements with and concerning China, 1894—1919, v. I, New York 1921, p. 833—835.*

В три группы банков входили: английские (Британская и Китайская корпорации — «The British and Chinese Corporation Limited»), французские (синдикат крупнейших французских банков во главе с «Banque de L'Indo-Chine») и германские (15 крупных банков, представленных синдикатом «Die Deutsch-Chinesische Eisenbahn Gesellschaft»).

допустить постройки железных дорог под контролем иностранного капитала.

Возмущение китайского населения было направлено в первую очередь против иностранцев, стремившихся захватить это предприятие под свой полный контроль. Оно выражало также острое недовольство народа маньчжурской династией.

Финансовые и дипломатические представители США стремились быть в курсе дела развития хугуанского вопроса. США зорко следили не только за действиями со стороны Японии, отношения с которой были несколько улажены соглашением Рут — Такахира, но и за политикой других империалистических держав в Китае. Что касается хугуанского займа, то первоначально американские представители в Китае, в том числе и дипломатические представители, официально не проявляли интереса к этому. Это был рассчитанный тактический ход.

Проводя энергичные подготовительные мероприятия для вмешательства в вопрос о хугуанском займе, заинтересованные в этом деле финансово-промышленные круги США сочли выгодным несколько подождать, чтобы окончательно выяснить позицию своих империалистических соперников и предоставить им неприятную обязанность сломить открыто пробудившееся национальное чувство китайской буржуазии и всего населения названных провинций.

Только после этого американские империалисты намерены были выступить, так сказать, наверняка и показать себя в выгодном свете перед китайцами. США, таким образом, выжидали благоприятного, по их мнению, момента для официального выступления по вопросу о хугуанском займе.

Еще до официального заявления об участии в хугуанском займе по указанию президента В. Тафта крупнейшие американские банки — Кун, Леб и К^о, «Ферст нейшэнел банк», «Нейшэнел сити банк» и дом Моргана — объединились в одну группу со специальной целью способствовать инвестированию американского капитала в Китае¹.

В планы этой финансовой группы, помимо участия в хугуанском займе, входило также осуществление дру-

¹ *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 43.

гих проектов железнодорожного строительства и эксплуатации природных богатств Китая с целью подчинения в дальнейшем американскому финансовому капиталу всей китайской промышленности и экономики.

Однако первоочередной задачей объединенной финансовой группы являлось участие в сооружении Хугуанских железных дорог и, в частности, Ханькоу-Сычуаньской железной дороги. Представителем нью-йоркского финансового объединения в Китае был назначен В. Стрейт, занимавший до этого назначения должность и. о. директора дальневосточного отдела государственного департамента (ноябрь 1908 г. — июнь 1909 г.)¹.

Тем временем государственный департамент готовился дипломатическим путем выступить против англо-франко-германского соглашения с китайским правительством, т. е. против сговора, игнорирующего права и интересы американского капитала.

Накануне окончательного подписания упомянутого соглашения о хугуанском займе американская миссия в Пекине заявила протест против утверждения китайским правительством соглашения с тремя иностранными группами без участия американской стороны².

Вашингтонский кабинет основывал свой протест на обязательстве, данном еще в 1904 г. китайским правительством американскому посланнику Конжеру. По этому обязательству китайское правительство должно было, в случае если для постройки железных дорог на запад от Ханькоу оно прибегнет к займу, предоставить США половинное участие в нем³.

¹ Виллард Стрейт по окончании колледжа в 1901 г. поступил на службу в имперское таможенное управление Китая, которое в то время находилось в руках англичан, затем перешел на американскую дипломатическую службу, отсюда на службу в банке, затем снова вернулся в государственный департамент.

² «U. S. Foreign Relations», 1909, p. 155—156; АВПР, Пекин, д. 131, Коростовец — Извольскому, 22 июня 1909 г..

³ История обязательства китайского правительства такова. В 1898 г. американский синдикат добился получения концессии на строительство Ханькоу-Кантонской железной дороги. Однако американцы очень мало сделали для строительства дороги и в 1904 г. выгодно продали эту концессию китайскому правительству. Этот шаг Соединенных Штатов вызывался стремлением вашингтонского правительства произвести благоприятное впечатление на китайцев, чтобы получить, таким образом, своего рода «аванс» для будущего

Воспользовавшись этим обстоятельством, американское правительство летом 1909 г. официально потребовало участия американского капитала в строительстве Хугуанских железных дорог. Выступление США по вопросу о хугуанском займе являлось важным шагом в осуществлении их общей экспансионистской политики в Китае.

Немедленно после официального выступления государственного департамента Коростовец доносил русскому правительству, что «в настоящее время наступил поворот в политике Штатов по отношению к Китаю... Внезапное выступление Соединенных Штатов в вопросе железнодорожного займа объясняется, несомненно, политическими мотивами»¹.

Домогательства американского правительства и действия американской финансовой группы приостановили опубликование имперского эдикта китайского правительства о предоставлении концессии англо-франко-немецкой группе капиталистов.

Английское и французское правительства отнеслись к этому шагу американских правящих кругов с большой подозрительностью. Заявляя о том, что им ничего не было известно об обязательствах, принятых Китаем в 1904 г. по отношению к Соединенным Штатам, они высказали свое удивление, что Соединенные Штаты не объявили раньше о желании американского синдиката принять участие в займе, а сделали это слишком поздно, когда контракт был уже подписан.

Помимо этого, лондонский кабинет, опасаясь полного крушения соглашения о займе, достигнутого с величайшим трудом, обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой повременить со своими представлениями в Пекине.

Было ясно, что европейские банкиры не желают допустить участия американского капитала в хугуанском займе.

участия не только в железнодорожном строительстве, но и в сооружении других предприятий в Китае. Видимо, этим можно объяснить сообщение русского посланника Коростовца о том, что китайцы считали американцев менее других преследующими в отношениях с Китаем корыстные политические цели.

¹ АВГР, Пекин, д. 131, Коростовец — Извольскому, 22 июня 1909 г.

Однако государственный департамент продолжал настаивать на том, чтобы окончательный контракт не утверждался до тех пор, пока американский синдикат не будет включен в это предприятие.

В инструкциях поверенному в делах в Пекине государственный секретарь Нокс указывал на исключительное значение для американских финансово-промышленных кругов участия в этом предприятии. Он писал Флетчеру, что, поскольку этот заем «обеспечивается доходами с лицзина¹, это обстоятельство делает особенно важным участие в нем Соединенных Штатов, дабы американское правительство, которое имеет права на провинциальные доходы, могло осуществлять влияние, равное влиянию других трех держав, о которых идет речь»².

Царский представитель Крупенский доносил из Вашингтона, что в выступлении государственного секретаря Нокса нужно видеть первый шаг правительства президента В. Тафта по пути расширения сферы американских интересов в Китае и стремления Соединенных Штатов играть более активную и влиятельную роль на Дальнем Востоке³.

В результате настояний государственного департамента и широко развернувшейся активной деятельности американского финансового объединения европейские банки соглашались уступить американцам четверть займа только на постройку одной из двух проектируемых дорог. Но американские капиталисты требовали, а их правительство дипломатическим путем настаивало на предоставлении своему финансовому объединению 25% всего займа или 50% займа для строительства только одной Ханькоу-Сычуаньской железной дороги.

В то время как представитель финансового объединения Стрейт вел переговоры с заинтересованными банками в Лондоне, государственный секретарь Нокс усиливал дипломатическое давление на китайское правительство. Американскому поверенному в делах в Пекине Флетче-

¹ Лицзин — сбор, взимавшийся от стоимости товаров за транзит и с лавок. Иногда под лицзином имелись в виду все внутренние таможенные сборы в Китае.

² «U. S. Foreign Relations», 1909, p. 160.

³ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 10 (23) июня 1909 г.

ру было приказано «торжественно предупредить китайское правительство, что в настоящее время нет никаких оснований для сомнений, что в результате ряда встреч, имевших место в Париже и Берлине, американская группа войдет в соглашение с европейскими банкирами относительно участия американского капитала в настоящем займе» и что, более того, «американцы готовы взять на себя весь заем, в случае если частные лица в Европе будут упорствовать и отказываться от этого сотрудничества»¹.

Таким образом, государственный департамент открыто заявлял о том, что американский финансовый капитал намерен целиком выкупить концессию на сооружение Хугуанских железных дорог и занять руководящее положение в этом районе Китая.

О большом значении, которое придавали американские империалисты хугуанскому займу, говорит тот факт, что одновременно с дипломатическим давлением на китайское правительство целый ряд представителей США в других странах вел дипломатическую подготовку за допущение американских банкиров к участию в хугуанском займе на выгодных для них условиях. Так, например, посол США в Германии Дэвид Хилл выразил германскому министру иностранных дел свою уверенность в том, что германское правительство «не сочтет возможным пренебречь интересами американского капитала и промышленности на Востоке»².

В связи с вопросом об участии США в займе летом 1909 г. в Лондоне состоялось совещание заинтересованных в этом деле французских, германских и английских банкиров. Американским представителям была предложена на совещании меньшая по сравнению с европейскими банкирами доля участия в займе.

Такое предложение не могло удовлетворить разыгравшийся аппетит магнатов Уолл-стрита. Из Соединенных Штатов последовали инструкции о том, чтобы американские представители не соглашались на такие условия. Американские буржуазные газеты, комментируя сообщения своих корреспондентов из Лондона, одобряли отказ правительства от участия на новых, мало выгодных для

¹ «U. S. Foreign Relations», 1909, p. 179.

² *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 44.

американского капитала условиях и обращались к государственному департаменту с требованием, чтобы он настаивал на участии американцев «в займе как нации»¹.

Кроме того, давалось понять, что если европейские банкиры будут упорствовать, то США готовы взять на себя весь заем.

Встречая противодействие со стороны европейских держав и пассивное сопротивление китайского правительства, правительство США проявило еще большую активность. 15 июля 1909 г. государственный секретарь пишет поверенному в делах в Пекине: «Получается, что отдельные лица в Китае или вне его имеют возможность помешать практическому осуществлению политики «открытых дверей» и принципа «равных возможностей». Если возражения со стороны иностранных банкиров против равного американского участия столь несостоятельны, что Китай и их собственные правительства могут их устранить, то пусть Китай осуществит свое право и разрешит этот вопрос с тем, кто согласен соблюдать его интересы»².

В циркулярном письме Нокс предлагал добиться от китайского правительства, чтобы оно по вопросу о хугуанском займе имело дело только с американскими капиталистами. Болтовней о соблюдении якобы национальных интересов Китая глава дипломатического ведомства прикрывал колониальные цели американских правящих кругов.

Однако ни инструкция государственного департамента американской миссии, ни домогательства американских банкиров добиться выгодных условий в займе не привели к положительным для империалистов США результатам. Китайское правительство под нажимом представителей европейского капитала держалось в стороне, рассчитывая в своих интересах использовать конфликт между империалистическими государствами.

Такое положение дел с хугуанским займом не устраивало американских капиталистов. Ради осуществления своих империалистических устремлений американские правящие круги прибегли к методам грубого политического давления на правительство полуколониального го-

¹ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 29 июня (12 июля) 1909 г.

² «U. S. Foreign Relations», 1909, p. 179.

сударства. В. И. Ленин в работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» писал, что американские тресты «для устранения конкурента... не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным»¹.

В июле 1909 г. президент Тафт предпринял личное вмешательство в это дело. Нарушая все дипломатические обычаи, он отправил от своего имени телеграмму непосредственно принцу-регенту Чуню, в которой заявил: «Я огорчен сообщениями, что существует какое-то предвзятое мнение, мешающее Вашему правительству допустить американский капитал участвовать на равных условиях в настоящем железнодорожном займе... Я, посылая это письмо, не сомневаюсь, что Вы рассмотрите этот вопрос во всей его широте, что сразу приведет к результатам, способным удовлетворить обе стороны. Я прибегаю к этому несколько необычному прямому обращению к Вашему императорскому высочеству ввиду важного значения, которое я придаю удачному исходу наших теперешних переговоров»².

Обращение президента США непосредственно к принцу-регенту Китайской империи, а также действия государственного департамента и финансового объединения по поводу участия американского капитала в хугуанском займе широко обсуждались в прессе. Придавая этому вопросу большое политическое значение, американская печать заявляла, что участие американского капитала в хугуанском займе послужит прецедентом для дальнейшего участия капиталистов США в различных предприятиях в Китае³.

В результате открытых и закулисных интриг американцев представители трех иностранных держав, а также и китайское правительство согласились в принципе допустить участие американских капиталистов в этом предприятии. Тройственное соглашение финансовых групп должно было превратиться в четверное⁴.

В послании конгрессу в декабре 1909 г. Тафт заявлял,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 32.

² «U. S. Foreign Relations», 1909, p. 178.

³ АВПР, Манчестер, д. 138, приложение к донесению Крупенского — Сазонову от 18 (31) августа 1909 г.

⁴ Образование банковского консорциума четырех держав произошло несколько позже.

что после долгих переговоров Соединенные Штаты обеспечили за собой равное участие в международном займе, предназначенном для финансирования широкого плана железнодорожного строительства в Китае, и что американским капиталистам предоставляется равное с другими право участия в поставке необходимых железнодорожных материалов¹.

Дипломатический успех государственного департамента США заставил даже царское правительство обратиться к вашингтонскому кабинету с просьбой о поддержке русских банков в деле участия в реализации будущих китайских железнодорожных займов. В беседе по этому поводу Крупенского с Ноксом последний заявил, что вашингтонский кабинет «в принципе» признает за царским правительством право принимать участие как в будущих железнодорожных займах, так и в других финансовых предприятиях иностранных держав в Китае².

Однако Нокс считал, что до возникновения конкретного случая государственный департамент не может дать какие-либо инструкции своему посланнику в Пекине, не будучи уверен в том, что следующая кредитная операция Китая будет приемлема для участия в ней американских капиталистов.

Русский дипломат заметил Ноксу, что в интересах Соединенных Штатов было бы противодействовать вместе с Россией стремлениям европейского синдиката (образовавшегося из английских, французских и немецких банкиров) захватить исключительно в свои руки реализацию китайских займов, на что Нокс ответил: «Мы успешно стали им поперек дороги в Ханькоу-Сычуаньском деле. Действуйте и вы таким же образом, если синдикат снова повторит свою попытку»³. Это был по существу отказ в поддержке предложения царской России.

Япония не проявляла особой активности в отношении хугуанского предприятия, но после того как США добились своего участия в хугуанском займе, министр ино-

¹ «U. S. Foreign Relations», 1909, р. 14, 15, 16; АВПР, д. 138, приложение к донесению Розена — Извольскому, 8 (21) декабря 1909 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 26 октября (8 ноября) 1909 г.

³ Там же.

странных дел Японии дал указание японскому посланнику в Пекине Идзюину вступить в переговоры с английским и американскими представителями по вопросу об участии Японии в финансировании строительства Хугуанских железных дорог¹.

Не получив возражений со стороны английского посланника, Идзюин встретил решительное противодействие американского представителя. На этом японские империалисты прекратили свои домогательства и в ближайшие годы не возвращались к хугуанскому вопросу.

Поведение японского правительства объяснялось намерением усилить свои позиции в первую очередь в Северо-Восточном Китае. В Токио сочли целесообразным в данный момент не разбрасывать силы, а сосредоточить их на выполнении давно намеченных планов в отношении Северо-Восточного Китая.

Победа американской дипломатии в вопросе инвестирования отечественного капитала в провинциях Хунань, Хубэй и Сычуань не удовлетворила аппетиты американской буржуазии. Руководящие круги США отдавали себе отчет в том, что в названных провинциях, так же как и в других районах Южного и Центрального Китая, американским капиталистам предстояла упорная и тяжелая борьба с другими экономически мощными державами, в частности с Англией — опасным конкурентом США.

Такая борьба в тех условиях не могла сулить американцам победы, ибо в центральных и южных районах Китая влияние других империалистических держав и в первую очередь Англии было значительно сильнее по сравнению с американским влиянием. Английские капиталисты занимали там решающее место в капиталовложениях, судоходстве и торговле.

Реально оценивая возможности проникновения американского капитала в эти районы Китая, а также в Северо-Восточный Китай, являвшийся сферой империалистического влияния Японии и царской России (эти страны значительно уступали США в отношении экономических возможностей), американские капиталисты считали Северо-Восточный Китай с точки зрения своих политиче-

¹ АВПР, Токио, д. 914, Малевский-Малевич — Извольскому, 19 июня 1909 г.

ских и экономических устремлений более выгодным объектом, чем Южный и Центральный Китай.

Шаги, предпринятые относительно хугуанского предприятия, не уменьшали усилий американских капиталистов в отношении Северо-Восточного Китая.

Особую заинтересованность в отношении Северо-Восточного Китая проявлял уже упоминавшийся ранее американский финансовый магнат Э. Гарриман, а также Виллард Стрейт.

Э. Гарриман принялся осуществлять план создания на американские средства Банка Трех восточных провинций с капиталом в 20 млн. золотых долларов, который стал бы финансовым, экономическим, а следовательно, и политическим центром американского господства в Северо-Восточном Китае¹.

По мнению американских капиталистов, в задачу банка входило способствовать «стабилизации» денежного обращения в Северо-Восточном Китае, проведению денежной реформы, развитию железных дорог, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, лесного дела и других промышленных предприятий Северо-Восточного Китая².

Выполняя волю крупных американских финансистов, в частности группы банкиров во главе с Э. Гарриманом, В. Стрейт, будучи американским консулом в Мукдене, добивался по этому вопросу соглашения с назначенным в 1907 г. губернатором Мукденской провинции Тан Шао-и³, окончившим в свое время Иллинойский университет в Америке. 7 августа 1907 г. В. Стрейт и Тан Шао-и составили предварительный протокол об организации Банка Трех восточных провинций и сооружении железнодорожной ветки Пекин-Мукденской железной дороги от Синьминтуня до Факумыня и Айгуня⁴, которая в будущем была бы составной частью гарримановского проекта кругосветной транспортной системы.

О достигнутом успехе В. Стрейт в тот же день извещал своего патрона Э. Гарримана письмом и записал в

¹ *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 48.

² *Treat P. J.*, *Japan and the United States, 1853—1921*, p. 193—194.

³ *Zabriskie E. H.*, op. cit., p. 140.

⁴ Лю Да-нянь эту комбинацию именует проектом Синьфаской железной дороги (см. *Лю Да-нянь*, цит. соч., стр. 120).

своем дневнике: «Письмо отправлено. Колоссальные возможности. Если проект будет принят, мы будем играть главную роль в развитии Маньчжурии. Наше влияние в Китае неизмеримо усилится»¹.

Восторг буржуазного дипломата и предприимчивого дельца был преждевременным: из-за противодействия японских империалистов соглашение не было реализовано.

Тем не менее американский генеральный консул в Мукдене В. Стрейт развил активную деятельность. Он стал еще энергичнее домогаться от правителей Маньчжурии согласия на американские требования. Стрейт неоднократно вел переговоры с Тан Шао-и и другими высокопоставленными лицами правящей верхушки Трех восточных провинций².

Через некоторое время генеральный консул США получил от мукденского губернатора Тан Шао-и письменное обещание, что, в случае если понадобится внешний заем на «нужды» Маньчжурии, китайские власти обратятся прежде всего к американским капиталистам.

Тем самым был возобновлен план Гарримана о создании на американские средства банка для «оздоровления» денежной системы Китая и финансирования промышленности и железнодорожного строительства. Это был уже известный проект учреждения Банка Трех восточных провинций с капиталом в 20 млн. долл., который взял бы в свои руки денежное обращение, развитие сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности и лесного дела, а также инвестицию капиталов в железнодорожное дело в этом районе страны.

Китайское правительство со своей стороны соглашалось отдать эксплуатацию рудников в провинции Гири всецело в руки американских капиталистов. В настоящее время, писал русский представитель в Пекине Арсеньев летом 1908 г., между двумя правительствами идут усиленные переговоры о предоставлении Америке горнодобывающих концессий, а также о сооружении крейсеров и подводных лодок для будущего китайского флота³.

¹ *Zabriskie E. H.*, op. cit., p. 141.

² *Millard Th. F.*, op. cit., p. 261—273.

³ АВПР, Пекин, д. 129, Арсеньев — Чарыкову, 14 августа 1908 г.

Газета «Нью-Йорк геральд» и другие писали о том, что деловые и торгово-промышленные круги горячо поддерживают мероприятия американских официальных представителей в Китае.

Осуществление экономических акций и, в частности, заключение неравноправного соглашения с Китаем американская печать рассматривала в качестве средства противодействия политическим и экономическим домогательствам Японии, энергично проводившей политику «Азия для японцев».

Заручившись согласием Тан Шао-и по вопросу о будущем займе для «нужд» Маньчжурии, генеральный консул Стрейт в сентябре 1908 г. отправился в США для получения дополнительных инструкций¹.

Осенью 1908 г., еще до заключения соглашения Рут—Такахира, в Соединенные Штаты Америки приехал мукденский губернатор Тан Шао-и. Китайское правительство официально поручило Тан Шао-и выразить признательность Китая за отказ Соединенных Штатов Америки от части контрибуции, а также изучить финансовую и административную систему США.

Приехав в США, китайский представитель по пути в Вашингтон имел ряд бесед с финансовыми деятелями. Под руководством государственного департамента последовал ряд совещаний, на которых присутствовали Э. Гарриман, Я. Шифф, Отто Кун и др.² Казалось, все идет гладко и соглашение Стрейта с Тан Шао-и о займе на проведение реформы денежного обращения войдет в силу. Однако Тан Шао-и был вскоре отозван.

Отозвание китайского сановника из США было связано с падением Юань Ши-кая, инициатора возложенной на Тан Шао-и чрезвычайной миссии. Дело в том, что вскоре по приезде в США Тан Шао-и в Китае внезапно и почти одновременно умерли императрица Цы Си и император Гуан Сюй. Это нанесло серьезный удар планам американских империалистов, рассчитывавших добиться для себя выгодных условий с помощью Юань Ши-кая и его прямого ставленника Тан Шао-и.

После смерти Цы Си правящая партия во главе с Юань Ши-каем потеряла решающее влияние в китайском

¹ *Nearing S. and Freeman J., op. cit., p. 41.*

² *Ibid., p. 42.*

правительстве. Юань Ши-кай вынужден был уйти в отставку, что оказало отрицательное влияние на переговоры Тан Шао-и о предоставлении займа.

Переговоры о займе были прерваны, но американские правящие круги не оставляли мысли о финансовом закабалении Китая¹. Они продолжали вести упорную борьбу за «свою долю» участия в эксплуатации Китая «по силе, по капиталу».

Предоставление займов Китаю являлось весьма заманчивым для империалистических государств, так как займы были не только источником барышей, они позволяли подчинить себе внутреннюю и внешнюю политику страны. Финансовая помощь китайскому правительству являлась «для иностранных держав, — отмечал русский представитель в Пекине, — одним из главных проводников своих политических взглядов»².

Соединенные Штаты Америки не были единственными претендентами на первенствующую роль в финансовом закабалении Китайской империи. Правящие круги Англии, Франции и других держав также проявляли большую активность в деле предоставления кабальных займов.

Американские финансисты столкнулись с серьезной конкуренцией со стороны представителей других империалистических держав и особенно английских финансовых групп, пытавшихся перехватить у американских банкиров инициативу в деле предоставления займов Китаю.

Несмотря на предварительное соглашение Стрейт — Тан Шао-и, английские капиталисты добились того, что маньчжурские власти в начале 1908 г. вступили в переговоры с английским Гонконг-Шанхайским банком о займе в 10 млн. лан.

Англичанам удалось получить от правителя Маньчжурии Тан Шао-и обязательство (аналогичное полученному американцами), согласно которому власти маньчжурских провинций обещали по вопросу о займе иметь дело только с англичанами. Дальнейшие переговоры представителей английского банка привели к подписанию предваритель-

¹ *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 42.

² АВПР, Пекин, д. 130, Коростовец — Извольскому, 2 апреля 1909 г.

ного соглашения о займе в 10 млн. лан, из которых правителем Маньчжурии был получен крупный аванс¹.

Итак, Тан Шао-и выдал Стрейту и Гонконг-Шанхайскому банку одинаковые, взаимно друг друга исключаящие обязательства.

Однако американские империалисты и не думали отступить от своего плана участия в «оздоровлении» финансов Маньчжурии. Американский финансовый синдикат, образованный, как отмечалось, из крупных банков — дома Моргана, «Кун, Леб и К⁰», «Ферст нейшэнел банк», «Нейшэнел сити банк», направлял свою деятельность не только в отношении хугуанского займа, но и на создание Банка Трех восточных провинций.

Это американское объединение не было, однако, единственным претендентом на участие в экономическом закабалении Северо-Восточного Китая. Используя ряд обстоятельств, в том числе вмешательство английских финансистов в осуществление маньчжурского займа, другой синдикат американских банков («Баш и К⁰») добился в 1909 г. от китайского сановника Си Ляна обещания обратиться к этому синдикату за займом.

Удивляться этому факту не приходится, ибо в эпоху господства монополий капиталистические объединения одной страны вступают в бешеную конкуренцию между собой в погоне за получением высоких прибылей. В. И. Ленин указывал: «...тресты подрывают кредит конкурента через посредство банков (хозяева трестов суть хозяева банков: скупка акций)... тресты на известное время сбивают цены ниже себестоимости, тратя на это миллионы, чтобы разорить конкурента и *скупить* его предприятия, его источники сырья (рудники, землю и пр.)»².

Финансовая группа, возглавляемая Морганом и представленная в Китае Стрейтом — энергичным исполнителем директив Вашингтона, добилась в конце концов отстранения своих соперников (синдиката банков «Баш и К⁰»), так как американское правительство поддерживало в первую очередь моргановскую группу, которая с помощью Стрейта домогалась заключения «займа денежного обращения»³.

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Сазонову, 20 ноября 1910 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 32.

³ *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 43.

Поскольку правители Маньчжурии дали аналогичные обещания и американским капиталистам и английскому Гонконг-Шанхайскому банку, от которого уже получена была некоторая доля займа, между двумя могущественными финансовыми группами возникла острая конкурентная борьба. В результате энергичного нажима американского финансового объединения (поддержанного правительством США) победа осталась за ним. Английский банк от своего займа отказался, и маньчжурскому генерал-губернатору пришлось вернуть англичанам полученный аванс в 1200 тыс. лан¹.

При участии американского дипломатического представителя в Пекине² американским финансистам осенью 1909 г. удалось добиться подписания соглашения с сановником Си Ляном о займе в 10 млн. лан. Однако и этот заем не был реализован.

Настойчивые домогательства американских монополистов в отношении Китая вызвали тревогу у их серьезного соперника—японских капиталистов.

Еще в мае 1908 г. Япония заключила с Китаем соглашение об учреждении смешанной японо-китайской (фактически японской) комиссии для разработки и эксплуатации всего громадного массива Ялуцзянских лесов на китайской стороне Ялу³.

В августе 1909 г., предъявив ультимативное требование, Япония добилась от Китая согласия на выполнение соглашений (заключенных в 1905 г.) о перестройке Андунь-Мукденской узкоколейки на широкую колею и о продлении Чанчунь-Гиринской дороги до Хориона (Хуэйнина) на корейской границе⁴.

¹ Английские финансисты уступили место американским без особого энтузиазма. Эту уступку можно объяснить тем обстоятельством, что английское правительство не имело желания энергично поддерживать эту финансовую операцию английских капиталистов. С точки зрения Форин-оффиса было неразумно в то время быть инициатором в этом деле. Это могло вызвать подозрения у Японии и царской России. Для Англии было нежелательно обострять отношения и с США.

² АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Сазонову, 20 февраля 1910 г.

³ Agreement for a Chinese-Japanese Joint Stock Lumber Company for the Exploitation of the Yalu Timber, May 14, 1908; *MacMurray J. V. A.*, op. cit., p. 731—732.

⁴ Japan (South Manchuria Railway Company) and China. Detailed Agreement for the Kirin — Changchun Railway loan, August

4 сентября 1909 г. японское правительство, опираясь на армию¹ и громадный броненосный флот, решительными выступлениями добилось подписания соглашения с Китаем и по другим интересующим ее вопросам. Это соглашение² явилось наглядным подтверждением агрессивной политики Японии в отношении Китая и его соседей. Оно было направлено против домогательств США и других империалистических конкурентов Японии в отношении Южной Маньчжурии.

По статье 1 соглашения китайское правительство давало обязательство, что вопрос о сооружении Синьминтунь-Факумыньской железной дороги будет поставлен в зависимость от согласия Японии³.

Такая «необидная» для китайского правительства формулировка означала по существу запрещение строить указанную линию. Этому и добивалась японская дипломатия, так как Синьминтунь-Факумыньская дорога, строительство которой намечалось недалеко от Южно-Маньчжурской дороги и параллельно ей, явно конкурировала бы с последней. Анализируя содержание этой статьи японо-китайского соглашения, русский посол в Японии писал вскоре после его опубликования, что надежды Китая на пре-

18, 1909; Japan and China, Memorandum concerning the reconstruction of the Antung—Mukden Railway, August 19, 1909; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 785—790.

¹ Японские вооруженные силы под видом охранных войск были расположены близ линии Южно-Маньчжурской железной дороги (АВПР, Токио, д. 915, депеша Малевского-Малевица от 22 октября 1909 г.).

² АВПР, Токио, д. 915, депеша Малевского-Малевица от 22 октября 1909 г., см. японо-китайское соглашение: Japan and China, Agreement concerning mines and railways in Manchuria, September 4, 1909; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 790—798.

³ В связи с возникшими в японском правительстве сомнениями относительно позиции Великобритании (кабинет либералов) к японо-английскому союзу 1905 г. Грей в письме английскому послу в Токио (февраль 1908 г.), подтверждая полную лояльность Англии союзу, заявил, что Англия идет на уступки Японии в политических вопросах, а также отказывается от конкуренции с ЮМЖД (отказ от концессии на Синьминтунь-Факумыньскую железную дорогу).

Концессия на железную дорогу Синьминтунь—Факумынь была получена крупной британской фирмой «Паулинг и К⁰», но под нажимом Японии фирма вынуждена была отказаться от концессии. Избегая конфликта с Японией, английское правительство не поддержало своей фирмы. Позднее концессия фирмы «Паулинг и К⁰» была возобновлена в контакте с США (см. А. Гальперин, Англо-японский союз, стр. 266, 280).

доставление державам концессии для строительства Синьминтунь-Факумыньской магистрали иллюзорны и что «на согласие Японии Китай рассчитывать не должен»¹.

По статье 2 цинское правительство обязывалось причислить железнодорожную ветку Дашичао-Инкоу к Южно-Маньчжурской сети и продлить эту ветку до порта Инкоу.

По статье 3 Япония получила право разрабатывать фушуньские и янтайские копи, а в статье 4 указывалось, что Япония и Китай будут совместно эксплуатировать каменноугольные копи и вообще производить разработку минеральных богатств вдоль Аньдун-Мукденской железной дороги. Согласно этой статье Япония получила исключительное право разработки всех горнорудных богатств в Южной Маньчжурии, даже без указания границ².

Статья 5 касалась продолжения Аньдун-Мукденской железнодорожной линии до Мукдена.

В силу этого соглашения, учитывая также предшествующие ему японские акции в Китае, японский империализм получил широкую монополию на эксплуатацию природных богатств Маньчжурии, добился больших возможностей для приложения капитала.

Мероприятия Японии, значительно усиливая ее позиции в Северг-Восточном Китае, были направлены против «интересов» американских и других монополий в Китае, а также и против царской России. Новое соглашение находилось в противоречии «если не с буквой, то с духом нот... Рут—Такахира»³.

Известие о состоявшемся японо-китайском соглашении вызвало у американского правительства большое беспокойство за судьбу американской дальневосточной политики, за сохранение пресловутой доктрины «открытых дверей» в Китае. Вновь назначенный в Китай посланник США Крэн в личной беседе рассказывал русскому дипломатическому представителю Крупенскому, что государственный департамент был «сильно озабочен японо-китайским соглашением»⁴ и особенно теми статьями, которые

¹ АВПР, Токио, д. 915, депеша Малевского-Малевича от 22 октября 1909 г.

² Там же.

³ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 30 сентября (13 октября) 1909 г.

⁴ Там же.

касались фушуньских и янтайских копей и вообще разработки минеральных богатств вдоль Аньдун-Мукденской железной дороги.

Насколько соглашение от 4 сентября 1909 г. наносило серьезный удар американской дипломатии, видно из разговора того же Крэна с русским генеральным консулом в Сан-Франциско. Последний, встретив Крэна по пути его следования в Пекин, не упустил случая узнать, каково отношение государственного департамента к японо-китайскому соглашению. В дружеской беседе Крэн сообщил русскому консулу, что государственный департамент США считает положение вещей в Южной Маньчжурии все более осложняющимся вследствие активной деятельности там Японии¹.

Американские финансовые круги не могли, конечно, примириться с покушением Японии на их «священные» интересы в Китае. Буржуазная пресса принялась подробно обсуждать каждую статью японо-китайского соглашения, тщательно комментируя те выгоды, которые извлечет Япония, и тот явный ущерб, который в результате состоявшегося соглашения нанесен американскому капиталу.

Американская печать² расценивала этот шаг японского правительства как полное подчинение Южной Маньчжурии японскому господству и установление японской монополии на эксплуатацию природных богатств и строительство железных дорог в этой провинции. Газеты, отражавшие интересы тузов металлургической промышленности США, указывали, что соглашением об Аньдун-Мукденской железной дороге Япония получила исключительные права на эксплуатацию каменноугольных копей и других минеральных богатств Маньчжурии.

Авторитетная газета «Нью-Йорк геральд», проводившая и раньше усиленную агитацию о необходимости и важности широкого инвестирования американского капитала в Китае, «приглашала» правительство США выступить с категорическим протестом против японо-китайского соглашения.

¹ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 30 сентября (13 октября) 1909 г.

² АВПР, д. 138, приложения к донесению из Вашингтона за сентябрь — октябрь 1909 г.

Русская дипломатия, внимательно следившая за настроением правительственных кругов и общественного мнения США, отмечала, что вряд ли Соединенные Штаты легко примирятся «с исключительным преобладанием»¹ Японии в Южной Маньчжурии. Но вашингтонское правительство, хотя и крайне недовольное соглашением и вообще всей деятельностью Японии в Маньчжурии после русско-японской войны, не собиралось доводить дело до открытого разрыва с Японией и тем более поддерживать свой протест «материальной силой»².

Не имея поддержки со стороны европейских держав для противодействия японским захватам в Китае, правительство США не решалось открыто выступить с протестом, который «легко мог бы привести к крайнему обострению его отношений с токийским правительством»³.

В связи с этим интересно привести ответ Крэна русскому генеральному консулу в Сан-Франциско, подтверждающий мысль о том, что США не могли выступать с категорическим протестом, опасаясь вызвать военные осложнения. «На вопрос коллежского советника Рождественского: могли бы Соединенные Штаты физической силой защищать свою точку зрения, господин Крэн ответил, что об этом не может быть и речи»⁴.

Правительство Соединенных Штатов решило занять более сдержанную позицию, сглаживая возникшее с Японией осложнение, что нашло свое выражение в выступлении президента В. Тафта в Миннеаполисе на банкете, устроенном торгово-промышленными кругами США в честь японской делегации.

Отмечая растущее соперничество между обеими державами на деловом и коммерческом поприщах, Тафт заявил, что это соперничество выльется лишь в форму конкуренции между американцами и японцами. Заявление президента США показывало, что японо-китайское соглашение не повлечет со стороны Соединенных Штатов категорического протеста. Американцы, писал русский

¹ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 30 сентября (13 октября) 1909 г.

² АВПР, Манчестер, д. 138, Крупенский — Извольскому, 15 (28) сентября 1909 г.

³ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 14 (27) октября 1909 г.

⁴ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский — Извольскому, 30 сентября (13 октября) 1909 г.

дипломат Крупенский, готовы «всячески льстить и угождать японскому самолюбию, но отнюдь не расположены, однако, поступиться в пользу своих... друзей своими торговыми и экономическими интересами»¹.

Лишь два месяца спустя после заключения соглашения Японии с Китаем правительство США обратилось к обеим странам с запросом относительно той части соглашения, которая предусматривала разработку природных богатств вдоль Аньдун-Мукденской железной дороги.

Соединенные Штаты, как заявлял государственный секретарь Нокс 15 ноября 1909 г., предложили этим правительствам дать заверения в том, что они (Япония и Китай) не имеют в виду установления какой-либо монополии в этом районе, что японо-китайское соглашение не противоречит политике «открытых дверей»². Американское правительство уже получило, заявлял Нокс, от обоих правительств *официальные* заверения в том, что это опасение не имеет под собой почвы. В официальных ответах, говорил государственный секретарь, Япония и Китай заявили, что соглашение не преследует никакой цели, не соответствующей принципу «равных возможностей»³.

Оценивая официальное выступление государственного департамента, царский посол писал в Петербург: «Такое едва ли приятное для Соединенных Штатов решение было принято вследствие совершенного несоответствия американских вооруженных сил, в особенности армии, задаче активного сопротивления японским захватам на Дальнем Востоке, особенно ввиду продолжавшихся значительных вооружений Японии»⁴.

Соглашение Японии с Китаем углубило противоречия между Соединенными Штатами Америки и Японией. Несмотря на то, что США терпели неудачи в Маньчжурии, американский финансовый капитал, используя всевозможные пути и средства, продолжал добиваться участия в делах Северо-Восточного Китая, граничащего с богатейшими районами русского Дальнего Востока.

¹ АВПР, Манчестер, д. 138, Крупенский—Извольскому, 15 (28) сентября 1909 г.

² АВПР, Вашингтон, д. 138, л. 236—237, приложение к донесению от (дата не указана) ноября 1909 г.

³ Там же.

⁴ АВПР, Вашингтон, д. 138, Крупенский—Извольскому, 11 (24) декабря 1909 г.

Вскоре после русско-японской войны правительство Китая, недовольное агрессивными выступлениями Японии, решило действовать по правилу «вышибать клин клином». Оно начало в 1907 г. через посредство американского консула в Мукдене Стрейта искать участия американского капитала в железнодорожном строительстве в Маньчжурии.

Был намечен проект трансманьчжурской дороги Цзиньчжоу — Айгунь, которая соединяла два пункта: на севере — Айгунь на реке Амур (русская граница), на юге — Цзиньчжоу (с выходом в порт). Эта линия явилась бы серьезным конкурентом ЮМЖД и КВЖД. Проведение железной дороги от Айгуни до Цзиньчжоу, кроме большого стратегического значения, было очень выгодно в коммерческом и предпринимательском отношениях, так как дорогу предполагалось проложить по глухим и не разведанным в то время местам Северо-Восточного Китая.

Переговоры об осуществлении цзиньчжоу-айгуньского варианта велись под непосредственным руководством государственного департамента¹.

Американские финансисты привлекли к участию и осуществлению цзиньчжоу-айгуньского проекта английских капиталистов. Соглашение между американской банковской группой в составе «Морган и К^о», «Кун, Леб и К^о», «Ферст нейшэнел банк», «Нейшэнел сити банк» и английской фирмой «Паулинг и К^о» было подписано в октябре 1909 г.²

По этому соглашению не менее половины железнодорожных стройматериалов должно быть куплено в США (в США металлургия переживала кризис); в постройке дороги должны были участвовать американские инженеры. Помимо этого участие фирмы «Паулинг и К^о» в американской группе поглощало ее договор 1907 г. на сооружение Синьминтунь-Факумыньской дороги.

Как доносил русский представитель, английская строительная фирма «Паулинг и К^о» являлась «скорее

¹ *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 45—48.

² Great Britain (Pauling and Company), United States (American Group) and China, Preliminary agreement providing for the financing, construction and operation of the railway from Chinchou to Aigun, October 2, 1909; *MacMurray J. V. A.*, op. cit., p. 800—803.

приманкой»¹ в руках американских финансистов, чем свидетельством сотрудничества английских и американских капиталистов.

Привлекая английских капиталистов, Соединенные Штаты рассчитывали с помощью английского правительства ослабить противодействие этому проекту Японии и царской России и даже «заинтересовать» их в этом предприятии. Американский финансовый синдикат «заигрывал с нами (царской Россией. — П. С.), стараясь добиться соглашения на постройку Цзиньчжоу-Айгуньской дороги»².

Американские финансисты применяли при этом свое излюбленное средство — посулы. Японским дельцам они сулили участие в сооружении южной части железнодорожной линии. Царскому правительству они обещали участие в финансировании северной части дороги. На деле империалисты США не собирались с кем-либо делить свои успехи.

Добиваясь монопольного господства в этом стратегически важном районе посредством сооружения Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали, миллионеры и политики США вынашивали широкие планы вторжения в Китай, и, несомненно, мысль о постройке этой магистрали возникла отнюдь не из-за финансовых интересов, а «исключительно на почве политических соображений»³.

В октябре 1909 г. американская финансовая группа совместно с представителями английской фирмы «Паулинг и К^о» подписали предварительное Цзиньчжоу-Айгуньское соглашение с китайской администрацией (вице-королем Маньчжурии)⁴, а 21 января 1910 г. соглашение о концессии на Цзиньчжоу-Айгуньскую дорогу было утверждено имперским эдиктом.

Согласно окончательной договоренности⁵ американ-

¹ АВПР, Токио, д. 916, секретное донесение агента министерства финансов на имя посла в Токио от 18 марта 1910 г.

² Там же.

³ АВПР, Вашингтон, д. 132, Розен — Извольскому, 6 (19) июня 1910 г.

⁴ Это соглашение предусматривало, в частности, прямое обеспечение займа самой дорогой и эксплуатацию ее смешанным американо-английско-китайским обществом.

⁵ Memorandum of Agreement between the American Group and Pauling and Company, October 6, 1909; *MacMurray J. V. A.*, op. cit., p. 802—803.

ская финансовая группа должна была предоставить администрации Маньчжурии необходимую для сооружения дороги сумму денег с оплатой кредита из расчета не больше чем 5% годовых. Обеспечением займа служила железнодорожная магистраль, что фактически давало правящим кругам США основание полностью распоряжаться этой дорогой.

Несмотря на попытки американских дипломатов и представителей финансового капитала заинтересовать японских империалистов перспективой участия в строительстве южного отрезка проектируемой дороги, а царскую Россию — северного отрезка этой линии, соглашение о Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали было встречено вначале энергичным протестом обеих держав.

В этой железнодорожной концессии правящие круги Японии и царской России видели стратегическую угрозу их интересам в Китае. Оценивая положение в Китае после утверждения соглашения китайским правительством, английская газета «Таймс» в передовой статье писала: «В данном случае нельзя не сожалеть о поспешности Китая, утвердившего концессию на упомянутую железную дорогу за англо-американским синдикатом, не выждав пока Россия и Япония определенно выскажутся относительно этого вопроса»¹. Предупреждение органа Сити относилось в полной мере и к американским правящим кругам.

Закрывая соглашение с Китаем о предоставлении концессии на сооружение железной дороги, американские империалисты пытались не только игнорировать заинтересованность в этом вопросе японских и русских капиталистов, но и натравливали Японию и Россию друг на друга.

Провокационная политика США в конечном итоге не принесла выгоды американскому империализму: как в цзиньчжоу-айгуньском предприятии, так и в хугуанском займе успех был лишь временным. Но в тот момент США пытались этот успех использовать для еще большего наступления на Северо-Восточный Китай, что нашло выражение в плане государственного секретаря Нокса.

¹ «Times» № 39177; АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса».

§ 3. План «интернационализации» железных дорог Маньчжурии

Северо-Восточный Китай подобно магниту неудержимо привлекал империалистов США. Этот район в экономическом отношении был менее развит, чем другие районы Китая, а иностранное влияние здесь принадлежало конкурентам, которых американцы считали экономически слабее себя. Строительство и эксплуатация железнодорожных линий, разработка природных богатств — все это открывало перед американскими капиталистами огромные перспективы для получения сверхприбылей.

Экономический кризис 1907—1908 гг.¹ вынуждал монополистические объединения искать новые сферы для приложения капитала в колониальных и полуколониальных странах. Правительство В. Тафта делало все возможное, для того чтобы обеспечить новые источники прибылей отечественным капиталистам.

В целях осуществления экспансионистских планов на Дальнем Востоке руководящие круги США проводят обработку в соответствующем направлении общественного мнения своей страны. Американская печать во главе с «Нью-Йорк геральд», отражавшая стремления и чаяния капиталистов, заинтересованных в эксплуатации Китая, красочно рисовала выгоды для американцев от участия в предстоявшем широком железнодорожном строительстве и разработке природных богатств в Маньчжурии².

Несмотря на провал плана Э. Гарримана, рассчитанного на захват руководящих позиций в Северо-Восточ-

¹ Кризис разразился в США осенью 1907 г. Этот кризис был самым сильным по сравнению со всеми предшествующими. Действие его сказалось в первую очередь в угольной, сталелитейной и строительной отраслях.

Кризис 1907 г. охватил и финансы страны. Все банки фактически прекратили платежи. Большое количество их обанкротилось. Вместе с тем в период кризиса усилилось могущество некоторых финансовых королей, в частности Моргана. Кризис 1907 г., несмотря на его большую, чем прежде, глубину, сравнительно быстро прекратился. Уже в 1908 г. производство в основных отраслях экономики США достигло предкризисного уровня. Наступил новый подъем экономики, явившийся источником увеличения богатств американских капиталистов. В 1907 г. кризис переживали также Англия, Германия, Франция и другие страны.

² АВПР, Вашингтон, д. 138, приложение, Крупенский—Извольскому, 4 (17) августа 1909.

ном Китае, американский капитал развивал особую активность в Маньчжурии, где он старался использовать противоречия между империалистическими державами, чтобы натравить китайское правительство на своих конкурентов.

Провокационный характер американской дипломатии нашел свое выражение, в частности, в том, что американские представители подстрекали цинское правительство против царской России. В январе 1909 г. по американской инициативе китайское правительство вручило русскому посланнику в Пекине ноту с предложением «выкупить» КВЖД. Аналогичная нота была вручена и представителю Японии. Царское правительство, «в принципе» не отвергая этот вопрос, предложило, однако, отложить его осуществление до окончания строительства амурской железной дороги¹. (Строительство амурской железной дороги начато в 1908 г., закончено в 1916 г.)

В Петербурге считали нецелесообразным категорически отклонять сделанное предложение, так как, по мнению царской дипломатии, это могло бы усилить недружелюбное отношение пекинского правительства к царской России, и так достаточно явное после Портсмутского мира².

Предложение о возможности продажи Россией Китайской Восточной железной дороги подогревало надежды США взять в свои руки ЮМЖД и все железные дороги Маньчжурии. Американские империалисты считали, что, купив КВЖД, они смогут заставить японское правительство продать им Южно-Маньчжурскую железную дорогу.

Приобретение КВЖД, которая составляла бы часть задуманного плана кругосветной системы транспорта, являлось (со времени после окончания русско-японской войны) самой заветной мечтой американских капиталистов. Яков Шифф, директор компании «Кун, Леб и К^о», в которой руководящую роль играл Э. Гарриман, запросил японские власти, «не согласится ли Япония снова обсудить вопрос о продаже Южно-Маньчжурской железной дороги, ввиду того что США собираются купить у России Китайско-Восточную железную дорогу»³.

¹ См. Б. Романов, Россия в Маньчжурии, стр. 565—566.

² См. В. Аварин, Империализм в Маньчжурии, т. I, стр. 114—115.

³ См. Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 123.

В январе 1909 г. Я. Шифф получил от директора японского банка «Сейкин гинко» Такахаши ответ: «Япония не имеет намерения продавать Южно-Маньчжурскую дорогу и просит США в дальнейшем не проявлять активности в этом направлении»¹. Однако такой ответ не повлиял на дальнейшие мероприятия США в отношении Маньчжурии.

Примерно через год после обращения о продаже маньчжурских железных дорог последовало открытое выступление американского правительства с планом выкупа и «интернационализации» КВЖД и ЮМЖД.

Вопрос о железных дорогах Китая, в частности Северо-Восточного Китая, имел не только политическое и экономическое, но и важное стратегическое значение. Стремясь занять руководящую роль на железных дорогах, иностранные (в том числе американские) империалисты рассчитывали захватить линии «обороны» Китая и русского Дальнего Востока. Этим путем, помимо прочего, они надеялись обеспечить себе постоянную возможность сравнительно легко проникать в пределы Китая и России.

Оценивая положение в Маньчжурии к началу 1910 г., русский представитель Малевский-Малевич отмечал, что «интерес американцев» к маньчжурским делам все возрастает. Проводя политику «третьего радующегося», американские представители рисовали в невыгодном свете других иностранцев в Китае и, отмежевываясь от них, старались расположить к себе китайское общественное мнение. Пока же они усиленно скупали копи и земли в Маньчжурии и жаждали «приблизиться к железнодорожным предприятиям»² Северо-Восточного Китая, стратегическим артериям на азиатском материке.

Почти одновременно с американскими акциями в отношении хугуанского займа и в известной мере используя дипломатический успех в этом деле американское правительство выступило с предложением о «нейтрализации» и «интернационализации» железных дорог в Маньчжурии.

Истинная цель этого шага состояла в том, чтобы под видом «международного контроля» над Маньчжурией

¹ См. Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 123.

² АВПР, Токио, д. 916, секретная депеша Малевского-Малевича, от 4 (17) февраля 1910 г.

открыть американскому финансовому капиталу широкие пути к империалистическим захватам и грабежу Северо-Восточного Китая, к удушению демократического движения в стране и полному закабалению китайского народа. Новый план являлся идеологическим оружием в руках американского империализма для оправдания и прикрытия своей агрессивной политики. Ибо, как указывал В. И. Ленин, «империализм означает перерастание капиталом рамок национальных государств, он означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе»¹.

Итак, поскольку попытки американских капиталистов и, в частности, Э. Гарримана обосноваться в Маньчжурии оказались безуспешными, правительство США решило добиться того, что не удалось сделать Гарриману. На этот раз все мероприятия в отношении Маньчжурии взяло в свои руки американское правительство. Государственному департаменту поручалось вести это дело настойчиво и осторожно, с тем чтобы добиться, наконец, успеха в этом привлекательном и важном для американского империализма мероприятии.

Государственный секретарь Нокс 6 ноября 1909 г. обратился к Грею (первоначально только к нему одному) с меморандумом, содержащим альтернативный план. В первом варианте плана государственный департамент предлагал в целях обеспечения «действительного соблюдения суверенитета» Китая над Маньчжурией и проведения политики «открытых дверей» совместно выступить с предложением об «интернационализации» железных дорог в Маньчжурии, т. е. КВЖД и ЮМЖД.

Нокс выдвинул альтернативу: при невозможности осуществления вышеуказанного предложения из-за несогласия Японии и России оказать совместное дипломатическое давление для положительного разрешения вопроса о постройке железной дороги Цзиньчжоу — Айгунь. (Предварительное соглашение о сооружении Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали было за месяц до этого 2 октября 1909 г. заключено между американской банковской группой и английской фирмой «Паулинг и К^о» с вице-королем Маньчжурии.)

В меморандуме далее заявлялось: 1) заинтересованные державы предоставляют Китаю крупный междуна-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 371—372.

родный заем; 2) маньчжурские железные дороги ставятся под контроль специалистов и передаются в определенном порядке Китаю в собственность. С этой целью державы, желающие принять участие в займе, передают Китаю соответствующие фонды; 3) такой заем должен быть предоставлен на достаточно продолжительное время, чтобы обеспечить его погашение в установленный срок. При этом заем должен быть реализован на таких условиях, которые оказались бы заманчивыми и для банкиров и для держателей облигаций; 4) подданные держав, принимающие участие в займе, должны иметь право наблюдения за железнодорожной сетью в течение всего времени существования долга; правительства держав-кредиторов должны в течение этого времени пользоваться обычными привилегиями для своих подданных и своих товаров на равных основаниях¹.

Грей ответил на меморандум Нокса нотой, в которой говорилось о том, что общие принципы, положенные в основу американского предложения, «полностью соответствуют принципам» английского правительства «в той части, в коей они касаются соблюдения политики открытых дверей и равных коммерческих возможностей». По мнению Грея, они вполне приемлемы «для обеспечения Китаю полного контроля над Маньчжурией».

«Я, однако, полагаю, — указывалось в ноте, — что пока не завершены переговоры о хугуанском займе, казалось бы нежелательным рассматривать вопрос о новом международном займе для китайских железных дорог». Поэтому, как говорилось далее, английское правительство считало бы, что «для настоящего момента, по крайней мере, было бы целесообразнее *отложить рассмотрение первого вашего предложения*» (т. е. об «интернационализации» КВЖД и ЮМЖД. — П. С.).

Что касается альтернативного предложения, содержащегося в ноте государственного секретаря Нокса, то английская нота отмечала, что это предложение «основано на кооперации заинтересованных государств». Английское министерство иностранных дел предлагало далее «в качестве первого шага» для осуществления «желаемой цели», чтобы оба «наши правительства» совместно «попытались убедить» китайское правительство допустить к участию в проведении железной дороги

¹ «United States Relations with China...», p. 5—6.

Цзиньчжоу — Айгунь японцев и русских, как наиболее заинтересованных в этом деле. Вопрос о предоставлении Китаю средств для приобретения существующих железнодорожных линий, связанных с железной дорогой Цзиньчжоу — Айгунь, указывалось в ноте, может быть рассмотрен впоследствии¹.

Это заявление Грея показывало, что английская дипломатия относилась к предложению Соединенных Штатов отрицательно. Оно не могло быть расценено иначе, как отпор американским притязаниям в отношении «интернационализации» Маньчжурии.

Посол Англии в Петербурге в беседе с германским послом назвал проект Нокса «воздушным замком»². Немецкий посол в Токио доносил, что английский посол высказывается об этом плане весьма осторожно и сомневается, чтобы Англия согласилась оказать давление на Японию, как того хотят США³.

Секретарь Грея в беседе с германским послом в Лондоне выразил свое удивление по поводу предложенного Ноксом проекта. Он заявил послу, что по этому вопросу прежде всего следовало бы обеспечить согласие русского и японского правительств.

Однако отрицательное отношение Великобритании к проекту США нисколько не смутило американскую дипломатию. После получения английского ответа государственный департамент 14 декабря 1909 г. направил Японии, России, Франции и Германии меморандум, содержащий план Нокса.

План «нейтрализации» маньчжурских железных дорог был выдвинут вашингтонским правительством в то время, когда империалистические государства Европы и Америки готовились к разделу уже поделенного мира, когда в Европе появились признаки надвигающейся мировой империалистической схватки.

Интересно проследить обсуждение, которому подверглось американское предложение в дипломатических

¹ *Griswold A. W.*, op. cit., p. 154.

² Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalés an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, St. Petersburg, den 12. Januar 1910; «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1917», 32 Band, S. 75.

³ Der Botschafter in Tokio Freiherr Mumm von Schwarzenstein an das Auswärtige Amt, Tokio, den 2. Januar 1910; «Die Grosse Politik...», 32 Band, S. 72.

кругах заинтересованных держав, интересно потому, что оно раскрывает методы буржуазной и в первую очередь американской дипломатии.

Меморандум государственного секретаря от 14 декабря 1909 г. наиболее сочувственно был встречен в Германии.

Докладывая Вильгельму II, государственный канцлер Бетман-Гольвег следующим образом объяснял выгоды этого американского предложения для Германии: «Нам было бы желательно, чтобы Россия сильнее связала себя на Дальнем Востоке и создала бы более обширную площадку трения с Японией. Маньчжурия оказалась до настоящего времени непригодным полем в этом отношении. Напротив, Россия и Япония в маньчжурских делах были, скорее, солидарны».

Объяснив, почему происходит эта «солидарность» и высказав опасение, что такое отношение бывших врагов может привести Россию и Японию к полному согласию, Бетман-Гольвег продолжал: «Если же мы припомним, что Америка, а в особенности Англия, намерена энергично противодействовать их стремлениям в Маньчжурии, желание России и Японии идти вместе остынет». И далее германский канцлер утверждал, что «Америка в сугубой степени интересуется Маньчжурией».

Германская дипломатия считала, что необходимо и другие державы сильнее «заинтересовать» Маньчжурией, с тем чтобы не дать царской России и Японии возможности образовать окончательный союз на этой почве.

На докладе германского канцлера Вильгельм II написал: «Весьма приятно, совершенно согласен»¹. Вильгельм II лишь удивился «поддержке» этого проекта, направленного против Японии и России, союзницей этих стран — Англией. Но если Англия идет в этом вопросе против России и Японии, то Вильгельму остается только радоваться, что хотя бы за границами Европы будет показано всему миру единодушное выступление германо-англосаксонских стран. Однако инициативу в этом деле Вильгельм все же оставлял за Соединенными Штатами².

¹ Der Reichskanzler von Bethmann Hollweg an Kaiser Wilhelm II. Berlin, den 23. Dezember 1909, «Die Grosse Politik...», 32 B., S. 65.

² Там же.

В связи с таким решением германскому послу в Вашингтоне телеграфировали: «Сообщите американскому правительству, что мы совершенно согласны с выставленными принципами и охотно присоединяемся к возможным шагам для осуществления этих принципов»¹.

Полученная Бетман-Гольвегом от американского поверенного в делах в Берлине информация относительно позиции Великобритании не отвечала действительному ходу событий. Американский представитель в извращенном смысле информировал Бетман-Гольвега по поводу английского ответа на проект Нокса. В действительности ответ Англии по существу отвергал американское предложение. Свой отпор американскому предложению английский кабинет объяснял, как отмечалось, необходимостью подождать окончания переговоров о хугуанском займе и выяснить позиции Японии и царской России по этому вопросу.

Передовая статья органа английских банкиров «Times» в торгашеском тоне заявляла, что «как ни симпатично» предложение Нокса и «как ни идеальны принципы», изложенные в его циркулярной ноте, но проведение их в жизнь зависит исключительно от согласия двух заинтересованных держав. Поэтому «нельзя не обвинить руководителя внешней политики Штатов в неосторожной поспешности, коей он, не заручившись предварительным согласием Японии и России, теперь поставил и другие державы в неприятное положение и необходимость отказа»².

Французское правительство также отрицательно отнеслось к американскому предложению. Французская буржуазная пресса отмечала, что план американцев «весьма удачно придуман, но и трудно исполним»³. Если рассматривать американское предложение без «дипломатических драпировок», то станет ясно, что «США при помощи денег хотят забрать кое-что в Маньчжурии»⁴ и

¹ Der Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Freiherr von Schoen an den Botschafter in Washington Grafen von Bernstorff, Berlin, den 24. Dezember 1909, «Die Grosse Politik...», 32 B., S. 70; см. также *Аварин*, Империализм в Маньчжурии, т. I, стр. 116.

² «Times» № 39177; АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса».

³ «Temps» № 2702; АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса».

⁴ Там же.

подорвать преобладающее влияние Японии и царской России в этой китайской провинции.

Напомним, что Франция — союзница России и что Англия со своей стороны связана договорами с Японией, газета предупреждала Англию и Францию, чтобы они воздержались от каких-либо решительных действий, пока кабинеты Токио и Петербурга не придут к какому-либо соглашению по этому вопросу.

Смысл выступлений в печати был таков, что, исходя из своих политических интересов, английский и французский империализм не желал оказывать давления на Японию и царскую Россию. Американское правительство ставилось в известность, что Англия и Франция не будут воздействовать на Японию и царскую Россию. Но если последние будут согласны с американским предложением, то английские и французские капиталисты, конечно, не предоставят Маньчжурию Соединенным Штатам одним или в союзе с другими без их участия и, безусловно, присоединятся к американской империалистической акции в отношении Маньчжурии.

Вашингтонское правительство не могло не знать точки зрения русских деловых кругов относительно предложения Нокса. Русская буржуазия не только проявила к этому делу недоверчивость, она видела в нем явную угрозу своим капиталистическим интересам в Китае. Уже в декабре 1909 г. орган русских капиталистов «Голос правды», подробно обсуждая американское предложение, заявлял, что оно не имеет под собой ни нравственной, ни юридической почвы. «На предложение из Вашингтона мы должны смотреть, как на фразу: «Идите прочь из Маньчжурии»¹, — писала газета.

Американская дипломатия пыталась шантажом и угрозами заставить принять свои предложения: она заявляла французам и англичанам, что «Япония согласится на интернационализацию ЮМЖД», но если она все же не согласится, то «в таком случае выкурим Японию»². В отношении согласия России Вашингтон заявлял, что

¹ АВПР, д. 258, «Голос правды», 31 декабря 1909 г.

² Der Botschafter in Washington Graf von Bernstorff an das Auswärtige Amt, «Die Grosse Politik...», 32 B., S. 71.

«имеются уже признаки ее благожелательного отношения»¹.

Еще до открытого выступления государственного секретаря Нокса американские дипломаты пытались конфиденциально договориться сепаратно с царской Россией и Японией о принятии американского предложения. Американский представитель Рокхилл, посетивший МИД царской России в ноябре 1909 г., убеждал Извольского в «необходимости для России идти в маньчжурских делах рука об руку с Соединенными Штатами и сообщая с ними отстаивать независимость Китая и принцип «открытых дверей» против захватнической политики Японии, столь ярко выразившейся в последних японо-китайских соглашениях».

Когда американский представитель передал Извольскому предложение государственного секретаря Нокса о «нейтрализации» КВЖД и ЮМЖД, царский министр сделал следующее замечание о позиции Японии: «Япония, добившаяся при благосклонном участии Америки настоящего своего доминирующего положения в Южной Маньчжурии, конечно, уступит это положение лишь под сильнейшим давлением». Что касается России, то царский министр заметил, что «вряд ли Россия сможет получить все затраченные ею суммы и главное — нейтралитет маньчжурской сети вряд ли увеличит безопасность русской дальневосточной окраины. Япония, потеряв Маньчжурию под давлением, можно опасаться, будет искать компенсацию за счет России, и вряд ли сможет Россия рассчитывать в этом случае на активную помощь Северо-американских Соединенных Штатов или иной державы»².

Во время этого разговора Извольскому не был сообщено

¹ См. В. Аварин, Империализм в Маньчжурии, стр. 117. Такое мнение складывалось, по-видимому, на том основании, что в 1908 г. имели место неофициальные, поддерживаемые министром финансов Коковцовым переговоры царского финансового агента Виленкина с американским банкиром Я. Шиффом о выкупе маньчжурских дорог американским или интернациональным капиталом «для Китая». Однако в соответствии с директивой Коковцова: «Предоставить это дело естественному течению», переговоры велись не активно (см. Романов, Россия в Маньчжурии, стр. 563—565).

² АВПР, Японский стол, д. 206, л. 164; см. также «Международные отношения на Дальнем Востоке 1840—1949», изд. 2, Госполитиздат 1956, стр. 217.

щен альтернативный вариант Нокса о Цзиньчжоу-Айгуньской линии. Он не был сообщен царской России и позднее, когда проект Нокса был официально передан заинтересованным державам. В то время как этот вариант затрагивал в первую очередь интересы царской России и его реализация шла в ущерб интересам русских капиталистов, сооружение Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали по определенным расчетам было выгодно Японии. Ее участие в строительстве дороги, которая проходила бы через всю Северную Маньчжурию, представляло для японцев, несомненно, интерес, поскольку они давно добивались проникновения в этот район. «И Японии было сделано предложение принять участие в этом строительстве»¹.

Поведение американской дипломатии свидетельствовало о том, что в этом вопросе, как и в целом ряде других, правящие круги США совершенно недвусмысленно натравливали Россию и Японию друг на друга. Если царская Россия в ответ на предложение государственного департамента предпочла «усилить свой контакт с Японией, а не с США, то одной из важных причин этого было все то же опасение возможного повторного нападения Японии, чему Соединенные Штаты в свое время так энергично содействовали»².

Итак, вывод царского правительства был не в пользу американского предложения. Петербург первоначально дал уклончивый ответ: «Русское правительство должно сперва ближе присмотреться к плану»³. Однако самый разговор между американским послом в России Рокхиллом и министром иностранных дел Извольским должен был дать понять американцам, что Россия на их предложение об «интернационализации» маньчжурских железных дорог не согласится.

Во время беседы с Извольским по данному вопросу Рокхилл предупредил, что в случае отклонения плана «интернационализации» американское правительство приступит к постройке дороги, которая будет конкурировать

¹ «Международные отношения на Дальнем Востоке 1840—1949», стр. 217.

² Там же.

³ Der Botschafter in London Graf von Metternich an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg. London, den 10. Januar 1910; «Die Grosse Politik...», 32 B., S. 74.

с КВЖД, т. е. к строительству Цзиньчжоу-Айгуньской дороги. Извольский воспринял это как угрозу и «выразился при этом столь резко, что господин Рокхилл ответил, что если господин министр и в дальнейшем будет так разговаривать с ним, то в будущем он ограничится лишь письменными сношениями»¹.

Не намереваясь самостоятельно выступить с решительным и категорическим заявлением против предложения Соединенных Штатов Америки, царская Россия, однако, стремилась проводить политику защиты своих интересов на Дальнем Востоке. Выяснив позицию Японии в этом вопросе, русское правительство приходило к выводу, сформулированному на заседании Совета министров, о том, что «ликвидация создавшегося там положения может быть произведена только на выгодных для России условиях и что этому требованию предложение США не отвечает»².

В Петербурге, как и в Токио, были убеждены в том, что политика «интернационализации» и международного контроля в Маньчжурии в «действительности, как писал один американский буржуазный историк, представляет собой лишь прикрытие американского вторжения в Китай»³.

Японский империализм, выиграв войну с царской Россией при помощи США и Англии, теперь осторожно подготавливался противодействовать с помощью Англии и России осуществлению американских экспансионистских планов в Маньчжурии.

В середине декабря 1909 г. в Токио состоялась беседа Малевского-Малевича с бароном Гото о положении, создавшемся в результате выступления государственного департамента. На вопрос русского посла, какой исход из создавшегося положения видит барон Гото, «он мне ответил, что единственным средством устранения грозящей беды является совместное Японии и России давление на Китай».

¹ Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalés an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, St. Petersburg, den 4, Januar 1910; «Die Grosse Politik...», 32 B., S. 72.

² АВПР, Китайский стол, д. 1096, «Журнал Совета министров», 30 декабря 1909 г.

³ Beard Ch. A. and Beard M., The Rise of American Civilization, New York 1930, p. 499.

Правящие круги Японии отдавали себе отчет в том, что осуществление проекта государственного департамента приведет к подрыву господства Японии в Южной Маньчжурии и установлению в этом районе господства американского капитала. «Осуществление проекта Нокса, — заявлял барон Гото, — нанесет громадный ущерб не только экономическим интересам Японии... но и политическому преобладанию в Маньчжурии».

Японские капиталисты сознавали, что плоды побед, которых Япония добилась в результате русско-японской войны, будут отобраны американскими банкирами посредством финансовых операций. То, что Япония «приобрела» в Маньчжурии «кровью своих сынов и затратой миллиардов народных денег, — демагогически заявлял Гото, — англо-американские банкиры захотят получить при посредстве простых биржевых спекуляций»¹.

Японский империализм опасался, что в результате выступления американского правительства с планом «интернационализации» маньчжурский вопрос будет вынесен на арену международного соперничества между империалистическими государствами.

Русская дипломатия учитывала, что осуществление американского плана принесет большое поражение японскому империализму в Маньчжурии. «Нейтрализация Маньчжурской дороги и ее ветвей по американской схеме была бы настоящим политическим крахом Японии и нанесла бы интересам ее в Китае более тяжелый удар, чем тот, который нанесен ей был в 1895 г. после Симоносекского мира»².

Однако план установления господства американской финансовой олигархии в Маньчжурии был в конечном счете направлен и против Японии и против царской России. Реализация американского проекта лишила бы империалистов обеих стран всех выгод их положения в Северо-Восточном Китае. Именно поэтому Япония и царская Россия выступили совместно, оказав американскому проекту решительное сопротивление.

Проект японского ответа на меморандум государственного департамента был заранее сообщен русскому

¹ АВПР, Токио, д. 915, Малевский-Малевич — Извольскому, 17 декабря 1909 г.

² Там же.

министерству иностранных дел. Так же поступил Петербург, согласовав готовый документ с Токио¹.

В один и тот же день 8 (21) января 1910 г. ответы двух правительств с ведома и одобрения лондонского кабинета были направлены государственному департаменту Соединенных Штатов Америки. В официальном ответе на американское предложение Япония и Россия категорически заявили о своем отрицательном отношении к плану Нокса «нейтрализации» и «интернационализации» маньчжурских железных дорог.

Таким образом, единственный результат, достигнутый пресловутым американским предложением, которым «может похвастаться статс-секретарь Нокс, — писала лондонская газета «Таймс», — заключается в том, что оно заставило Японию и Россию войти в теснейший обмен мыслями относительно взаимных и общих интересов в Маньчжурии»². Совместными усилиями русской и японской дипломатии удалось сорвать план государственного секретаря США.

Выступив с широким планом «нейтрализации» маньчжурских железных дорог, а по существу американизации Северо-Восточного Китая, правительство США не было готово к тому, чтобы в случае решительного сопротивления этому проекту поддержать свой дипломатический ход более действенными средствами. В этой связи представляет интерес беседа, состоявшаяся между русским и американским послами в Японии еще до того, как был послан официальный ответ на американское предложение.

Малевский-Малевич писал по поводу того, как далеко пойдут США, отстаивая свое предложение: «На мой вопрос, что предпримет федеральное правительство, если японцы ответят отказом на предложение о выкупе Южно-Маньчжурской дороги, О'Брайен (американский представитель.—П. С.) ответил мне «nothing» и прибавил, что Америка, конечно, в таком случае будет поддерживать проект постройки Цзиньчжоу-Айгуньской линии»³.

¹ АВПР, Токио, д. 915. донесение Малевского-Малевича — Извольскому от 31 декабря 1909 г.

² «Times», № 39177; АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса».

³ АВПР, Токио, д. 915. донесение Малевского-Малевича — Извольскому от 31 декабря 1909 г.

Как уже отмечалось, второй вариант американского предложения относительно сооружения Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали был предусмотрен на случай провала более широкого плана «нейтрализации» маньчжурских железных дорог и установления «международного» контроля над ними. Иными словами, для американского правительства главным являлся план Нокса о «нейтрализации» маньчжурских железных дорог.

Русский посланник в Пекине Коростовец приходил к правильному выводу, заявляя, что цзиньчжоу-айгуньский проект был выдвинут «на случай предусмотренной неудачи более широкой комбинации»¹.

В отношении той части предложения Нокса, которая касалась цзиньчжоу-айгуньской железнодорожной концессии, Япония и Россия резервировали свой окончательный ответ.

Однако вскоре царское правительство заявило о том, что оно будет рассматривать соглашение с финансовым синдикатом о Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали как недружелюбный акт со стороны Китая и поэтому Россия требует, чтобы концессия не утверждалась без ее согласия².

Японское правительство первоначально поддержало русский демарш³, но быстро сманеврировало. Оно выразило принципиальное согласие на участие в концессии, предъявив свои условия: участие в финансировании и в поставке материалов, а главное — проведение соединительной ветки от новой линии к ЮМЖД.

Японский империализм не менее американского стремился занять монопольное господство в Маньчжурии с целью хищнической эксплуатации китайского народа. Участие в цзиньчжоу-айгуньском предприятии японский капитал хотел использовать в захватнических целях, для распространения своего господства на Северную Маньчжурию.

Уверенная в том, что Россия занимает и будет занимать отрицательную позицию по отношению к америка-

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Извольскому, 3 января 1910 г.

² АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Извольскому, 14 (27) января и 26 января (9 февраля) 1910 г.

³ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Извольскому, 25 января 1910 г.

скому предложению, Япония хотела всю ответственность за срыв этого предложения свалить на Петербург.

Таким образом, наиболее активным противником, с которым пришлось бы столкнуться американскому империализму, оказывалась царская Россия. Однако это обстоятельство нисколько не умаляло антагонизма между Америкой и Японией в Маньчжурии.

Выставляя на первый план значение дороги как исключительно торговой артерии, призванной якобы оживить деловую деятельность этого района, американская дипломатия старалась убедить противников этого варианта, прежде всего русскую сторону.

Уже 25 января 1910 г. Коростовец сообщал из Пекина о беседе с американским поверенным в делах Флетчером. Последний заявил, что правительство США не намерено предпринимать шаги к заключению займа для Цзиньчжоу-айгуньского предприятия. Однако правительство Соединенных Штатов желало бы выяснить окончательную позицию русского правительства по поводу второй части меморандума Нокса, хотело бы знать, является ли Россия принципиальным противником проведения Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали или же готова допустить сооружение этой дороги на определенных условиях.

«Возражения русских являются отчасти справедливыми в отношении северного участка дороги, южный же представляет для русских совершенно второстепенное значение», — заявляли официальные лица США. Между тем, как объясняли эти лица, постройку имелось в виду начать именно с южного конца, от Цзиньчжоуфу, с таким расчетом, чтобы дойти до Цицикара не раньше как через 4 года. «Когда линия дойдет до Китайской Восточной железной дороги, — заявил Флетчер, — русские всегда будут иметь возможность помешать ее пересечению и продолжению на север, что может быть оговорено теперь же». Противясь проекту дороги вообще, русские «сыграют лишь на руку Японии», Япония же, согласившись в принципе, «постарается свалить обвинения в obstructионизме в глазах заинтересованных держав на Россию», — заявлял Флетчер¹.

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Извольскому, 25 января 1910 г.

Угроза быть обвиненной в обструкционизме несколько не подействовала на царскую дипломатию, которая правильно оценила отношение европейских держав к американскому предложению в тот момент, когда велись уже переговоры о новом русско-японском политическом соглашении.

Дальнейшее противодействие царского правительства в вопросе о строительстве Цзиньчжоу-Айгуньской дороги выразилось в русском контрпредложении заменить проект Цзиньчжоу-Айгуньской линии планом Калган-Кяхтинской железной дороги с соединительной веткой до Сибирской магистрали. Царская Россия ставила обязательное условие, чтобы в строительстве дороги от Урги до Кяхты принимали участие только русские капиталисты. Япония выразила готовность поддержать русское контрпредложение, заявив при этом, что сохраняет уже высказанный ею взгляд на Цзиньчжоу-Айгуньскую линию, т. е., если проект последней не будет оставлен, Япония не будет против него возражать и примет участие в его осуществлении¹.

Контрпроект царской России был официально поддержан французским правительством и не вызвал возражений со стороны Великобритании.

В апреле 1910 г. государственный департамент еще раз повторил попытку осуществить проект Цзиньчжоу-Айгуньской дороги, выразив готовность согласиться на контрпроект царского правительства. Но и этот шаг Вашингтонского правительства, как и все предыдущие, не имел успеха. Наоборот, он привел лишь к результатам, не желательным для американской политики на Дальнем Востоке, — к русско-японским переговорам о заключении политической конвенции.

Летом 1910 г. царское правительство заявило правительству США, что оно никоим образом не позволит, чтобы намечавшаяся железная дорога пересекла Китайскую Восточную железную дорогу. «Императорское правительство никогда не даст своего согласия на осуществление проекта Цзиньчжоу-Айгуньской дороги в том виде, как он предложен синдикатом»².

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Извольскому, 25 января 1910 г.

² АВПР, Манчестер, д. 132, Розен—Извольскому, 20 июля (2 августа) 1910 г.

В донесении от 20 июля (2 августа) 1910 г. Розен сообщал своему правительству, что финансовая группа, стоящая за Стрейтом, совершенно охладела к этому предложению. Американский посланник в Пекине Кальхун в беседе с русским представителем заявил, что «дело это было возбуждено не совсем удачно», что синдикат, опираясь на поддержку американской миссии и создавая себе «ловкой организацией местной прессы» широкую рекламу, слишком верил в свои силы и «совершенно не учитывал возможность и действительность оппозиции... Главная цель г. Стрейта, — говорил Кальхун, — создать «Fait accompli», т. е. получить концессию, и уже после этого вступить в переговоры»¹.

Таким образом, даже по словам американского посланника, выходило, что американский план «нейтрализации» маньчжурских дорог и сооружения Цзиньчжоу-Айгуньской магистрали был в сущности нереальным, этот план был выдвинут в расчете на шантаж и авантюристический прием — не дать противникам времени на размышление. Чтобы привлечь на свою сторону Японию и Россию, США объявили еще в декабре 1909 г., что согласие Англии, Франции и Германии уже получено. Чтобы привлечь Англию, Францию и Германию к активному участию в осуществлении американских планов, государственный департамент заявлял, что Япония и Россия дадут свое согласие на участие в этом деле.

Руководители внешней политики США демагогически утверждали, что они имеют в виду «нейтрализацию» Маньчжурии под контролем держав, что создало бы буфер между Россией и Японией. Этот буфер, по их словам, в будущем устранил бы возможность конфликта между этими двумя державами на почве маньчжурского вопроса.

Лозунгом «свободы», равного участия в «коммерческих» делах и эксплуатации маньчжурских железных дорог вашингтонское правительство старалось привлечь симпатии американского народа к своим агрессивным планам. Это давало ему возможность в случае неудачи сказать, что благие намерения правительства не поддерживаются другими державами, и позволяло обвинить

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Щекин — Сазонову, 9 апреля 1910 г.

Японию в честолюбивых замыслах и агрессивных действиях на Дальнем Востоке, мешающих американцам проводить «коммерческие» дела в Китае.

Не случайно американская буржуазная печать, вдохновляемая государственным департаментом, начала новую кампанию по обработке общественного мнения «в пользу» возможного конфликта и даже войны с Японией. Еще с момента подготовки проекта «нейтрализации» маньчжурских железных дорог американские газеты, особенно «Нью-Йорк геральд»¹, стали усердно описывать выгоды для американских капиталистов от участия в предстоящем широком железнодорожном строительстве. Проект обсуждался в газетах сочувственно, как продолжение и дальнейшее развитие американской дальневосточной политики, доктрины Хэя «открытых дверей» и принципа «равных возможностей». При этом заявлялось, что Англия и Германия согласны с выдвинутым предложением и оно будет принято другими державами.

Отказ Японии от американского предложения «интернационализации» Северо-Восточного Китая вызвал глубокое возмущение у миллионеров и миллиардеров США. Во влиятельной американской газете «Нью-Йорк таймс» была помещена статья главы банкирского дома «Кун, Леб и К^о» — Якова Шиффа относительно японо-американских отношений на Дальнем Востоке. Автор напоминал, что американские банкиры помогли финансировать Японию во время минувшей войны. После того, заявлял Я. Шифф, как «американский народ и глава исполнительной власти» сделали все возможное, чтобы положить конец войне, «американский народ немного озадачен и разочарован» японским поведением в Маньчжурии, политикой, явно вредной для американских коммерческих интересов. Яков Шифф заверял, что он, как друг Японии, предсказывает великую войну в ближайшем будущем, причем опасность будет заключаться в японской победе².

¹ АВПР, Вашингтон, д. 138, донесение Крупенского—Сазонову от 4 (17) августа 1909 г.

² «New York Times», March 9, 1910; АВПР, Вашингтон, д. 132, приложение к донесению Розена—Извольскому от 24 февраля (9 марта) 1910 г.

В это же время палата представителей и сенат Соединенных Штатов вотировали кредит в 6 млн. долл. для укрепления Филиппин. Во время обсуждения законопроекта некоторые сенаторы заявляли о необходимости укрепить Гавайские острова «ввиду возможного столкновения с Японией».

В Японии в связи с выступлением США также раздувались милитаристические настроения. Газета «Майнити демпо» 8 февраля 1910 г. писала, что «Япония вполне искренне помогает развитию Маньчжурии и может положить предел грабительской экономической политике Америки в этой стране». В газете «Осака Асахи» 21 февраля 1910 г. заявлялось, что антияпонское движение в США настолько усилилось, что приняло международный характер, и, наконец, стало угрозой миру.

Газета «Нити-Нити» заявляла, что вопрос о «нейтрализации» железных дорог в Маньчжурии исчерпан, но на очереди остается в Маньчжурии еще много вопросов, имеющих международный характер и касающихся главным образом постройки новых железнодорожных линий по направлению к Монголии, разработки рудников, развития торговли и промышленности. Маньчжурия поэтому легко может сыграть роль Балканского полуострова, писала газета, и Японии всегда следует иметь в виду, что она во всякий момент может оказаться лицом к лицу с вопросом, подобным тому, какой недавно был поднят Америкой.

Относительно цзиньчжоу-айгуньского проекта газета «Асахи» замечала: «Странно, что Америка выбрала для своей дороги глухие и пустынные места в то время, когда в Китае имеется еще много богатых и многолюдных местностей, нуждающихся в железнодорожных путях. Если принять во внимание, что вопрос о цзиньчжоу-айгуньском предприятии возник наряду с предложением о нейтрализации всех маньчжурских железных дорог, то легко понять, к чему стремится Америка.

Китай, — продолжала газета, — приглашает разные государства к себе и надеется путем соперничества между ними сохранить в целостности свою территорию, он глубоко ошибается и достигает как раз обратных результатов».

Такие выступления в прессе, происходившие по наущению правительственных кругов, дали основание японским империалистам вновь возбудить вопрос об увеличении военных ассигнований. На заседании 26-й сессии парламента были сделаны запросы о программе морских сооружений и высказывались опасения, что к моменту открытия Панамского канала численность морских боевых единиц Японии будет в 3 раза меньше по сравнению с американским флотом. Говорилось также, что Соединенные Штаты строят в год по два дредноута, а Япония — лишь по одному в два года¹.

Итак, планы американских правящих кругов занять руководящее положение в Северо-Восточном Китае посредством дипломатических и финансовых комбинаций окончились провалом в результате острых противоречий между империалистическими державами — участниками по грабежу Китая.

§ 4. США и деятельность Международного банковского консорциума в Китае

В условиях, когда китайский народ поднимался на решительную борьбу против феодализма и империализма, американская буржуазия отнюдь не отказалась от своих экспансионистских планов в отношении Китая. Наоборот, перед лицом революционного кризиса в стране она предпринимала новые энергичные меры для усиления своих позиций и в первую очередь для закрепления в Северо-Восточном Китае.

Потерпев неудачу с выдвинутым государственным секретарем Ноксом проектом выкупа маньчжурских железных дорог, американские монополии пытались достигнуть той же цели путем использования возникшего в то время в Китае Международного банковского консорциума, в который, в результате настойчивых усилий США, была включена американская финансовая группа во главе с моргановским банком.

Соглашение между четырьмя банковскими группами (Англи, Франции, Германии и США) о совместных

¹ АВПР, Токио, д. 916, приложение к донесению Малевского-Малевича — Извольскому от 16 (23) февраля 1910 г.

действиях и участии в иностранных займах для Китая было оформлено в Париже 23 мая 1910 года¹.

Британская, германская, французская и американская группы банков соглашались заключить контракт с китайским правительством о предоставлении займа на строительство Хугуанских железных дорог. По четвертому соглашению этот заем делился поровну между членами консорциума и должен был выпускаться одновременно. Все заказы на материалы также делились равными долями между четырьмя группами банков — участников консорциума².

Спустя полгода на базе парижского решения состоялось новое соглашение в Лондоне (10 ноября 1910 г.) между французской, английской, немецкой и американской группами банков о совместном предоставлении Китаю всех займов и ссуд на железнодорожное строительство³. Тем самым четверной банковский консорциум, этот мощный финансовый международный синдикат, недвусмысленно заявлял о своем стремлении монополизировать все дело иностранного финансирования Китая.

Финансовые группы четырех держав договорились (пункт 10 Лондонского соглашения) о том, что все предложения по части железнодорожных займов могут делаться китайским властям на условиях, которые содержат в себе следующий минимум иностранного контроля:

а) назначение главного инженера на дороге кредиторами или с их одобрения;

б) фонды, полученные от займа, пока они непосредственно не потребуются для постройки, должны находиться под контролем кредиторов;

в) ведение отчетности производится и финансовый контроль осуществляется иностранным главным бухгалтером, утверждаемым кредиторами⁴.

Выработанная банковским консорциумом программа действий не оставляла сомнений в том, что речь шла о финансовом и экономическом закабалении Китая

¹ Bemis S. F., A Diplomatic History of the United States, New York 1946, p. 498.

² Inter-Bank Railway Agreement among American, British, French and German Banks. May 23, 1910; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 886—887.

³ Agreement concerning loans for railway purposes, November 10, 1910; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 828—832.

⁴ Ibid., p. 830.

путем предоставления ему железнодорожных займов. Это являлось сговором империалистических сил США, Великобритании, Франции и Германии против китайского народа, поднимавшегося на революционную борьбу. Действия консорциума также были направлены на то, чтобы устранить конкуренцию других держав — Японии и царской России, что позволяло бы консорциуму диктовать свои условия правительству Китая.

Поскольку в тот момент четверной банковский консорциум еще не заключил с цинским правительством соглашения о предоставлении займа на какие-либо конкретные цели, то американская финансовая группа при активной поддержке правительства США пыталась сосредоточить деятельность консорциума прежде всего в Маньчжурии, чтобы таким путем, выступая от имени консорциума, осуществить свои давнишние замыслы в отношении трех восточных провинций Китая.

Настойчиво добиваясь проникновения в Северо-Восточный Китай, представители американского империализма одновременно с мероприятиями по вхождению в Международный банковский консорциум действовали и по линии непосредственных переговоров с представителями маньчжурских правящих кругов.

В начале 1910 г., во время пребывания в Соединенных Штатах Америки китайского сановника князя Цзай Сюня, представители цинской династии заговорили о займе для проведения в Китае денежной реформы. Американские финансовые магнаты ухватились за это предложение и со своей стороны рекомендовали провести в Китае в первую очередь финансовые преобразования. Для проведения финансовых реформ американцы рекомендовали своего финансового советника.

После возвращения князя Цзай Сюня в Пекин одновременно с переговорами о маньчжурском займе начались также при активном участии дипломатии США домогательства американских финансовых кругов о предоставлении китайскому правительству займа на общегосударственные нужды страны.

«Зная об интересе США к денежной реформе в Китае, — писал В. Тафт в новогоднем послании конгрессу в 1911 г., — императорское китайское правительство осенью 1910 г. договорилось о том, чтобы американское правительство оказало помощь в получении денежных

фондов, с помощью которых китайское правительство намеревается выполнить эту важную реформу. В ходе переговоров предложенный заем для денежной реформы был объединен с другим займом — на промышленные мероприятия в Маньчжурии. Оба эти займа, — отмечал президент, — составляют общую сумму в 50 млн. долл.»¹

По инициативе американской банковской группы во главе с Морганом, поддерживаемой американским правительством, 27 октября 1910 г., за несколько дней до подписания соглашения с английскими, французскими, немецкими и американскими банками (это соглашение состоялось 10 ноября 1910 г.), было подписано предварительное соглашение о займе в 50 млн. долл. «для облегчения некоторых изменений в имперских и маньчжурских финансах и для развития некоторых промышленных предприятий в Маньчжурии»². Немедленно после подписания предварительного соглашения Стрейту, уполномоченному от американской банковской группы, находившемуся в то время в Лондоне, было дано указание поставить в известность других членов банковского консорциума об американо-китайском контракте.

Банковские группы Англии, Франции и Германии узнав об этом соглашении, заявили протест. Они потребовали, так же как это сделали в свое время американские банкиры в связи с образованием консорциума, участия в китайском займе на одинаковых условиях.

Следует подчеркнуть, что «инициатива предоставления» денежных средств для развития некоторых промышленных предприятий в Маньчжурии, как отмечал Тафт, «целиком принадлежала американцам»³. Руководящие деятели США намеревались таким путем подойти к выполнению плана «интернационализации» Маньчжурии. Преследуя в первую очередь эту цель, американские империалисты рассчитывали использовать представителей других стран — участников Международного банковского консорциума.

«Если китайцы не согласятся на участие в этой операции иностранных банков, то заем все-таки состоится, —

¹ «U. S. Foreign Relations», 1911, p. XVII.

² Preliminary Agreement for Currency Reform and Industrial Development Loan, October 27, 1910; *McMurray J. V. A.*, op. cit., p. 851—852.

³ «U. S. Foreign Relations», 1911, p. XVIII.

говорил Стрейт в личной беседе с русским представителем, — так как Америка считает себя связанной по отношению к Китаю. В таком случае сделка уже будет носить характер чисто американской финансовой операции»¹.

Пойдя на привлечение к этому предприятию английских, французских и германских финансистов, американские финансовые круги преследовали цель уменьшить сопротивление со стороны Японии, справедливо отмечает Лю Да-нянь. Американским империалистам необходимо было привлечь к участию в этом плане большое количество стран и найти способ, как сделать Международный банковский консорциум средством нового наступления США на Китай и в первую очередь на Северо-Восточный Китай².

В результате длительных переговоров США с другими участниками банковского консорциума (Англией, Германией, Францией) предварительный американо-китайский контракт о займе в 50 млн. золотых долларов был передан банковскому консорциуму.

Нельзя не согласиться с мнением авторов книги «Международные отношения на Дальнем Востоке» о том, что передача в банковский консорциум предварительного соглашения американской финансовой группы с императорским правительством Китая «с первых же шагов придала деятельности консорциума определенную направленность, соответствующую интересам американской дипломатии. На этот раз государственный департамент США действовал, несомненно, с большими шансами на успех, чем в сепаратном выступлении Нокса, поскольку на стороне госдепартамента оказалось мощное объединение банков четырех держав»³.

Привлечение участников Международного банковского консорциума для осуществления своих империалистических планов в отношении Северо-Восточного Китая было несомненным успехом правящих кругов США.

В результате отмеченных комбинаций американским империалистам удалось повернуть деятельность банковского консорциума в нужном для себя направлении с

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Сазонову, 20 ноября 1910 г.

² См. Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 134.

³ «Международные отношения на Дальнем Востоке 1840—1949», стр. 219.

целью проникновения в Маньчжурию и тем самым использовать консорциум против интересов Японии и царской России.

Что касается китайской правящей верхушки, то последняя, чувствуя приближение своей гибели, готова была, не считаясь с национальными интересами Китая, пойти на любые условия ради получения крупных денежных средств от банковского консорциума, рассчитывая использовать его финансовую мощь для укрепления своей власти.

Действительно, меньше чем через полгода после подписания предварительного американо-китайского контракта, четверной банковский консорциум заключил 15 апреля 1911 г. новое соглашение с императорским китайским правительством¹, основанное на программе Лондонского соглашения от 10 ноября 1910 г. и американо-китайском контракте от 27 октября 1910 г.

Соглашение между банковским консорциумом и императорским китайским правительством, состоявшее из 21 статьи, предусматривало выпуск 5-процентного займа для реформы и унификации денежного обращения в Китае и для развития некоторых промышленных предприятий в Маньчжурии на общую сумму 10 млн. ф. ст. на кабальных условиях².

Консорциум вносил Китаю немедленно только 1 млн. ф. ст., второй миллион выплачивался после одобрения представителями четырех держав, капиталисты которых входили в состав консорциума, программы расходования Китаем выручки займа; остальные же 8 млн. должны были быть внесены не ранее октября 1911 г. Около 70% указанной выручки предназначалось на денежную реформу, 30% определялось на «нужды» Маньчжурии.

Императорское китайское правительство гарантировало оплату займа следующими доходами:

- а) пошлины на табак и вино в трех маньчжурских провинциях, общей суммой 1 млн. купин. таэлей;
- б) производственный налог в трех маньчжурских провинциях в сумме 700 тыс. купин. таэлей;
- в) торговый налог в Трех восточных провинциях Маньчжурии, общей суммой 800 тыс. купин. таэлей;

¹ *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 49.

² *Chinese Currency Reform and Industrial Development Loan Agreement*, April 15, 1911, *MacMurray J. V. A.*, op. cit., p. 841—849.

г) вновь введенный во всех провинциях Китая налог на соль (утвержден имперским эдиктом) суммой 2500 млн. купин. таэлей¹.

Указанные источники получения денежных средств должны быть освобождены, говорилось в соглашении, от обязательств, которые вытекали из других займов и соглашений. Если же названные источники оказались бы недостаточными, чтобы возместить в нужные сроки платежи, связанные с настоящим займом, то китайское правительство было обязано предоставить недостававшую для оплаты сумму из других источников, в первую очередь из средств Маньчжурии. В соглашении прямо указывалось, что если китайское правительство в должный срок не выплатит Международному консорциуму банков причитающиеся по займу суммы, то отмеченные выше источники доходов будут поставлены под административный надзор императорской морской таможни, находившейся в то время целиком в руках иностранцев.

Как видно из документа, речь шла о том, чтобы за финансовые комбинации, проводимые банковским консорциумом, расплачивался китайский народ.

Агрессивные замыслы американских империалистов в отношении Маньчжурии наиболее четко были сформулированы в статье 16 соглашения. В ней указывалось, что если императорское правительство Китая «пожелает» дополнительно пригласить иностранных представителей принять участие в «развитии промышленности» Маньчжурии, то оно должно в первую очередь «пригласить» Международный банковский консорциум. Таким образом, за Международным консорциумом банков закреплялось преимущественное право на все финансовые операции, связанные с предприятиями Маньчжурии.

Эта статья вскрывала политическую направленность и цели консорциума и его глазного участника — США. Цинское правительство безропотно предоставило США

¹ Соотношение денежных единиц в то время ориентировочно составляло:

1 ф. ст.	кит.	долл.	8,19
1 ам. долл.	»	»	1,85
1 франк	»	»	0,0961
1 иена	»	»	0,769
1 купин. таэль	»	»	1,50
1 шанхайский таэль	»	»	1,35

и всему банковскому консорциуму право проведения всех будущих финансовых операций в отношении Маньчжурии.

Американская буржуазия с необычайной поспешностью стремилась использовать возможности, открывавшиеся для нее соглашением от 15 апреля. Уже 6 мая 1911 г. в соответствии со статьей 8 этого соглашения и по инициативе американской банковской группы был подписан дополнительный контракт между банковским консорциумом и Китаем о предоставлении Китаю 400 тыс. ф. ст. в счет первого аванса в 1 млн. ф. ст. на «нужды» Маньчжурии¹.

Это еще раз подчеркивало руководящую роль США в деятельности консорциума, направленной на осуществление заветной мечты американского империализма — на захват Маньчжурии.

Соглашением о займе Международный банковский консорциум втайне от китайского народа совершил крупную сделку для создания объединенного аппарата по осуществлению длительной агрессии США, Англии, Франции и Германии в Китае².

Кабальный заем (по соглашению от 15 апреля 1911 г.) сроком на 45 лет, предоставлявший консорциуму и в первую очередь американской буржуазии широкие права и привилегии, ложился тяжелым бременем на плечи китайского народа. Он был направлен в конечном счете против поднимавшегося революционного движения китайского народа.

Инициатива и руководящая роль в этом грабительском деле принадлежали американскому империализму. Об этом хвастливо заявил конгрессу США президент В. Тафт: «Американское правительство, желая подчеркнуть свое благосклонное отношение и обеспечить практическое сотрудничество в деле сохранения принципа равных возможностей и административной целостности Китая, призвало китайское правительство дать разрешение на участие в этом займе, предназначенном для денежной реформы и развития некоторых промышленных предпри-

¹ The Chinese Board of Finance to the Bankers, May 6, 1911; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 850; см. также «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 57, 81.

² См. Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 139.

ятий в Маньчжурии, партнерам (коллегам) американской группы по хугуанскому займу»¹.

Президент В. Тафт агрессивные действия американского империализма прикрывал лицемерными ссылками на «благосклонное» отношение США к Китаю, исходя из того, что американский принцип «равных возможностей и административной целостности Китая» служит интересам Китая.

Колониальный характер соглашения Китая с Международным банковским консорциумом от 15 апреля 1911 г. вытекал не только из буквы этого документа. Ссужая деньги Китаю для определенных целей, американская буржуазия истребовала для себя и определенных гарантий, а это на языке колонизаторов означало назначение советника при китайском правительстве по финансовым вопросам, который фактически осуществлял бы контроль за деятельностью правительства. Об этом также поспешил заявить президент Тафт: «Когда начались переговоры о займе денежного обращения было ясно, что Китай должен будет пригласить на службу финансового советника»².

Вашингтонский кабинет считал, что раз США взяли на себя инициативу заключения займа, то они должны также играть первую роль в назначении советника при китайском правительстве.

Однако, учитывая революционную обстановку в стране, американские империалисты предпочли не выступать открыто, как это в других случаях делали их английские и французские коллеги по колониальному грабежу. Правительство США предложило назначить «нейтрального советника»³, с чем согласились другие правительства (члены банковского консорциума) и цинское правительство Пекина.

В Вашингтоне стремились нажать политический капитал и на этом предложении. Тафт демагогически заявил, что назначение «нейтрального советника» необходимо было для того, «чтобы абсолютное равенство во всех отношениях среди стран—участниц банковского консорциума скрупулезно выполнялось»⁴.

¹ «U. S. Foreign Relations», 1911, p. XVIII.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

На пост советника по финансовым вопросам США по договоренности с другими державами «рекомендовали» цинскому правительству президента яванского банка, принадлежавшего голландским капиталистам, «финансиста с большим опытом работы на Востоке»¹ — Висиринга.

Итак, «долларовая дипломатия», несомненно, одержала крупный успех. Государственному департаменту удалось провести не только финансовую акцию, которая была предусмотрена в провалившемся проекте Нокса. Кажется, что США удалось также решить одну из главных задач дальневосточной политики — закрепиться в Маньчжурии, сделать важный вклад в осуществление идеи о создании мировой тихоокеанской империи во главе с США. Если бы американскому империализму удалось довести до конца эту акцию, то Маньчжурия превратилась бы в своего рода протекторат под руководством Соединенных Штатов Америки.

Однако «заем денежного обращения» в Китае не был осуществлен. Этому помешали, с одной стороны, как правильно отмечается в американских публикациях документов государственного департамента, революционные события в Китае², а с другой стороны, действия царской России и Японии, выступивших решительно против финансовой операции четверного банковского консорциума во главе с США.

Соглашение от 15 апреля хранилось втайне от правительства Японии и царской России. Однако правительствам этих стран удалось в скором времени после подписания этого контракта узнать важные положения этого документа. Так, уже 22 апреля в беседе с японским послом в Петербурге Мотоно временно управляющий министерством иностранных дел царской России Нератов указал «на опасения, которые внушает» заключение иностранного займа на нужды Маньчжурии. Мотоно заметил, что «опасность он видит со стороны американцев». Эту точку зрения разделял и Нератов³.

3 мая царский посол в Токио сообщил, что в состоявшейся беседе с министром иностранных дел Комура

¹ «U. S. Foreign Relations», 1911, p. XVIII.

² Ibid., p. XVII.

³ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 8.

последний заметил, что воспрепятствовать займу четырех держав «нет никакой возможности, тем более, что он уже утвержден регентом. Министр полагает, что наиболее полезно для обеих держав оставаться в выжидательном положении, тщательно наблюдая за ходом дел в Маньчжурии. Дальнейшее развитие последних определит обоюдное отношение их к маньчжурскому вопросу»¹. Царская Россия и Япония рассматривали заключение займа как недружелюбный акт со стороны англо-франко-германо-американского банковского консорциума и Китая.

Располагая, несомненно, обширной информацией, царский министр финансов в докладной записке на имя председателя Совета министров Столыпина писал относительно предоставления банковским консорциумом займа Китаю: «В конечном результате, если делу суждено осуществиться, нам едва ли не придется считаться со своего рода протекторатом над Маньчжурией четырех держав, во главе с Северо-Американскими Соединенными Штатами»².

Содержание соглашения от 15 апреля было направлено против интересов Японии и царской России в Китае. Вот как расценивало его Особое совещание по дальневосточным делам в Петербурге. «...Намерения англо-франко-германо-американского синдиката имеют чисто политический характер и сводятся к новой попытке нейтрализовать Маньчжурию. Потерпев неудачу с выдвинутым статс-секретарем Ноксом проектом выкупа на международные капиталы маньчжурской железнодорожной сети, американцы, видимо, пытаются достигнуть той же цели создания в Маньчжурии интересов великих держав путем финансирования на средства англо-франко-германо-американского синдиката всех тех предприятий в Маньчжурии, которые китайское правительство предполагает провести, чтобы парализовать преобладающее влияние в этой области России и Японии. В этой новой форме враждебные нам выступления Соединенных Штатов являются для России еще более опасными, чем когда дело шло о нейтрализации лишь железных дорог в

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 9.

² Там же, стр. 82.

Маньчжурии». Контракт «остается неизвестным нам в подробностях, быть может, весьма существенных: о статье 16 этого контракта мы узнаем лишь косвенным путем, через японцев; между тем статья эта создает для синдиката преимущественное право снабжать Китай деньгами на нужды Маньчжурии, т. е. на направленные против нас предприятия. Возможно предположить, что точно так же от нас скрывают и другие, неприятные нам условия контракта. Программа расходования займа, сообщенная нам французским правительством, настолько схематична, что следует опасаться, не скрываются ли за ней цели гораздо более агрессивные, чем монетная реформа и развитие земледелия и колонизации в Маньчжурии»¹.

По изложенным соображениям Особое совещание признало китайский заем у Международного консорциума явлением, для царской России вредным.

Оно постановило «выработать с японским правительством программу действий и сделать, совместно со сказанным правительством, необходимые шаги для устранения англо-франко-германо-американского синдиката банкиров от финансирования маньчжурских займов китайского правительства»².

Оценивая характер соглашения от 15 апреля и его отрицательное значение для интересов царской России в Китае, в Петербурге, как об этом заявлял министр финансов Кокцов, исходили также из того, что «данную операцию нельзя считать исчерпывающей все замыслы ее инициаторов»³. История образования Международного консорциума и роль США в организации финансовой операции в отношении Маньчжурии показывали, что США, Англия, Франция и Германия стремились широко использовать маньчжурское правительство в своих целях. «Уже одно образование столь крупного консорциума из представителей четырех наиболее заинтересованных держав не находило бы себе достаточного объяснения, если бы дело сводилось к сравнительно небольшому займу в 10 млн. ф. ст. Несомненно, имеется в виду ряд дальней-

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, г. XVIII, ч. I, стр. 95—96.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 82.

ших операций для реализации средств на другие нужды Китая, как-то: создание сухопутных и морских сил, сооружение железных дорог, разные промышленные и просветительные начинания и т. п. На это, впрочем, содержится указание и в самом контракте о займе в 10 млн. ф. ст. в форме принимаемого Китаем на себя обязательства занимать у того же консорциума деньги, если они понадобятся для довершения тех предприятий, на проведение коих этот заем предназначен. Таким образом, едва ли можно сомневаться, что мы стоим накануне целого ряда соглашений консорциума с Китаем о разного рода финансовых операциях».

Отмечая антирусскую направленность соглашения от 15 апреля 1911 г., Коковцов резюмировал: «Следует предвидеть, кроме того, что и в дальнейшем консорциуму будет столь же мало дела до наших интересов и, наоборот, будет оказано полное содействие всем планам Китая, какие он сочтет необходимыми для облегчения себе борьбы с нами. На это указывает и та руководящая роль, которую сыграли в деле заключения займа в 10 млн. ф. ст. американцы и которую они, вероятно, постараются сохранить и на будущее время ввиду их очевидных стремлений укрепить свое влияние в Китае. Поэтому нельзя не опасаться, что в первую очередь будет поставлено осуществление именно наиболее нежелательных для нас проектов, которые, однако, пользуются наибольшей популярностью у враждебно настроенных по отношению к нам правящих сфер в Пекине»¹.

Как видно, выводы царского министра имели под собой почву. Государственные деятели США отнюдь не ограничивали соглашением от 15 апреля свои планы экспансии в Китай.

Эту акцию они рассматривали лишь как начало широкого наступления на Маньчжурию. Вот что сказал президент США Тафт в обращении к конгрессу в декабре 1911 г.: «Несмотря на громадное значение самой этой реформы, предполагавшей осуществление займа, предоставление займа на эту реформу является лишь первым шагом к другим, более сложным финансовым реформам, которые принесут неисчислимые выгоды Китаю и иностран-

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 82—83.

ным интересам, поскольку они (реформы) укрепят китайскую империю и продвинут быстрое развитие международной торговли»¹.

Под «иностранными» интересами имелись в виду, конечно, вождедения американского империализма. Считая совершенно неприемлемыми деятельность четверного банковского консорциума и начатые им действия по закреплению в Маньчжурии, царское правительство разрабатывало планы создания нового финансового консорциума при активном участии России и Японии. В новый консорциум, помимо России и Японии, предполагали включить Францию и ряд других государств. Этот новый консорциум и четверной банковский консорциум «для избежания взаимной конкуренции» должны были бы «заключить между собой соглашение о распределении сфер влияния, причем на долю первой группы следовало бы отнести, в виде общего правила, весь Северный Китай к северу от Великой стены или иной демаркационной линии, а на долю второй — весь остальной Китай»².

Однако эти планы были отброшены. В Петербурге пришли к заключению, что единственным верным средством для обеспечения интересов царской России в Китае являлось бы «если не полное разрушение консорциума, то во всяком случае существенное его преобразование, и, как мне кажется, — говорил Коковцов, — подобный результат может быть нами достигнут при содействии Франции и Японии»³.

Создание четверного Международного банковского консорциума, позволившего осуществить давнишние планы американской экспансии в Маньчжурии, натолкнулось на решительное сопротивление со стороны правительств Японии и царской России. Они заявили категорический протест против организации консорциума без их участия и против распространения его деятельности на Маньчжурию. Позиция этих стран была поддержана Великобританией и Францией. Французское правительство заявило представлявшему Францию Индо-Китайскому банку, что оно не разрешит эмиссии «займа денежного обращения»

¹ «U. S. Foreign Relations», 1911, p. XVIII.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 84.

³ Там же, стр. 83.

в Париже, если из этого нового займа не будет вычеркнуто все то, против чего возражает русское правительство. Великобритания выступила в поддержку японского протеста.

В результате усилий царской и японской дипломатии летом 1912 г. было подписано соглашение о создании банковского объединения в расширенном составе с участием представителей Японии и царской России.

Это означало, что Международный банковский консорциум не являлся больше орудием американского империализма и не мог быть использован для проникновения США в Маньчжурию.

Таким образом, вследствие занятой Японией и царской Россией позиции с «займом денежного обращения» у американского империализма также ничего не вышло. Маньчжурскому правительству был предоставлен только сравнительно небольшой аванс в 400 тыс. ф. ст., который, конечно, не мог содействовать укреплению американского господства в Маньчжурии, на что рассчитывали империалисты США. Впрочем, и этот заем был поглощен в 1913 г. «реорганизованным займом», в котором США, как мы увидим дальше, не принимали участия.

Американские империалисты не ограничивали свою колонизаторскую деятельность в Китае отмеченными выше мероприятиями. 20 мая 1911 г. состоялось подписание окончательного соглашения между представителями Международного банковского консорциума и китайским правительством о займе для Хугуанских железных дорог¹.

Если в основе соглашения от 15 апреля лежал американо-китайский контракт и вся эта операция происходила по инициативе и под руководством американской финансовой группы и правительства США, то в основу соглашения от 20 мая было положено соглашение британской, французской и немецкой банковских групп с китайским правительством от 6 июня 1909 г.²

По соглашению от 20 мая контрагентами цинского правительства являлись следующие банки: с американ-

¹ Final Agreement for the Hukuang Imperial Government Railways, May 20, 1911; *MacMurray J. V. A.*, op. cit., p. 866—879.

² Agreement with British, French and German Banks for Hukuang Railways, June 6, 1909; *MacMurray J. V. A.*, op. cit., p. 880—885.

ской стороны — банковская группа, в состав которой входили дом Моргана, «Кун, Леб и К^о», Первый Национальный банк и Национальный городской банк Нью-Йорка; с британской — Гонконг-Шанхайский банк; с французской — Индо-Китайский банк; с германской — Германо-Азиатский банк. Финансовым объединениям четырех держав было предоставлено право выпустить 5-процентный заем в 6 млн. ф. ст. сроком на 40 лет.

Заем предназначался (помимо погашения небольшой задолженности Китая американской компании, строившей Кантон-Ханькоускую дорогу) на постройку двух больших дорог:

1) Учан — Ичжоу — Чанша — южная граница Хуанни (900 км), так называемая Хубэй-Хунаньская секция дороги Кантон — Ханькоу;

2) Гуаньчжуй — Хубэй — Сянуан — Чинменчжоу — Ичан (600 км) и Ичан — Гуйчжоу (Сычуань) (300 км)¹.

Обеспечением займа со стороны китайского правительства должны были служить провинциальные доходы и, в частности, доходы с налога на рис и на соль. Статья 9 контракта с правительством Китая содержала оговорку о том, что в случае неплатежа управление названными доходами передается морским таможням², что фактически означало передачу управления этими основными доходами в руки иностранцев.

К тому времени, когда переговоры о заключении окончательного соглашения между четверной группой и цинским правительством подходили к концу, строительство обеих дорог, о которых шла речь в соглашении, уже началось силами и средствами отечественной буржуазии заинтересованных провинций. Однако согласно контракту (статья 3) китайское правительство должно было строительство этих дорог взять в свои руки, иными словами, передать их консорциуму, так как названные дороги составляли основу всей Хугуанской системы транспорта.

Когда стало известно, что иностранные капиталисты по существу захватили в свои руки строительство Кан-

¹ На Хубэй-Хунаньской секции дороги главный инженер должен был быть британской национальности; на линии Гуаньчжуй—Ичан—германской; на линии Ичан—Гуйчжоу — американской.

² Final Agreement for the Hukuang Imperial Government Railways, May 20, 1911; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 870.

тон-Ханькоуской железной дороги, то население провинций Хунань, Хубэй, Сычуань и Гуандун приняло активное участие в сборе капиталов для создания частной компании по строительству дороги. Как отмечает китайский историк Лю Да-нянь, проживавшие в США китайские эмигранты, выходцы из провинции Гуандун, прислали письмо компании Кантон-Ханькоуской железной дороги. Приводя основные доводы в пользу создания частной компании по строительству железной дороги, они заявляли, что «скорее можно передвинуть горы Тайшань, чем поколебать положение частной компании»¹.

Имея в виду передачу иностранцам железных дорог, строящихся на китайские средства, цинское правительство за несколько дней до подписания окончательного соглашения, а именно 9 мая 1911 г., издало имперский эдикт о национализации всех железнодорожных магистралей страны.

В этом документе, одном из последних декретов маньчжурской династии, указывалось, что для успешного отправления своих функций «правительство должно располагать железными дорогами, расходящимися во всех направлениях к государственным границам Китая. До сих пор методы строительства ж. д. были неудачны и не было определенного плана, в результате железнодорожный транспорт во всей стране пришел в беспорядок... Мы заявляем всей империи, что постройка магистралей должна быть в руках (центрального) правительства»². Имперский эдикт, носивший явно антинациональный характер, вызвал волнения среди населения многих провинций.

Борьба китайского народа с цинским правительством за право самостоятельного строительства железных дорог и против империалистической экспансии быстро расширялась и охватила всю страну. Эта борьба явилась последним толчком, приведшим к революции 1911 г.

В связи с этими событиями и вследствие острых противоречий между иностранными державами в Китае хугуанский заем был мало эффективен для американских финансистов, хотя они и рассчитывали получить от него большие прибыли. Так, например, президент США Тафт в

¹ Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 140.

² Imperial Edict regarding Nationalization of Trunk Lines of Railway, May 9, 1911; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 895—896.

период подготовки к заключению займа указывал: «Хотя контракт и предусматривает участие в строительстве на одинаковых началах, но значительная пропорция падает на американские товары»¹.

Американский монополистический капитал не получил больших выгод от поставки железнодорожного оборудования (рельсов, шпал и пр.) и необходимых вспомогательных машин. Участвуя в хугуанском займе, капиталисты Соединенных Штатов получили в основном только банковские прибыли по выпуску займа. Большая часть доходов от хугуанского займа попала главным образом в руки английских капиталистов, так как английский капитал, занимавший с середины прошлого столетия руководящее положение на юге Китая, играл первенствующую роль в сооружении Хугуанских железных дорог.

Провал империалистических устремлений американского финансового капитала осуществлять влияние, по заявлению Нокса, равное влиянию других трех держав (Англии, Франции, Германии), признавали и сами американские дипломаты. Более чем через шесть лет после подписания окончательного контракта о предоставлении концессий на сооружение Хугуанских железных дорог американский посланник Рейнш писал: «Нужно признать, что попытки установить общую и равную заинтересованность во всех участках Хугуанских дорог оказались для американских интересов малозначительными и унижительными... Большая часть займа пошла на английский участок от Ханькоу до Чанша, причем англичане нарушили свои обязательства относительно предоставления равных возможностей американскому рынку... Практически сложная интернационализация Хугуанских железных дорог пока что привела к преобладающему влиянию англичан и, за исключением банковской прибыли по выпуску займа, выгоды, которые ожидалось от него для американских интересов, оказались совершенно иллюзорными»².

В конечном счете американский капитал оказался в еще более невыгодном положении. Из двух железнодорожных линий (Ханькоу-Кантонская и Ханькоу-Сычуань-

¹ «U. S. Foreign Relations», 1911, p. XVII.

² Minister Reinsch to the Secretary of State, Peking, October 13, 1917, «U. S. Foreign Relations», 1917, p. 200—201.

ская), постройка которых была начата с такой международной помпой, одна была построена только наполовину, а другая вовсе не была выстроена. Таким образом, правительственные круги США, добившись участия в хугуанском займе, не улучшили позиций американского капитала на юге Китая. Попытка внедриться на юге Китая посредством участия в сооружении Хугуанских железных дорог оказалась для американского капитала неудачной, неэффективной.

США, несомненно, рассчитывали, что, добившись осуществления своих планов, они сумеют расколоть наметившееся сближение Японии и царской России, сумеют сорвать складывающиеся союзнические отношения между недавними противниками. Однако эти расчеты не оправдались.

Американские домогательства в Китае привели к тому, что отношения этих двух стран укрепились.

Вслед за американским выступлением с предложением «нейтрализации» маньчжурских железных дорог и проектом сооружения Цзиньчжоу-Айгуньской железнодорожной магистрали и в непосредственной связи с этим выступлением начались переговоры о новом русско-японском соглашении.

Желательность для России вступить с Японией «в теснейшее соглашение» вытекала из всей политики царского самодержавия на Дальнем Востоке после 1905 г.

В конце ноября 1909 г. на Особом совещании по дальневосточным делам министр иностранных дел Извольский заявил, что «если мы отвергнем американское предложение, то вызовем, быть может, временное охлаждение США», но Америка «нам войны по этому поводу не объявит... тогда как Япония в этом отношении гораздо опаснее».

Министр Коковцов добавил к этому, что во время поездки на Дальний Восток он убедился в том, что большинство военных судов «не может ходить не только против врага, но даже против ветра» и «общее положение в смысле обороны представляется в самом плачевном виде», поэтому нужно «искать опоры в общности действий с Японией»¹.

¹ Журнал «Особого совещания», 28 ноября (11 декабря) 1909 г., д. 206; см. также *Авария*, Империализм в Маньчжурии, т. I, стр. 123.

Так была сформулирована окончательная позиция царского правительства по отношению к Японии к моменту выступления США с предложением Нокса.

Определяя свою позицию на Дальнем Востоке, царская дипломатия учитывала сложившуюся международную обстановку вообще и положение дел на Западе в частности.

После 1907 г. резко обострилась борьба двух больших империалистических группировок — блока Антанты и Тройственного союза за расширение сфер своего влияния, за привлечение новых союзников с целью создания более благоприятной дипломатической и военной обстановки перед надвигавшейся военной схваткой. В результате целого ряда мероприятий, проведенных участниками обоих военно-политических блоков, возник Боснийский кризис, продолжавшийся до 1909 г. Он обострил напряженность в международных отношениях, в особенности в Европе. Кризис кончился поражением царской России. Германия продемонстрировала свою силу, царская Россия — свою неподготовленность к военному выступлению в Европе.

Царской России был нужен на своих дальневосточных границах спокойный тыл в связи с подготавливавшейся войной на Западе. С другой стороны, и для японского правительства было необходимо установление более тесных отношений с царской Россией в связи с тем обстоятельством, что американо-японский антагонизм являлся в то время основным на Дальнем Востоке и на Тихом океане.

18 декабря 1909 г. русский посол в Токио сообщил о беседе с премьер-министром Кацура, в которой последний выразил мнение, что некоторые державы «желают посеять недоверие» между Россией и Японией и что необходимо показать всему миру, что Россия и Япония будут в своей дальневосточной политике идти «рука об руку».

«Когда я спросил его, — писал посол в Токио своему шефу Извольскому, — в чем, собственно, он полагал бы наиболее подходящим выразить такую общность взаимных интересов обеих стран, маркиз Кацура ответил мне вопросом, получил ли я от вашего превосходительства известие об американском предложении «нейтрализации» маньчжурских дорог. На мой утвердительный ответ он

(Кацура. — П. С.) сообщил мне, — продолжал Малевский-Малевиц, — что вы (Извольский. — П. С.) поставили японского поверенного в С.-Петербурге в известность о вручении вам г. Рокхиллом (американским послом в России. — П. С.) меморандума и что японское правительство высоко ценит этот знак вашего доверия и усматривает в нем лучший залог общности политических интересов и действий в Маньчжурии».

Действия американской дипломатии вызвали в японских правящих кругах стремление получить от царской России поддержку против притязаний США. «Как смотрит на американские предложения Япония? — вопросительно прибавил маркиз Кацура и далее продолжал: — Ориаю (японскому представителю в России. — П. С.) уже вчера предписано доложить г-ну Извольскому, что дальнейшее развитие этого дела может лучше всяких доводов показать, насколько Россия и Япония солидарны в Маньчжурии».

Так, в связи с выступлением американского правительства по вопросу о маньчжурских железных дорогах милитаристская Япония и царская Россия нашли общий язык для защиты своих империалистических интересов в Китае от посягательств американских империалистов.

В результате выступления американского правительства по маньчжурскому вопросу правящие круги Японии и царской России пошли по линии укрепления и развития тесных отношений. «Когда на другой день я был на обычном приеме у графа Комура, он сам заговорил со мной по поводу американского предложения и о необходимости дальнейшего развития политического соглашения 1907 г.»¹

Когда в японской и мировой прессе появились сообщения относительно переговоров Японии с царской Россией о политическом соглашении, они привлекли внимание дипломатов большинства стран. Многие дипломатические представители обращались к русскому послу в Токио с запросами о справедливости газетных сообщений. «Особенно настоятельно домогался от меня

¹ АВПР, Токио, д. 915, Малевский-Малевиц — Извольскому, 17 декабря 1909 г.

ответа первый секретарь американского посольства Скайлер»¹.

Представители США за границей зорко следили за отношениями между Японией и Россией. В годы после Портсмутского мира американских дипломатов приводило в раздражение сближение бывших врагов, ибо за океаном рассчитывали использовать империалистические противоречия Японии и царской России в своих целях для взаимного ослабления двух великих тихоокеанских держав.

В беседе с представителем американского посольства Малевский-Малевиц заявил, что «газетные предположения о политическом соглашении между Россией и Японией, очевидно, имеют своей причиной ту наглядно высказывавшуюся солидарность интересов обеих держав в Маньчжурии, которая проявилась в результате широкого наступления американского финансового капитала в Китае». Не ограничиваясь этим заявлением, русский посол подчеркнул далее, что соперничество между США и Японией на Тихом океане «явилось естественным последствием американской политики по дальневосточным делам в 1903—04—05 гг.»²

Стремясь оградить свои империалистические интересы в Маньчжурии от энергичного наступления монополистического капитала Соединенных Штатов, Япония и царская Россия заключили в июне 1910 г. в Петербурге новое политическое соглашение. Оно развивало и дополняло принципы, установленные русско-японской конвенцией 1907 г., и было дальнейшим шагом в русско-японском сближении.

Полностью подтверждая русско-японское соглашение, заключенное в 1907 г., Япония и Россия «в целях облегчения сношений и развития международной торговли» взаимно обязались оказывать друг другу «дружественное содействие для улучшения соответственных их железнодорожных линий в Маньчжурии и для усовершенствования соединительной службы вышеуказанных железных дорог, воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели». Они заявили о взаимном обязатель-

¹ АВПР, Токио, д. 916, Малевский-Малевиц — Извольскому, 18 мая 1910 г.

² Там же.

стве «поддерживать и уважать status quo в Маньчжурии, как он определяется всеми договорами, конвенциями и другими соглашениями, ранее заключенными, как между Россией и Японией, так и между этими двумя державами и Китаем». Обе стороны договорились проводить «незамедлительно» взаимные консультации для принятия мер в случае возникновения угрозы нарушения статус-кво в Маньчжурии.

Каждая из сторон обязалась не противодействовать «никоим образом дальнейшему укреплению и развитию специальных интересов другой стороны, в пределах вышеуказанных сфер», а также получила право принимать все необходимые меры для защиты своих интересов. Россия и Япония согласились воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны¹.

По соглашениям между Россией и Японией, заключенным в период 1907—1910 гг., Маньчжурия была фактически превращена в колонию Японии и царской России. Царизм, так же как и японский империализм, используя выгоды географического положения, вел грабительскую политику в Китае и на Дальнем Востоке вообще в интересах помещиков и капиталистов.

Русско-японское соглашение 1910 г. взаимно расширяло империалистические «права» Японии и царской России в этом районе Китая и усиливало позиции каждой из сторон в ее сфере влияния. Тем самым значительно затруднилось проникновение в Северо-Восточный Китай американских и других конкурентов.

Тот факт, что соглашение было подписано 4 июля, т. е. в день национального праздника США, несомненно подчеркивал его антиамериканский характер.

Антиамериканскую направленность русско-японского соглашения 1910 г. подметил харбинский даотай Юй Сы-син, который в докладе маньчжурскому генерал-губернатору особенно подчеркивал нанесенный соглашением ущерб американским торгово-промышленным интересам².

¹ См. Э. Д. Гримм, цит. соч., стр. 176—177.

² См. В. Аварин, Империализм в Маньчжурии, т. I, стр. 129—130.

Появление гласной политической конвенции между царской Россией и Японией вызвало широкое обсуждение в политических кругах и в прессе, особенно в США. Все комментаторы американской печати признавали, что этим соглашением нанесено сильнейшее поражение американской политике «открытых дверей» и «равных возможностей». Газеты отмечали, что политика «открытых дверей» на деле привела к совершенно противоположным результатам, именно к дальнейшему сближению Японии с царской Россией¹.

В Лондоне и Париже положительно отнеслись к русско-японскому соглашению. В Берлине и в Вене встретили его весьма холодно, констатируя, что опасность для Германии и Австро-Венгрии увеличилась.

Таким образом, экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, направленная против интересов царской России и японского империализма в Китае, привела не к ослаблению русско-японского альянса, а к усилению его. Происки американской дипломатии в Маньчжурии способствовали тому, что Япония заключила с Россией политическое соглашение, которое было направлено против американской агрессии в Китае, в защиту и укрепление собственных империалистических позиций в этой стране.

§ 5. Неудачи американской дипломатии в Китае

Провал «долларовой дипломатии» в Китае вызвал значительное возбуждение в капиталистических кругах США. В прессе появились статьи, осуждавшие действия государственного департамента. Печать порицала как прежнюю политику поддержки Японии, так и неумелость и бессилие существующего правительства. Капиталисты США продолжали агитировать за подготовку войны с Японией, за то, чтобы выкачивать сотни миллионов долларов народных денег на новые вооружения, на милитаризацию страны. Общественное мнение и пресса единодушно утверждали, что Соединенным Штатам следует вооружаться против Японии.

¹ АВПР, Вашингтон, д. 132, Розен — Извольскому, 26 (9) июля 1910 г.

Широкая агитация незамедлительно сказалась и на деятельности конгресса. Уже в декабре 1910 г. военный министр США, выступая в палате представителей, весьма мрачно обрисовал состояние военного дела в США.

Сообщая в Петербург о милитаристских настроениях в правительственных кругах США, русский посол в Вашингтоне Кудашев писал: «Как лица, разделяющие мнение министра о необходимости серьезно заниматься преобразованием и усилением средств обороны страны, так и те, которые этого мнения не разделяют, имеют в виду и открыто называют одного лишь возможного и опасного врага Америки — Японию»¹.

Выступая с требованием «усиления средств обороны страны», правительство США стремилось к увеличению вооружения и созданию большого морского флота для наступательной войны в районах, расположенных далеко от американского материка. Без крупных вооружений и могущественного флота, очевидно, становилось все труднее реализовать планы экспансии на Дальнем Востоке и в Тихом океане, осуществлять идею создания мировой тихоокеанской империи во главе с американской финансовой олигархией.

Американский буржуазный исследователь дальневосточных проблем Ремер объяснял впоследствии причины провала экспансионистской политики американского империализма в Китае тем, что США не имели «достаточных экономических якорей» в этой стране, не имели «намерения применить силу или угрожать применением силы», а в дипломатическом отношении США подвели те, на кого они рассчитывали².

Эта оценка буржуазного специалиста, обелявшего действия США, не вскрывает ряда важных причин, обусловивших эти провалы. Прежде всего надо отметить, что в процессе планомерного наступления американского капитала в Китае явно обнаружилась агрессивная сущность политики «открытых дверей» и «равных возможностей».

Жизнь показала, что доктрина Хэя не служила общим международным интересам, хотя правительственные

¹ АВПР, Вашингтон, д. 132, Кудашев — Сазонову, 8 (21) декабря 1910 г.

² *Remer C. F., Foreign Investments in China, p. 267—268.*

круги США утверждали обратное. «Агрессивные действия Америки в Маньчжурии,— писал царский агент министерства финансов, — несколько напоминают активную политику России в Маньчжурии и Корее до 1904 г.» Отношения Японии к США «почти такие же, какие к России до войны. Параллель настолько ясная, что один японец недавно сравнивал деятельность Стрейта, Оля (корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд» в Китае), Флетчера (поверенного в делах США в Пекине) с деятельностью господ Абаза, Безобразова, Гинзбурга и других»¹.

Доктрина «открытых дверей» отнюдь не являлась нейтральной, благожелательной. Она была лишь прикрытием весьма конкретных экспансионистских расчетов США. В процессе проведения этой доктрины явно обнаружилось ее значение как орудия Соединенных Штатов для установления монопольного господства в Китае. Именно поэтому такая политика не могла не вызвать и действительно вызвала отчаянное сопротивление со стороны империалистических держав, уже имевших прочные позиции в Китае.

В провале американской политики на Дальнем Востоке правительство президента Тафта винило правительство Т. Рузвельта, его японофильскую политику, отсутствие конкретной договоренности с японскими правящими кругами по дальневосточным делам. Как уже упоминалось, после военно-морской демонстрации правительство Т. Рузвельта, сознавая невозможность в то время добиться серьезных уступок от Японии, вынуждено было, несмотря на обострение противоречий, смириться с фактом японской экспансии в Китае.

Правительство Тафта, по существу столь же агрессивное, как и предыдущее правительство, после безуспешного меморандума Нокса и провала попыток финансового закабаления Китая затребовало от Т. Рузвельта письменные объяснения по поводу его ошибочной дальневосточной политики.

В письме от 22 декабря 1910 г. Т. Рузвельт писал: «Я не верю в политику блефа в национальных и международных делах, как и в частных. И равным образом считаю недопустимым нарушение старого пограничного правила: «Ни-

¹ АВПР, Токио, д. 916, секретное донесение агента Министерства финансов на имя посла в Токио от 18 марта 1910 г.

когда не вынимай револьвера из кобуры, если ты не намерен стрелять... Если мы хотим противиться Японии в ее маньчжурской политике, то необходимо решиться на войну, так как Япония,—предупреждал Рузвельт,—жизненно заинтересована в Маньчжурии и никогда добром ее не уступит». Но «успешная война за Маньчжурию требует такого же флота, как английский, и, кроме того, армии такой же хорошей, как у Германии»¹.

Возражая Рузвельту, Нокс в ответном письме заявил: «Мы понимаем под «открытыми дверями» в Маньчжурии просто справедливость в отношении наших торговых интересов, которые отнюдь не незначительны... Разумеется, когда мы пытаемся довести эту политику до ее логического конца, мы встречаем серьезные затруднения. Однако я не вижу другого пути для сохранения нашей позиции в Китае». Что касается политики блефа, то Нокс продолжал: «Я не могу утверждать, пойдет ли когда-нибудь американский народ воевать в защиту наших интересов в Китае. Это будет, вероятно, зависеть от той провокации, которой мы подвергнемся... Было бы совершенно нецелесообразно в настоящее время свертывать наши знамена, даже если бы мы вообще думали это сделать... Нам выгоднее последовательно защищать наши принципы, даже если нам не удастся настоять на их ближайшем признании».

И далее Нокс спрашивал: «Почему японцы нуждаются в Маньчжурии более, чем Китай, которому она ныне принадлежит, или почему она необходима для их «жизненных интересов» более, чем для Китая?»

Но больше всего Нокс был недоволен «миролюбием» Рузвельта. Он писал: «Нельзя так говорить, что мы ни при каких обстоятельствах не будем воевать из-за наших интересов в Китае»².

История американской экспансии в Китае, особенно в Северо-Восточном, в рассматриваемый период воочию показала, что политика американских правящих кругов была именно политикой блефа, поскольку в тот период Соединенные Штаты не имели возможности поддерживать свои агрессивные планы военной силой.

¹ *Dennett T.*, op. cit., p. 320—323.

² *Ibidem.*

Соединенные Штаты не были в военном отношении подготовлены к каким-либо серьезным военным авантюрам на Дальнем Востоке.

В феврале 1910 г. Коростовец сообщал о поведении американских представителей в Китае: «В Китае увлекаются сейчас американской дружбой, между тем как вполне очевидно для всякого непредубежденного человека... федеральное правительство не пойдет дальше платонических заверений и что на помощь американцев... Китай рассчитывать не может».

Следовательно, Соединенные Штаты, как и в период до Портсмутского мира, для осуществления своих агрессивных планов могли рассчитывать только на использование противоречий между державами и на благоприятную международную обстановку. Но и этот фактор оказался не в пользу США.

«Англия, положившая в основу своей политики на Дальнем Востоке союз с Японией, была вынуждена покровительствовать всем ее действиям, как бы ни страдали от этого ее собственные экономические интересы. Германия, вероятно опасаящаяся поступательного движения Японии, не только не берет на себя инициативы протестов, но старается найти почву для сближения с Японией. Франция, не являясь непосредственно заинтересованной, но опасаясь за свои колониальные владения и угнетаемая призраком второй русско-японской войны, которая отвлечет наши силы с западной границы, крайне неохотно присоединяется к какому-либо протесту против Японии»¹.

Следует, однако, отметить, что в этот период Англия, подготавливаясь к войне с Германией, была против такого обострения американо-японских отношений и обстановки на Дальнем Востоке и Тихом океане вообще, которое могло бы привести к конфликту между США и Японией.

Английская дипломатия рассчитывала использовать и США и Японию в предстоящей схватке Британской империи с кайзеровской Германией. Английские деятели того времени обычно придерживались такой схемы: «Британская политика зиждется на трех китах:

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Сазонову, 16 сентября 1910 г.

«союз с Японией, Антанта с Францией и дружба с США»¹.

Английская дипломатия одобряла попытки японо-американского сближения. Это имело место в отношении соглашения Рут — Такахира и др. В ряде вопросов английская дипломатия поддерживала либо США, либо Японию. С своей стороны и американская и японская дипломатия прибегали к помощи Англии. В этом случае японская сторона напоминала об англо-японском союзном договоре, а американская — о «единстве интересов и кровных уз» англосаксонской расы.

Маневрируя между США и Японией, английская дипломатия со свойственной ей эгоистической расчетливостью и коварством сумела в конце концов привлечь на свою сторону и Японию и США. Несмотря на глубокие противоречия между американской и японской буржуазией, и США и Япония помогли Англии бороться против Германии.

Такая позиция создавала известные трудности для японо-германского и германо-американского сближения в то время, когда германская дипломатия лихорадочно искала по всему свету новых союзников против Антанты, рассчитывая в эти годы (с 1907 г.) главным образом на соглашение с США и Китаем, а также на сближение с Японией.

Таким образом, Соединенные Штаты Америки оказались на Дальнем Востоке изолированными перед лицом четырех империалистических держав — царской России, Франции, Англии и Японии.

В то время над Дальним Востоком, как и над всем миром, нависла угроза мировой империалистической войны. Одна Германия пыталась воспользоваться предложением Нокса с целью подорвать хотя бы на Дальнем Востоке позиции своих противников.

Германское правительство старалось убедить Соединенные Штаты в необходимости тесно сблизиться с Китаем и Германией, чтобы общими усилиями бороться против царской России, Японии и Англии. Но эти попытки оказались бесплодными.

Вскоре после провала американского плана «нейтрализации» или «интернационализации» маньчжурских

¹ А. Гальперин, Англо-японский союз, стр. 273.

железных дорог парижская газета «Тан», осуждая дальневосточную политику государственного департамента, советовала ему прекратить «дипломатические затеи», так как «до сего времени он только и делает, что без всякого результата для себя сеет недовольство в мире»¹.

Последовательное крушение американских планов нельзя рассматривать просто как неудачу американской дипломатии, оно было провалом всей экспансионистской политики США на Дальнем Востоке в тот период. Основная цель американского империализма как тогда, так и в дальнейшем состояла в том, чтобы с помощью финансового капитала занять господствующее положение в Китае и превратить китайский народ в данника американского империализма, создать благоприятные условия для установления американского господства на Дальнем Востоке, обеспечить плацдарм для нападения на Японию. Но, как справедливо указывала в то время газета «Нью-Йорк геральд», «Америка не может одна управлять Дальним Востоком, ибо деньги тут беспомощны»².

Используя в агрессивных целях доктрину «управления Китаем руками китайцев», «дипломатию доллара» и другие методы, американские империалисты встретили известное сопротивление и со стороны Китая. Для прогрессивной части китайской буржуазии стало ясно, что «платоническая», по выражению русского дипломата, дружба с США влекла за собой закабаление страны.

Донесения русских дипломатов из Пекина говорили о том, что даже среди высших сановников Китая появилось сомнение в отсутствии экспансионистских замыслов у Вашингтона. Китайская пресса стала более трезво оценивать планы и мероприятия американцев. В стране росла тревога насчет того, не будет ли принцип «нейтрализации» маньчжурских железных дорог распространен и на территорию Маньчжурии и не станут ли державы — участники «нейтрализации» вмешиваться в административные дела Китая³.

¹ «Temps» № 17930; АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса».

² «New York Herald» № 26867; АВПР, отдел «Русская и иностранная пресса».

³ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Извольскому, 14 января 1910 г.

Русский представитель сообщал, например, что вопрос об участии держав в американском займе вызвал на заседании тайного совета в Пекине очень суровую критику многих сановников, «видящих в этой сделке шаг к финансовому и политическому порабощению Китая»¹.

Полагаясь на займы, американские империалисты рассчитывали привлечь «темных политических дельцов из господствующих классов Китая», с тем чтобы сделать «еще один шаг, направленный к порабощению и угнетению китайского народа»². Цинское правительство со своей стороны стремилось с помощью иностранных займов предотвратить надвигающуюся революцию в стране.

¹ АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Извольскому, 20 ноября 1910 г.

² Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 139.

ГЛАВА III

ПОСОБНИЧЕСТВО АМЕРИКАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ АННЕКСИИ КОРЕИ ЯПОНИЕЙ

Обострение американо-японских противоречий в Китае отнюдь не означало, что американский империализм отказался от курса на поощрение японских империалистов и использование их в своих интересах. Такой курс особенно проявился в вопросе о Корее. Еще во время русско-японской войны американские империалисты тайне от Кореи договорились с японским правительством о том, что после окончания войны Япония установит полное господство в Корее, а со своей стороны признает аннексию Филиппин Соединенными Штатами.

Эта сделка США с Японией, или так называемое соглашение Тафт — Кацура от 27 июля 1905 г., принесшая в жертву свободу и независимость корейского народа, являлась важной вехой американской политики поощрения японской агрессии на Дальнем Востоке.

Переговоры военного министра США В. Тафта и японского премьера Кацура состоялись в Токио перед началом работы мирной Портсмутской конференции¹. Они были зафиксированы в согласованном меморандуме.

¹ В начале июля 1905 г. В. Тафт отправился на Филиппины с остановкой «по пути» на несколько дней в Токио. Его сопровождали 10 сенаторов и 40 членов палаты представителей. Состав свиты Тафта должен был подчеркнуть в глазах японцев важность его миссии. 29 июля в Вашингтоне была получена каблограмма Тафта, содержащая согласованный обмен мнениями между ним и японским премьером Кацура.

Основное содержание меморандума (в изложении американского историка Деннетта) сводилось к следующему:

Тафт: Некоторые американцы распространяют в Америке слухи о том, что победа Японии будет известной прелюдией к ее агрессии в направлении Филиппин. Между тем действительно реальный интерес Японии должен заключаться в том, чтобы этот архипелаг управлялся сильной и дружественной страной, такой, как Соединенные Штаты, а не туземцами (филиппинцами), неспособными к самоуправлению, или недружелюбной европейской державой.

Граф Кацура: Япония не имеет агрессивных намерений в отношении Филиппинских островов. В отношении корейского вопроса следует иметь в виду, что Корея была прямым поводом к войне с Россией. Для Японии является делом чрезвычайной важности, чтобы в качестве логического результата войны было достигнуто окончательное решение этого вопроса.

Тафт: Рассуждения Кацура совершенно справедливы. Мнение американского министра заключается в том, что логическим результатом настоящей войны является установление с помощью японских войск сюзеренитета над Кореей, при котором Корея лишалась бы права вступать в какие-либо международные соглашения без разрешения Японии. По мнению Тафта, президент будет согласен с его взглядами на этот счет, хотя у него, Тафта, и нет пока что для этого официального мандата от президента¹.

В заключение состоявшихся переговоров В. Тафт обещал японскому премьеру срочно просить президента США одобрить текст согласованного меморандума.

В Вашингтоне позиция Тафта незамедлительно получила полное одобрение. «Передайте Кацура, — говорилось в ответной телеграмме Т. Рузвельта, — что я поддерживаю каждое слово, сказанное Вами»².

Так американские империалисты, использовав Корею в качестве разменной монеты, усилили свои позиции на Тихом океане, прочно укрепившись на Филиппинских островах.

¹ *Dennett T.*, op. cit., p. 112—114.

² *Pringle H. F.*, *The Life and Times of Willam Howard Taft. A Biography*, New York, Toronto 1939, p. 299.

По соглашению Тафт—Кацура японцы гарантировали американские концессии в Корее.

Полное пренебрежение интересами корейского народа рядом с США проявляла и Великобритания.

По второму англо-японскому договору, заключенному после соглашения Тафт—Кацура, в августе 1905 г., Англия признавала преобладающие политические, военные и экономические интересы Японии в Корее и «право Японии» предпринимать любые меры «руководства, контроля и покровительства над Кореей» для защиты этих интересов¹. Следует отметить, что основные статьи англо-японского договора были в общих чертах сообщены президенту США еще до подписания его, а пункт о Корее был сообщен полностью. Этот пункт был целиком одобрен Т. Рузвельтом².

Как секретное американо-японское соглашение Тафт—Кацура, так и англо-японский союзный договор поощряли японскую агрессию в Корее и на всем Дальнем Востоке и давали Японии возможность проводить колонизаторские преобразования и юридически оформить аннексию Кореи.

Заручившись согласием Белого дома и правительства Великобритании³, японские империалисты добились в Портсмуте необходимых уступок со стороны России в отношении Кореи.

Статья 2 Портсмутского договора гласила: царское правительство, «признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, *военные* и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам *руководства, покровительства и надзора*, кои императорское японское правительство могло бы почесть необходимыми принять в Корее»⁴.

Делегация царской России на Портсмутской конференции настаивала на том, чтобы эти меры руководства, покровительства и надзора не наносили «ущерба суверенным правам императора Кореи». Это предложение, если бы

¹ См. Ключников Ю. В. и Сабанин А., Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1, М. 1925, стр. 322.

² «British documents on the origins of the War (1898—1914)», v. IV, London 1927—1929, p. 155—156.

³ Griswold A. W., op. cit., p. 125—126.

⁴ Э. Д. Гримм, цит. соч., стр. 166.

оно было принято, могло послужить серьезным препятствием на пути ликвидации корейской независимости, ибо сохранение суверенных прав императора означало по существу сохранение корейской государственности.

Однако по настоянию японской делегации, пользовавшейся закулисной поддержкой США¹ и Англии, в результате обсуждения русского предложения было согласовано, что в мирном договоре не будет упомянуто вовсе «о суверенитете корейского императора». Лишь в протокол конференции было внесено следующее решение: «Уполномоченные Японии заявляют, что согласовано, что меры, которые Япония может признать необходимыми принять в Корее в будущем и которые наносят ущерб суверенитету этой страны, будут приняты в согласии с правительством Кореи»².

По этому протокольному решению японские империалисты, проводя то или иное мероприятие, наносившее ущерб корейскому суверенитету, должны были предварительно согласовывать его с корейским правительством, т. е. оформлять специальным японо-корейским соглашением³.

Русское предложение, не включенное в договор, но зафиксированное в протоколе, свидетельствовало об отрицательном отношении царской России к ликвидации корейской независимости. Однако оформленное таким образом предложение русской делегации не могло служить серьезным препятствием японской аннексии Кореи, тем более если учесть, что в своей политике в отношении Кореи японские правящие круги пользовались поддержкой великих держав, и в первую очередь поддержкой со стороны США и Великобритании.

США и Англия, обладавшие существенными мерами воздействия на Японию (займы и др.), не сделали и попытки отстоять суверенитет Кореи. Они были заинтересованы как раз в обратном, в том, чтобы важный для России плацдарм на ее дальневосточных границах находился в

¹ См. подробно *А. Дробов*, цит. соч., гл. 3 и 6.

² «Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа 1905 г.», Спб. 1906.

³ См. *А. Гальперин*, Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией, «Вопросы истории» № 2, 1951 г., стр. 19.

руках милитаристской Японии, которая являлась в течение длительного времени главной агрессивной силой против России и Китая.

Несмотря на наличие японо-американских противоречий на Дальнем Востоке, правящие круги США поощряли японскую политику захвата и подчинения Кореи. По их мнению, такой курс в отношении Кореи являлся реальным средством обострения борьбы между царской Россией и Японией. С первых же дней хозяйничанья японских милитаристов в Корее руководящие круги США отчетливо показали, что они стоят целиком на стороне Японии.

Имея поддержку американского и английского правительств, Япония и в период русско-японской войны и сразу же после нее проводила энергичные мероприятия по установлению своего колониального режима в Корее.

17 ноября 1905 г. японские политические деятели при активном содействии генерала Хасегава подписали с корейским министром иностранных дел Пак Че Суном и другими корейскими министрами — изменниками родины, «договор о защите», заключение которого явилось важным шагом по пути аннексии Кореи.

Содержание «договора о защите» сводилось к следующему:

«Статья 1. Японское правительство через свое министерство в Токио будет впредь осуществлять контроль за внешними сношениями Кореи и управлением иностранными делами Кореи. Дипломатическим и консульским представителям Японии будет поручена защита подданных и интересов Кореи в иностранных государствах.

Статья 2. Японское правительство обязуется наблюдать за выполнением договоров, существующих ныне между Кореей и другими державами; корейское же правительство обязуется не заключать отныне никаких актов или обязательств, имеющих международный характер, иначе как через посредство японского правительства.

Статья 3. Японское правительство будет представлено при дворе его величества императора Кореи генеральным резидентом, пребывающим в Сеуле и имеющим целью главным образом руководить управлением делами, имеющими отношение к дипломатическим вопросам...

Статья 4. Заключенные к настоящему времени договоры и конвенции между Кореей и Японией не теряют

своей силы, за исключением тех, которые противоречат данному соглашению.

Статья 5. Японское правительство гарантирует безопасность корейского императорского дома и соблюдение его величия»¹.

Это был унижительный для корейского народа «договор», установивший японский протекторат над страной, лишавший Корею самостоятельности во внешних сношениях.

Корея сама впредь не могла самостоятельно заключать договоры с иностранными государствами, кроме как с Японией.

Представителем Японии при корейском дворе назначался генеральный резидент, в обязанности которого входило ведать внешними сношениями. Фактически глава суверенного корейского государства должен был подчиняться генеральному японскому резиденту по всем вопросам как внешней, так и внутренней жизни страны². В главные порты и города Кореи были также назначены японские резиденты.

Само подписание японо-корейского договора 17 ноября 1905 г. явилось наглой провокацией, осуществленной японскими империалистами путем грубой угрозы применения оружия. Оно произошло при следующих обстоятельствах.

Явившись во дворец к корейскому императору, японские дипломаты в окружении военных потребовали подписания выработанных ими же самими условий договора, который лишал Корею независимости. Император и члены корейского правительства отказались поставить свои подписи. Тогда японцы схватили премьера и потащили его в другую комнату, где, обнажив оружие, японский дипломат и военные потребовали от него подписания договора. Корейский премьер снова отказался. Оставив его под охраной, японцы, размахивая саблями, вновь ворвались в залу, где находились другие члены корейского

¹ См. *Ли Чен Вон*, Очерки новой истории Кореи, М. 1952, стр. 137.

² После окончания русско-японской войны еще перед заключением договора от 17 ноября 1905 г. японский император Муцухито писал корейскому императору: «Я хочу также сообщить Вашему величеству, что отныне я буду охранять неприкосновенность Кореи и благоденствие императорского дома».

правительства, и предложили им немедленно подписать предъявленные требования. Пять из восьми членов корейского кабинета оказались предателями и подписали этот документ. Государственная печать Кореи, захваченная японцами, была приложена к договору самими японцами¹.

Опасаясь возмущения корейского населения, японские империалисты еще накануне привели в боевую готовность свои войска, которые находились в Корее после окончания русско-японской войны.

Японское правительство решилось на столь провокационный шаг лишь благодаря пособничеству Соединенных Штатов и других великих держав в результате стремления этих держав, в первую очередь США и Англии, усилить позиции Японии на азиатском материке в противовес позиции царской России. Это подтверждают документы Архива внешней политики царской России. Русский представитель в Корее заявлял, что только стремление держав «идти навстречу» японской агрессивной политике на континенте «облегчило» Японии² заключение такого унижительного для Кореи договора.

Если бы американское правительство и правительство Великобритании выполнили условия американо-корейского (1882 г.)³ и англо-корейского договоров (1883 г.), то насильственно установленный протекторат над Кореей не получил бы международной санкции.

Американское правительство было информировано о том, что японцы оказывают нажим на корейское правительство, требуя от последнего согласия установить японский протекторат над Кореей. О вызывающем поведении японских резидентов и японских официальных лиц по отношению к корейцам сообщал американский представитель в Сеуле — Морган⁴. Корейский император,

¹ *Nelson M. F.*, *Korea and the old Orders in Eastern Asia*. Louisiana, 1946, p. 279; см. также *А. Добрынин*, США и независимость Кореи (1904—1905 гг.), «Известия АН», серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947 г.

² АВПР, Сеул, д. 16, Плансон — Извольскому, 10 августа 1906 г.

³ В корейско-американском договоре от 22 мая 1882 г. имелась статья, предусматривающая оказание «добрых услуг» со стороны американского правительства для улаживания конфликтов, если другие государства стали бы «действовать несправедливо» или «угнетать» Корею.

⁴ *Dennis A. L. P.*, *op. cit.*, p. 417.

информировал он правительство США, упорно сопротивляется всем требованиям японцев и надеется на помощь США согласно договору 1882 г. Но президент США снова целиком поддержал требование Японии о том, чтобы все сношения Кореи с другими странами велись только через японское правительство.

Договор 17 ноября 1905 г. получил немедленную санкцию империалистических держав, в первую очередь США и Англии. Не прошло и недели после событий в Сеуле, как 23 ноября 1905 г. японский представитель в Вашингтоне Такахира вручил государственному секретарю США копию договора между Японией и Кореей¹.

На следующий же день американское правительство известило Такахира о том, что уже даны по телеграфу инструкции американскому посланнику в Корее о закрытии миссии в Сеуле, а также дано распоряжение, чтобы дипломатические дела США с Кореей велись отныне непосредственно через японское представительство в Вашингтоне или через американское в Токио².

Американское правительство получило благодарность от Японии за содействие в принятых ею мерах, направленных на превращение суверенного корейского государства в японский протекторат. Японский дипломат Такахира передал в госдепартамент сообщение из Токио, которое гласило: «Императорское правительство в высшей степени ценит дружественное расположение, *снова проявленное* правительством Соединенных Штатов *в виде благоприятного отклика* на желание императорского правительства и быстрого отзыва миссии США из Кореи»³.

Не подозревая того, что американское правительство занимает позицию, противоречащую американско-корейскому договору 1882 г., корейское правительство стремилось в меру своих сил и возможностей добиться от США выполнения подписанного ими договора с Кореей.

Видя бездействие американского правительства, император Кореи принял меры к тому, чтобы информировать президента Соединенных Штатов Америки Т. Рузвельта о необходимости и важности для Кореи американской по-

¹ Chung H., The Oriental Policy of the United States, New York 1919, p. 253.

² «U. S. Foreign Relations», 1905, p. 613.

³ Ibidem. Подчеркнуто нами.— П. С.

мощи против Японии. С этой целью он послал своего личного представителя (американца Хальберта) в Вашингтон с тайным посланием к Т. Рузвельту, ибо согласно первому пункту договора 1882 г. американское правительство могло не предлагать своих «добрых услуг» Корею до тех пор, пока корейское правительство само не информирует США о положении в Корее и о необходимости помощи.

Перед отъездом из Сеула тайный эмиссар императора Хальберт навестил Моргана. В беседе с последним Хальберт рассказал о цели своей поездки в США. Американский посланник не только не возражал против этой поездки, но и разрешил Хальберту переслать дипломатической почтой послание императора, с тем чтобы по прибытии в Вашингтон это письмо было передано другу Хальберта, видному американскому конгрессмену, которому Хальберт адресовал письмо (посланец императора опасался нападения на него японцев, узнавших об этом письме).

Прибыв в Вашингтон и взяв письмо у своего друга, Хальберт попросил конгрессмена сообщить президенту о своем приезде из Сеула с очень важным посланием императора Кореи.

Содержание письма императора было известно государственному департаменту из телеграммы Моргана, отправленной им сразу же после беседы с Хальбертом.

Однако корейскому представителю в Вашингтоне чинились всевозможные препятствия, чтобы он не имел возможности лично передать президенту США письмо императора о помощи Корею. Президент Т. Рузвельт и государственный секретарь Рут дожидались того момента, когда Япония добьется от Кореи «добровольного» отказа от своей независимости. Президент Рузвельт так и не принял Хальберта.

После получения от японского правительства уведомления о заключении договора с Кореей (от 17 ноября 1905 г.) государственный секретарь США Рут направил письмо посланцу корейского императора¹, в котором заявил о том, что правительство Кореи уже заключило то самое соглашение, о котором император писал, что не желает его заключать. Рут, таким образом, давал понять,

¹ *Chung H.*, *op. cit.*, p. 256; см. также *А. Добрынин*, *США и независимость Кореи (1904—1905 гг.)*.

что судьба Кореи решена и дальнейшие действия посланца ни к чему не приведут.

В то же время президент США Т. Рузвельт ханжески заявлял Руту: «Я внимательно прочел письмо корейского императора, которое Хальберт вручил Вам... С Ваших слов я понял, что корейские представители здесь, насколько Вам известно, не знают о существовании этого письма, и Хальберт считает, что по просьбе императора письмо следует держать в секрете и никому, а особенно японцам, о нем не сообщать. Конечно,— продолжал лицемерно Т. Рузвельт,— эти обстоятельства делают невозможным для нас рассматривать это письмо как официальный документ, ибо у нас нет путей для официальной акции... Между тем, с тех пор как написано это письмо (корейского императора), нас официально поставили в известность, что корейское правительство заключило то самое соглашение с Японией, которого император, по его словам, не хотел заключать. Суммируя все это, я не вижу, какие практические шаги мы смогли бы предпринять»¹.

Получив письмо государственного департамента с отрицательным для Кореи ответом, корейский посланец не переставал действовать. Ссылаясь на полученную от императора Кореи телеграмму, в которой последний сообщал своему посланцу, что он (император) не подписывал договор от 17 ноября, а что договор подписан только некоторыми членами кабинета, Хальберт продолжал добиваться от государственного департамента положительного ответа. Однако все его попытки оказались безуспешными.

Не получив обусловленной договором 1882 г. помощи США, император Кореи сделал еще одну попытку договориться с государственными деятелями США о защите интересов Кореи. По его поручению государственный департамент посетил бывший корейский посланник во Франции и старался убедить Руту в том, что договор от 17 ноября был подписан некоторыми членами кабинета под нажимом японцев, что он (договор) поэтому недействителен и что император просит США выступить и оказать, наконец, свои «добрые услуги». Это обращение также не привело ни к каким результатам.

¹ *Dennett T.*, op. cit., p. 304—305.

Испытывая ненависть к японским захватчикам, корейский император обращался к общественному мнению США и Великобритании с просьбой помочь восстановить утерянную самостоятельность страны. Так, в начале 1906 г. либеральная английская газета «Трибюн» поместила на своих страницах сообщение специального корреспондента Дугласа Стори из Чифу, в котором говорилось о том, что последний имеет письменные полномочия корейского императора публично опровергнуть законность договора от 17 ноября и заявить, что император не давал согласия на установление протектората. Но и эта акция не имела успеха.

Руководящие деятели США и не собирались выполнять свои обязательства в соответствии с американо-корейским договором 1882 г. Теперь, когда они «благословили» японских милитаристов на установление протектората над Кореей, все прежние заявления и обещания о «добрых услугах» и помощи, о сохранении суверенитета и независимости Кореи, с которыми неоднократно выступали официальные представители США, были забыты.

В соответствии с указанием государственного департамента 24 ноября 1905 г. была закрыта миссия США в Корее¹. В конце ноября, уезжая из Сеула, американский посланник Морган заявил, что вместо миссии учреждается генеральное консульство². Соединенные Штаты оказались первой страной, которая согласилась отозвать свою миссию из Сеула. Примеру американского посланника последовали английский, германский и другие иностранные представители в ранге посланников. «Все они по собственному почину держав были заменены консулами»³.

Так в результате своекорыстной политики США, политики «дальнего прицела» Япония выполнила первую часть «своей задачи в Корее»⁴ — установила над ней протекторат.

Военный министр Тафт, одобрительно отозвался о японской политике в Корее. Он заявлял: «Важнейшим долгом Японии является обновление Кореи. Весь мир должен доверять политике Японии, стремящейся создать

¹ *Dennett T.*, *op. cit.*, p. 305.

² АВПР, Сеул, д. 16, Плансон — Извольскому, 10 августа 1906 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

в этой отсталой стране систему, построенную на основе просвещения и справедливости»¹. А весной 1906 г. американский посол в Токио Райт официально заявил, что президент Т. Рузвельт считает «дружбу между Соединенными Штатами и Японией главным залогом счастья и благополучия всех народов, сгруппированных вокруг Тихого океана»².

Эти заявления свидетельствовали о благожелательном отношении США к японским оккупационным действиям в Корее.

После «заключения» японо-корейского договора 1905 г. токийское правительство осуществило целый ряд мероприятий, направленных на окончательное превращение Кореи в японскую колонию.

В январе 1906 г. был официально опубликован приказ о ликвидации корейского министерства иностранных дел, а 1 февраля в Сеуле учреждено генерал-резидентство. Первым генеральным резидентом был назначен Ито Хиробуми, один из виднейших сановников Японии. Среди немногих лиц ему был разрешен свободный доступ к японскому императору, а также присутствие на всех заседаниях японского правительства.

Назначение Ито подчеркивало исключительно важное значение Кореи, ее место и роль в агрессивной политике Японии на Дальнем Востоке. В подчинении генерал-резидента находился многочисленный штат японских чиновников (гражданских и военных), назначенных в различные учреждения и в различные районы Кореи.

В первых числах февраля иностранные представители в Корее получили от своих правительств указание о том, что маркиз Ито Хиробуми является генеральным резидентом в Корее, а все японские консулы — резидентами в портах и что иностранным представителям по всем корейским делам надлежит сноситься с вновь назначенными японскими властями³.

После проведения японцами насильственных реформ, направленных на полное подчинение Кореи, государственное устройство Кореи получило следующий вид: во гла-

¹ «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М. 1953, стр. 150.

² АВПР, Токио, д. 135, секретная депеша Бахметьева от 18 (31) мая 1906 г.

³ АВПР, Сеул, д. 16, Плансон — Извольскому, 10 августа 1906 г.

ве государства продолжал оставаться монарх, при нем оставались все министры, за исключением министра иностранных дел, остался также и Совет министров¹, который формально собирался под личным председательством императора. Во всех больших провинциальных городах остались корейские губернаторы, в уездных — уездные начальники, а в Сеуле — градоначальник.

Однако эта структура государственного управления являлась фикцией и формальным прикрытием для установления фактического господства со стороны японских властей. Вся власть в стране была сосредоточена в руках японских империалистов во главе с Ито Хиробуми.

Все корейские государственные органы, сообщал Плансон, имеют власть чисто номинальную, так как «рядом с ними есть соответствующие японские власти»: в городах и портах Кореи — резиденты; при корейских министрах — японские советники, которые дают «советы по указанию генерального резидента Ито»².

Уже 25 августа 1906 г. Япония учредила в Корею свой верховный суд. В официальном заявлении по этому поводу сообщалось, что «японский Верховный суд есть чрезвычайный и высший орган в Корею. Ему будут подсудны как японцы, так и корейцы»³.

Номинальное сохранение корейского государственного аппарата понадобилось японским империалистам для лавирования, для преодоления народного недовольства, возбужденного японской колониальной политикой. С этой целью была также создана еще в августе 1904 г. про-японская организация, получившая название «Ильчинхве» («Единое прогрессивное общество»), которая во время русско-японской войны оказывала активную помощь Японии. После победы Японии «Ильчинхве» открыто выступала с требованием передачи Кореи под протекторат Японии, вела широкую агитацию за аннексию Кореи Японией. Японские империалисты оказались главными врагами корейского народа не только в области политической, но и в области экономической. Уже после японо-китайской войны японская буржуазия занимала господствующее положение в корейской внешней торговле.

¹ Председателем Совета министров был оставлен Пак Че Сун.

² АВПР, Сеул, д. 16, Плансон—Извольскому, 10 августа 1906 г.

³ АВПР, Сеул, д. 17, Плансон — Извольскому, 26 августа 1907 г.

Япония вывозила из Кореи сырье и продовольствие. Из Японии в Корею вывозились промышленные изделия. Свыше $\frac{4}{5}$ всех кораблей, посещавших корейские порты, принадлежало Японии.

Используя режим генерал-резидентства, являвшийся аппаратом колониального угнетения, японский капитал занимал в стране первое место среди иностранного капитала и стремился подчинить себе всю экономическую жизнь корейского общества.

Удельный вес корейского национального капитала (данные за 1911 г.) не превышал 17% общих вложений акционерных капиталов¹.

Под благовидным предлогом «развития» корейского сельского хозяйства Япония в 1908 г. образовала Восточно-колониционное общество (ВКО) с капиталом в 10 млн. иен². Задача этого Общества состояла в том, чтобы захватить в свои руки возможно больше корейских земель. Кроме того, с помощью названного Общества предполагалось создать в Корее густую сеть японских военных поселений. Японские поселенцы в нужный для Японии момент могли быть использованы в качестве военной силы.

Подчинение корейской экономики японским монополиям³ облегчало колонизаторскую деятельность Японии, направленную к полной ликвидации корейского государства.

Колонизаторские мероприятия японских империалистов вызвали в корейском народе мощное антияпонское движение.

Национально-освободительное движение корейского народа развивалось под влиянием первой русской рево-

¹ См. *Ким Дендо*, О зарождении капиталистических отношений в Корее (конец XIX — начало XX века), автореферат, М. 1953, стр. 11.

² «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 154.

³ В 1908 г. в Корее насчитывалось 80 японских акционерных компаний с капиталом 7 960 010 иен, из них торговых компаний было 38 с капиталом 5 522 260 иен, т. е. капитал торговых компаний составлял 69,3% всех капиталовложений акционерных фирм.

В горнорудной промышленности хозяйничали японские фирмы: Фурукава, Мейдзи, Фудзита, Мицуи и др. (см. «Annual Report on Reforms and Progress in Chosen (Korea) (1912—1913)», Seoul 1914, p. 180—181.

люции 1905—1907 гг., оказавшей глубокое воздействие на корейское общество.

Проводниками идей русской революции среди корейских патриотов, активно участвовавших в национально-освободительном движении в Корее, явились прежде всего вернувшиеся из России корейские отходники (их в одной только Приамурской области насчитывалось более 20 тыс. человек) и политэмигранты; некоторые из них принимали непосредственное участие в революционных событиях в России, выступая вместе с русским рабочим классом против царского самодержавия.

Во Владивостоке корейцам еще в 1893 г. был отведен особый квартал, называвшийся «корейской слободкой»¹. Многие из трудящихся «слободки», как и других районов Владивостока, принимали участие в митингах, демонстрациях, в октябрьской всеобщей забастовке 1905 г. Корейские эмигранты издавали во Владивостоке свои газеты, способствовавшие распространению среди народных масс Кореи идей демократизма. Среди политэмигрантов было немало корейских патриотов, выступавших против японского оккупационного режима, установленного в Корее.

Важно также подчеркнуть, что распространению прогрессивных идей в Корее способствовали существовавшие к началу XX в. между Россией и Кореей культурные связи. Корею посещали русские ученые, путешественники, мореплаватели, писатели.

После 1905 г. в Корее наблюдался подъем демократического движения в форме культурно-просветительной деятельности, которое зародилось в стране еще в конце XIX века. Под руководством буржуазных элементов был создан ряд организаций, провозглашавших борьбу за подъем образования в стране и развитие промышленности, как основное условие сохранения национальной независимости Кореи. «Рассматривая национально-освободительное культурно-просветительное движение в Корее в связи с развернувшимся мировым революционным и демократическим движением,— отмечает корейский историк Ли Чен Вон,— мы не можем не видеть того, что

¹ См В. В. Граве, Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье, Слб. 1912, стр. 183—184.

оно возникло под влиянием идей первой русской революции»¹.

Выступая за национальную независимость Кореи, за развитие промышленности и науки в стране, руководители культурно-просветительного движения рассчитывали осуществить это путем реформ сверху. Революционные методы борьбы им были чужды. Они пропагандировали мирные формы и средства борьбы за экономическое развитие страны и за ее независимость. Однако, несмотря на это, движение имело прогрессивное для своего времени значение, так как антияпонская направленность просветительской деятельности была совершенно очевидна. Оно было заострено против иностранного — японского — господства, против давно устаревших феодальных порядков, сохранившихся в стране.

Следует отметить, что американские империалисты пытались использовать в своих целях подъем просветительного движения в Корее. США наводнили Корею своими агентами-миссионерами, создав в стране многочисленные организации, являвшиеся рассадниками американского влияния. Однако эти организации не пользовались большим влиянием среди корейского народа².

Глубокое влияние на борьбу корейского народа за независимость и прогресс оказало развернувшееся в начале XX в. мощное демократическое движение китайского народа против империализма и феодализма. В период японского господства многие корейцы эмигрировали в Китай и активно боролись за независимость своей родины против японской агрессии в Корее.

В конце 1905 г. народное возбуждение по всей стране резко усилилось. Корейский народ враждебно встретил японо-корейский «договор о защите». Газета «Хвансен ирбо» назвала день опубликования «договора о защите» «днем всенародной скорби».

«Плачь, страна, в этот день!» — говорилось в одной из листовок, напечатанной в Сеуле. Возмущенные патриоты клялись бороться до последней капли крови.

В рассматриваемый период в Корее произошли мно-

¹ Ли Чен Вон, цит. соч., стр. 158.

² См. Ф. И. Шабшина, Освободительное движение корейского народа, «Первая русская революция и международное революционное движение», стр. 458.

гочисленные восстания. Как отмечали японские власти, основным мотивом восстаний было стремление покончить с японским протекторатом в Корее.

Антияпонское движение корейского народа проходило под лозунгами «Долой протекторат!», «Долой японских захватчиков!», «Долой изменников родины!». Как писал русский консул в Сеуле в январе 1906 г. в стране «стали появляться повсюду прокламации с требованием уничтожения протектората. Затем повсеместно начались вспышки народного волнения против японцев... Весь май и часть июня (1906 г. — П. С.) прошел в упорной борьбе японских и отчасти корейских войск с инсургентами»¹ — так именовал царский дипломат восставший народ.

По всей стране стихийно создавались тайные организации, ставившие основной задачей борьбу с японскими колонизаторами и их разбойничьей деятельностью в Корее. В первой половине 1906 г. был обнаружен большой заговор в Сеуле.

В борьбу за сохранение суверенного корейского государства втягивались не только трудящиеся массы, но и другие патриотически настроенные силы корейского общества, глубоко ненавидевшие японских захватчиков. Это вынужден был признать генеральный резидент Ито. В одном из своих выступлений, приведенном в донесении русского представителя в Сеуле, Ито заявлял о том, что «корейцы обладают духом единства и национальности и ревниво охраняют независимость своей страны»².

Несмотря на жестокие репрессии японских властей, антияпонская борьба не ослабевала. «...Волнения на полуострове в сущности не прекращаются. Ежедневно газеты заносят в свою хронику то убийство японского сборщика податей или японского чиновника, то столкновения с японскими войсками, жандармами или полицейскими, то образование общества патриотов, решивших казнить предателей, подписавших с японцами договор о протекторате, то покушения на высших японских должностных лиц и т. д.»³.

В то же время корейский император все еще надеялся, что ему удастся сохранить свою власть. Его безре-

¹ АВПР, Сеул, д. 16, Плансон — Извольскому, 10 августа 1906 г.

² АВПР, Сеул, д. 16, Плансон — Извольскому, 26 января 1907 г.

³ АВПР, Сеул, д. 17, Плансон — Извольскому, 3 января 1907 г.

зультатное обращение к правительству США в связи с установлением протектората ничему его не научило.

Корейский император «подчинился силе, — доносил Плансон,— но, по-видимому, далеко не примирился со своим новым положением»¹.

Полагая, что спасти страну можно лишь путем апелляции к международному посредничеству, император тайно от Японии направил своих представителей на Гаагскую международную мирную конференцию. Эта делегация должна была раскрыть представителям Англии, США, Франции, царской России и др. ужасы японского хозяйничанья в Корее, заявить о грубом нарушении японским империализмом независимости Кореи.

Император Кореи поручил также заявить о том, что некоторые державы «совершенно бросили на произвол судьбы целое государство, забывая не только свои обязательства по отношению к этому государству (причем Его Величество ссылается на договор с Америкой), но и свои собственные, иногда крупные интересы, каковые имеются у Америки и Англии»². Три тайных посланца Кореи в июне 1907 г. прибыли в Гаагу. Они огласили на заседании конференции личное послание Кочжона (императора). В их заявлении разоблачались варварские насилия японских империалистов. Посланцы в своем заявлении просили державы помочь Корее восстановить независимость³.

Задача отстаивать суверенитет своей страны против англо-американо-японских империалистов, против агрессивного и беззастенчивого врага корейского народа, который имел тайную поддержку Белого дома и английского кабинета, была в тех условиях непосильной для малой державы. Попытка императора добиться помощи международной конференции, где руководящее место принадлежало странам, способствовавшим установлению японского протектората над Кореей, потерпела полную неудачу. Отчаявшись спасти свою страну, один из корейских посланцев тут же на конференции покончил жизнь самоубийством.

¹ АВПР, Сеул, д. 16, Плансон — Извольскому, 10 августа 1906 г.

² АВПР, Сеул, д. 16, Плансон — Извольскому, 29 декабря 1906 г.

³ См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 156.

Корея, признанная в свое время США, Францией, Англией и другими великими державами самостоятельным, независимым государством, была отдана на растерзание японским милитаристам. В лондонском «Таймс» было издевательски заявлено, что «конференция занята колоссальной работой, и она не имеет времени рассматривать законченные вопросы»¹. Для империалистов США и Англии вопрос о независимости и суверенитете Кореи был уже решенным, законченным вопросом.

Обращение корейской делегации к международной конференции японское правительство расценило как нарушение японо-корейского договора от 17 ноября 1905 г. Японские империалисты пришли в негодование. Они «стали требовать, чтобы корейский император лично поехал в Японию извиняться»² перед японским императором. Японские политические деятели, зная о позиции США и Англии по вопросу о Корее, бесцеремонно заявили, что план обращения к Гаагской международной мирной конференции был лишен здравого смысла и поэтому императора, одобрявшего это обращение, «можно заключить под арест как человека не в своем уме»³. Поездка в Японию корейского императора означала фактическое пленение его.

Император всячески отказывался от поездки в Японию, он категорически протестовал против передачи государственного управления своему слабому здоровьем безвольному наследнику. Но, оказавшись беспомощным противостоять все возраставшему давлению со стороны японцев и убедившись в том, что США не желают выполнять условий договора 1882 г., император вынужден был отречься, уступив императорский трон своему сыну.

Инспирированное японскими властями отречение императора вызвало новый подъем борьбы. В Сеуле, не говоря уже о других городах, вооруженные столкновения с японцами продолжались в течение 7 дней.

Японские власти ответили жестоким террором на народное движение. В то же время устами генерального резидента Ито японское правительство еще до этого события лицемерно заявило, что задача Японии — под-

¹ «Times», July 8, 1907; *Nelson M. F.*, op. cit., p. 278.

² АВГР, Сеул, д. 17, Плансон — Извольскому, 12 июля 1907 г.

³ *Nelson M. F.*, op. cit., p. 278.

держивать «целостность и независимость» Кореи, «о присоединении коей она и не помышляет. Истинные намерения Японии — развивать благосостояние страны»¹. Такие заявления были рассчитаны на обман как мирового, так и корейского общественного мнения, чтобы иметь возможность без помехи продолжать свою захватническую политику в Корее.

В обстановке разраставшегося патриотического движения предатели народа, державшиеся у власти лишь с помощью японских штыков, поспешили по приказу Ито заключить корейско-японский договор от 24 июля 1907 г., так называемый «договор семи статей».

Согласно этому договору генеральный резидент стал ведать всеми государственными, общественными и административными делами Кореи. В июле 1907 г. Япония добилась от продажной правящей клики во главе с новым императором указа об упразднении последних немногочисленных корейских правительственных войск.

В момент расформирования корейской армии японские империалисты и предательская феодальная правящая верхушка встретили ожесточенное сопротивление со стороны патриотически настроенной части императорских вооруженных сил.

В Сеуле у южных ворот корейские войска не сдали оружия, они открыли огонь по японским отрядам. 1300 солдат и офицеров в последний момент смыли с себя позор, дав жестокий уличный бой чужеземным захватчикам без всякой надежды на победу².

Частями оккупационной армии и жандармерии восстание было жестоко подавлено³.

¹ АВПР, Сеул, д. 17, Плансон — Извольскому, 26 января 1907 г.

² См. *Ким Чер Ен*, Борьба корейского народа против японской агрессии, журнал «Новая Корея» № 2, 1954 г., стр. 56.

³ «Началась ужасная бойня. Японцы окружили казармы и расстреливали людей из пулеметов. Отчаянный бой продолжался более двух часов... Бой был неравный; корейцы были побеждены, часть их была перебита, часть взята в плен и около 200 человек разбежались, причем многие скрывались от преследования в соседних корейских домах. Тогда началась самая ужасная часть этой драмы. На помощь войскам, ходившим по городу и разыскивавшим беглецов, явились японские хулиганы (соси), всегда игравшие в Корее видную роль во время подобных беспорядков. Они вытаскивали корейских солдат из домов, волокли их по улицам и избивали пал-

В период с 1905 по 1911 г. в Корее широко развернулась партизанская борьба, известная в корейской истории как движение Армии справедливости («Ыбен»). Армия справедливости возникла в период крестьянской войны в Корее в конце XIX века и вела борьбу против феодальной династии Ли и иноземных захватчиков. «Ыбен» была в своей основной массе крестьянской организацией, включавшей и рабочих (в первую очередь приисковых) и городскую бедноту, а также разорившихся в связи с японской конкуренцией торговцев, кустарей, ремесленников и представителей других слоев населения.

С 1905 г. партизанское движение Армии справедливости приобрело антияпонский характер.

Антияпонское движение с каждым месяцем ширилось и приобретало характер массового народного движения. В результате активной борьбы восставших японцы могли появляться только на линии железнодорожных магистралей, а корейские предатели должны были скрываться от народного правосудия под защитой японских солдат.

В этот период происходит усиление антифеодальной борьбы корейского народа. В ряде случаев выступления против японцев сопровождались борьбой с ненавистными феодальными порядками, с произволом помещиков и чиновников.

В 1908 г. движение не только не ослабевало, а грозило еще больше расширяться. «...Восстание приняло хронический упорный характер...» — сообщал генконсул Сомов¹. «Несмотря на зимнее время, затишья, на которое рассчитывали японцы, не наступило, и восстание продолжается с удвоенной силой»².

Для подавления развернувшегося патриотического движения японские власти организовывали карательные экспедиции, которые сжигали подчас целые деревни и жестоко расправлялись с мирным населением — стариками, женщинами и детьми. Вместе с этим была реорганизована жандармерия. Однако все это не дало желаемых результатов, не принесло успокоения страны.

ками на глазах у публики. Подобные бесчинства продолжались до поздней ночи...» — писал очевидец — русский дипломат (АВПР, Сеул, д. 17, Плансон — Извольскому, 26 июля 1907 г.).

¹ АВПР, Сеул, д. 18, Сомов—Извольскому, 28 октября 1908 г.

² Там же.

После ряда лет хозяйничания в Корее японское правительство вынуждено было, как писал царский посол в Токио, принять «более энергичные, нежели доселе, меры для подавления все еще длящегося»¹ восстания корейского народа. В связи с большим размахом народного сопротивления весной 1909 г. были в спешном порядке проведены заседания военного совета по выработке еще более эффективных, по мнению японцев, мер для борьбы с патриотами. Прежде всего была увеличена численность оккупационной японской армии. Было решено еще энергичнее уничтожать повстанцев на островах и в других районах страны. Стали проводиться и другие, более жестокие меры против корейцев.

Японский империализм стремился «мирным путем» окончательно завладеть Кореей². Уже к концу 1909 г. все отрасли внутреннего управления были насильственно сосредоточены в руках японских властей. Только в области образования, хотя оно и подчинялось японской инспекции и учебные программы утверждались генеральным резидентом, полная ликвидация существовавшей системы представляла большие трудности для японского правительства. Дело в том, что в Корее большое число школ принадлежало американским миссионерам, что в зна-

¹ АВПР, Токио, д. 915, Малевский-Малевиц — Сазонову, 16 июля 1909 г.

² Используя различные формы и методы подавления борьбы корейского народа, японские империалисты стремились повлиять на население Кореи авторитетом императора. Слабоумный корейский император Ли Чон неоднократно издавал различные «воззвания к народу», составленные по указке генерал-резидента, в которых призывал прекратить сопротивление, сложить оружие и вернуться к «мирной жизни», обещая всем прощение. Кроме этого, Ито Хиробуми решил «прибегнуть к новому неиспробованному средству, а именно, возить императора по Корее и выставлять его народу как противника восстания. Одним словом, — пишет Сомов, — в их (японских. — П. С.) руках имеется еще одно оружие — престиж императора, который они до сего времени усиленно унижали. Они вынули его из футляра, пообчистили и пустили в ход» (АВПР, Сеул, д. 18, Сомов — Извольскому, 30 декабря 1908 г.).

Подводя итог путешествию императора, генконсул Сомов утверждал, что «...поездка, кроме нескольких обрезанных пучков волос, не дала положительных результатов. Император же утратил и ту небольшую популярность, которая сохранилась в стране не за ним, а за самим титулом императора... сила императорского престижа оказалась слабее национального чувства и сломилась...» (АВПР, Сеул, д. 19, Сомов — Извольскому, 28 января 1909 г.).

чительной степени препятствовало Японии провести коренную ломку и в этой области.

Несмотря на то, что США проводили политику поощрения японской агрессии в отношении Кореи (это было главной линией американской политики в корейском вопросе), американские капиталисты в то же время стремились по возможности осуществлять в Корее такие мероприятия, которые создавали бы дополнительные трудности для «освоения» японцами этой страны.

Для осуществления своих коварных замыслов правительство США использовало деятельность американских миссионеров в Корее. Это обстоятельство было отмечено японским ставленником — корейским министром внутренних дел Сонга, который в беседе с корреспондентами в начале 1909 г. заявил, что проводимой Японией политике в Корее мешают корейские христиане, за спиной которых стояли их подстрекатели — американские миссионеры¹.

Заявление Сонга означало предупреждение со стороны Японии, сделанное через подставное лицо, чтобы довести до сведения правительства США недовольство японских властей деятельностью американских миссионеров в Корее. Комментируя заявление Сонга, японская печать советовала американскому правительству обратить внимание на деятельность своих миссионеров².

Лицемерно прикрываясь разговорами о распространении христианства, американские миссионеры в Корее являлись орудием американской политики, усердно служили захватническим интересам финансовой олигархии. Развивая активную деятельность среди корейского населения, миссионеры подготавливали почву для американских капиталистов. «Американские миссионеры, — иронически сообщал русский представитель в Сеуле, — к первой странице библии незаметно умудрялись приложить и интересы американские»³.

Вашингтонское правительство использовало миссионеров в Корее в качестве шпионов, платных агентов военно-политической разведки. На миссионерскую дея-

¹ АВПР, Токио, д. 914, Малевский-Малевич — Извольскому. 27 февраля 1909 г.

² Там же.

³ АВПР, Сеул, д. 20, Сомов — Сазонову, 10 апреля 1910 г.

тельность отпускались огромные средства. Так, например, в 1910 г. «благотворительные» расходы американских миссионеров в Корее были увеличены на 1,5 млн. руб.¹

Русский представитель в Сеуле сообщал также, что, располагая миллионными суммами и поддержкой со стороны правительства, американские миссионеры «в последнее время заняли здесь первое место»² и проводят большую деятельность среди корейского населения в ущерб японской политике. Вот характерная деталь «проповеди» миссионеров США: на первых уроках, после того, как корейских слушателей знакомили с ужасами ада, которому, кстати сказать, американские миссионеры всегда уделяли особое внимание, со стороны слушателей задавался вопрос: «куда же в таком случае пойдут японцы?» Американские миссионеры, «к великому восторгу учеников, с полной готовностью отправляли японцев в ад»³.

Влияние американских миссионеров в начальных школах Кореи было весьма существенным. Из 2 тыс. начальных школ одна тысяча находилась под надзором миссионеров, кроме того, 350 школ были устроены миссионерами при церквях. Многие школы, как сообщал Сомов, являлись собственностью американских миссионеров⁴. Активная деятельность американских миссионеров в школьном образовании затрудняла реорганизацию системы образования в Корее по японскому образцу.

Не без санкции Вашингтона весной 1910 г. в Сеуле состоялся съезд миссионеров, который принял широкую программу, направленную на усиление миссионерской деятельности. Перед миссионерами США была поставлена задача «приложить все старания», чтобы добиться обращения в христианство одного миллиона корейцев⁵.

¹ АВПР, Сеул, д. 20, Сомов — Сазонову, 3 декабря 1910 г. (русский консул Сомов сделал пересчет американских долларов на рубли).

² АВПР, Сеул, д. 20, Сомов — Сазонову, 10 апреля 1910 г.

³ АВПР, Сеул, д. 19, Сомов — Извольскому, 11 марта 1909 г.

⁴ Там же.

⁵ Деятельность русских миссионеров в Корее развивалась очень слабо. Исходя из общей установки царского самодержавия в отношении Кореи, в изучаемый период русское правительство совершенно не предоставляло средств для работы духовной миссии. «Дело их (русских миссионеров в Корее. — П. С.) сравнительно очень маленькое, и, кроме того, начальник нашей духовной миссии, архи-

Оценивая деятельность миссионеров США, направленную против Японии, Сомов сообщал своему правительству, что «миссионерский вопрос выступает в Корее на очередь и вряд ли разрешение его, по крайней мере по отношению к миссионерам американским, пройдет гладко и не создаст Японии значительных затруднений»¹. Уже в 1909 г. американские миссионеры неоднократно подвергались нападкам японской печати. Их обвиняли в поддержании среди корейцев антияпонских настроений².

Американские империалисты использовали в качестве своей агентуры в Корее не только американских миссионеров, они имели своих слуг и вне страны. В числе агентов американского империализма с 1905 г. был небезызвестный Ли Сын Ман (Син Ман Ри). Проживавший тогда на Гавайях, Ли Сын Ман обратился к президенту Т. Рузвельту с письмом, в котором призывал оказать содействие против японцев. Под предлогом защиты Кореи от Японии он предлагал американскому империализму установить американское господство в Корее. Впоследствии, после второй мировой войны, американские реакционные круги использовали усердие Ли Сын Мана, предоставив ему роль главы зависимого от США южнокорейского правительства.

Деятельности американских миссионеров японское правительство решило противопоставить свою миссионерскую деятельность. Еще до объявления аннексии Кореи японские миссионеры-христиане в большом количестве двинулись на Корейский полуостров. Японские власти снабжали их денежными средствами и возложили на них обязанность разведчиков в среде миссионеров³, в первую очередь среди американских «проповедников».

Помимо того, летом 1910 г. японское правительство направило в Корею около 100 бонз-буддистов, которые сразу же приступили к обработке новообращенных хри-

мандрит Павел... приложил все усилия, чтобы стать совершенно в стороне от корейско-японских политических отношений» (АВПР, Сеул, д. 20, Сомов — Извольскому, 16 июля 1910 г.).

¹ АВПР, Сеул, д. 20, Сомов — Сазонову, 10 апреля 1910 г.

² АВПР, Сеул, д. 19, Сомов — Извольскому, 16 июля 1909 г.

³ Там же.

стиан-корейцев. Всячески восхваляя активную деятельность японских миссионеров, японская печать требовала установления строгого контроля за деятельностью миссионеров и особенно над воспитанием корейской молодежи, где большую роль, как отмечалось, играли миссионеры США.

Считаясь с подрывной деятельностью американских миссионеров в Корее, японское правительство вынуждено было проявлять известную осторожность в реализации намеченного плана реорганизации образования в Корее. «Едва ли можно сомневаться в том, — писал Малевский-Малевиц, — что в ближайшем будущем японцы постараются подчинить своему непосредственному контролю бесчисленные миссионерские школы, покрывшие Корею сетью очагов иностранного влияния. Задача эта потребует большого такта и большой осторожности, так как за протестантскими миссионерами стоит американское правительство и моральное сочувствие всех протестантских народов Европы»¹.

Анализируя действия Японии в Корее, русские дипломаты еще весной 1909 г. сообщали своему правительству, что «для лиц, близко следящих за политикой Японии в стране утреннего спокойствия, не может быть сомнения, что нынешний фактический протекторат Японии над соседним государством должен, в конце концов, неминуемо привести к аннексии»².

В 1909 г. японские империалисты решили поставить вопрос об аннексии Кореи. Не решаясь действовать открыто, в Токио сочли удобным «испробовать почву для возбуждения... вопроса о присоединении, но так, чтобы почин принадлежал как бы самим корейцам»³.

Изменники корейского народа, завербованные японцами в общество «Ильчинхве», заискивая перед своими хозяевами, осенью 1909 г. подали правительству Японии, а также «правительству» Кореи так называемую петицию об аннексии. Обращение «Ильчинхве» давало основание японскому правительству заявить о том, что сами, мол,

¹ АВПР, Токио, д. 916, Малевский-Малевиц — Извольскому, 4 июня 1910 г.

² АВПР, Токио, д. 914, Малевский-Малевиц — Извольскому, 10 апреля 1909 г.

³ АВПР, Сеул, д. 19, секретная телеграмма Сомова от 5 (18) апреля 1909 г.

корейцы желают присоединения своей страны к японской империи.

Действия японского правительства во многом напоминали приемы американских империалистов в деле подчинения отсталых стран и закабаления малых народов. Этого не отрицали и в Японии. В интервью, данном представителям японской буржуазной прессы, бывший министр иностранных дел граф Хаяси заявил, что он находит «полную аналогию между настоящим положением Кореи и Гавайских островов до присоединения их к Америке». Хаяси имел основание для аналогии: как «Ильчинхве» в Корее, так в свое время и временное республиканское правительство (состоявшее из ставленников США) на Сандвичевых островах выступало за присоединение их к Соединенным Штатам¹.

Несмотря на то, что США и Великобритания поощряли японскую политику захватов в Корее, было неизвестно, как отнесутся эти державы к аннексии Кореи и включению ее в состав японского государства. События, последовавшие в американо-японских отношениях после 1905 г., давали основание к тому, чтобы еще раз провернуть отношение великих держав к факту поглощения Кореи. Вот почему в Токио все же опасались возражений со стороны США и европейских держав против аннексии Кореи Японией.

Инспирированное японскими властями обращение общества «Ильчинхве» служило как бы пробным шаром для выяснения окончательной позиции других держав по вопросу о включении корейского государства в состав Японской империи. Со стороны великих держав возражений не последовало. Это придавало больше уверенности японскому империализму в направлении аннексии Кореи.

Провокационное выступление общества «Ильчинхве» вызвало сильное негодование населения. Члены общества вынуждены были бежать в Сеул «под защиту японцев»².

Чтобы подавить сопротивление корейского народа, японские империалисты предприняли дополнительные колонизаторские мероприятия.

¹ АВПР, Сеул, д. 19, секретная телеграмма Сомова от 29 ноября (12 декабря) 1909 г.

² Там же.

30 мая 1910 г. военный министр Японии генерал Тераути был по совместительству назначен генерал-резидентом Кореи. Тераути являлся ярким сторонником более жесткой политики в Корее. Он считал, что корейцы должны быть «либо подчинены, либо уничтожены»¹.

Тераути установил контроль за корейской печатью, запретил собрания и даже заседания легальных обществ. Была создана колоссальная шпионская сеть. К берегам Кореи подошли японские военные корабли². Сеул был объявлен «как бы на военном положении»³.

Восхваляя осуществленные в Корее мероприятия, подготавливавшие ее аннексию, буржуазная пресса Японии напутствовала генерала Тераути советом: «покончить с нынешним неопределенным положением и скорее присоединить Корею»⁴. Назначению японского военного министра на пост генерального резидента в Корею царская дипломатия придавала особое значение. Посол Малевский-Малевич сообщал, что «Япония сделала ныне весьма серьезный шаг. Главное управление Кореи перенесено в Токио и вручено военному человеку»⁵.

Методично осуществляя присоединение Кореи, японское правительство спустя некоторое время после назначения Тераути указом императора от 21 июня 1910 г. учредило колониальное бюро. Председателем этого бюро был назначен премьер Японии Кацура, а вице-председателем — барон Гото (председатель тайного совета). В указе императора Японии говорилось, что «колониальное бюро подчиняется министру-президенту и ведает делами, касающимися Формозы, Сахалина и Кореи».

Этой новой мерой устанавливалась административная связь между Кореей и Японией, которая до этого времени осуществлялась через особо назначаемое императором лицо — генерал-резидента. Таким образом, управление Кореи оказалось подведомственным японскому прави-

¹ *Nelson M. F.*, *op. cit.*, p. 283.

² См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 161.

³ АВПР, Сеул, д. 20, Сомов — Сазонову, 12 августа 1910 г.

⁴ АВПР, Сеул, Токио, д. 916, газета «Нити-Нити», донесение Малевского-Малевича от 4 июня 1910 г.

⁵ АВПР, Токио, д. 916, донесение Малевского-Малевича от 4 июня 1910 г.

тельственному учреждению, Корея стала управляться как колониальная страна, т. е. «без парламентского шума и газетного неистовства, — резюмировал Малевский-Малевич, — Корея приравнена к японским колониям»¹.

Еще в конце 1909 г. японский генеральный резидент и корейский председатель совета министров подписали в Сеуле меморандум о передаче всех полицейских дел в Корее японскому правительству², а 30 июня 1910 г. был опубликован указ японского императора об организации при генерал-резиденте полицейского управления³.

Действия японских империалистов, направленные на аннексию Кореи, вполне одобрялись американским правительством.

Американское правительство и конгресс были хорошо информированы о происходивших в Корее событиях. Представители США в Сеуле и в Токио аккуратно сообщали о бесчинствах, чинимых японцами в Корее, о реорганизации корейского государства. В официальном сборнике международных документов «Форин релейшенс» за 1910 г. приводится, например, донесение посла в Токио, в котором он информировал правительство США о том, что «в настоящее время Япония имеет непосредственный контроль над всеми внешними сношениями и военными делами, железными дорогами, почтой и телеграфом, судебной системой, тюрьмами и полицией, в то время как корейское правительство должно добиваться предварительного одобрения генерал-резидентом всех вопросов, касающихся издания законов, и получать согласие по всем важным вопросам управления»⁴.

Однако ни конгресс США, ни президент В. Тафт не предприняли каких-либо шагов к тому, чтобы выполнить международные обязательства, вытекавшие из договора с Кореей. Как правительство Т. Рузвельта, так и правительство В. Тафта, предоставляя японскому империализ-

¹ АВПР, Токио, д. 916, Малевский-Малевич — Извольскому, 18 июня 1910 г.

² АВПР, Токио, д. 916, приложение к донесению Малевского-Малевича — Извольскому от 18 июня 1910 г.

³ АВПР, Токио, д. 916, Высочайший указ японского императора от 30 июня 1910 г., № 296, «Кампо», см. донесение Малевского-Малевича от 18 июня 1910 г.

⁴ «U. S. Foreign Relations», 1910, p. 678.

му возможность аннексировать Корею, рассчитывали со временем занять господствующее положение в Корее, руководствуясь принципом «открытых дверей». Президент В. Тафт стремился играть роль американского наблюдателя в трагических событиях, развертывавшихся на Корейском полуострове.

Американская позиция в вопросе об аннексии Кореи вытекала из соглашения Тафт — Кацура 1905 г. Последовательность этой предательской позиции была видна, например, из того, что в период форсированной подготовки аннексии (после подписания навязанного Японией нового кабального японо-корейского договора от 24 июля 1907 г.) В. Тафт, занимая тогда пост военного министра, в своем выступлении в Токио поощрял японских деятелей полностью подчинить корейское государство. Он заявлял: «Япония на законном основании приняла реформы в соседней стране, являющейся архаическим государством, управляемым, причем дурно управляемым, на основе методов XV века... Мы живем в эпоху, когда вмешательство сильного государства в дела народа, не имеющего правительства, способного поддерживать закон и порядок, с целью помочь этому народу создать лучшее правительство становится национальным долгом и служит прогрессу»¹. Будущий президент заокеанской республики без обиняков объявлял законными разбойничьи действия Японии, прикрывая лицемерными призывами к «прогрессу» и «национальному долгу». Так империалисты США подбадривали своих японских собратьев по грабежу, давали как бы совет не церемониться при осуществлении преступных планов аннексии Кореи.

В уже рассматривавшемся нами соглашении Рут—Такахира (1908 г.) обе стороны, и США и Япония, договорились «уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них» на Тихом океане. Под такими владениями имелись в виду, конечно, в первую очередь Корея и Филиппины.

Примерно через год после обмена нотами Рут—Такахира, осенью 1909 г., В. Тафт, являвшийся уже главой американского правительства, подчеркивал мысль о том, что правительство США не собирается мешать Японии

¹ См. *Ли Чен Вон*, цит. соч., стр. 149.

окончательно аннексировать страну «утреннего спокойствия». Восхваляя успехи японских империалистов во время русско-японской войны 1904—1905 гг., В. Тафт на банкете, данном в честь японской торговой делегации, указывал: «Но сегодня Япония борется для побед на мирном поприще, и мы все надеемся, что она будет иметь успех»¹.

Судьба Кореи не интересовала американских империалистов. Единственно, что беспокоило правящие круги США в связи с аннексией Кореи, был вопрос о сохранении прежних (до установления протектората) выгод и привилегий торговцев и предпринимателей в Корее. Эти требования империалистов США были в известной мере обеспечены.

Пытаясь придавать своим агрессивным действиям в Корее «легальные формы», японское правительство строго придерживалось прежней линии, подготавливая официальные акты, предварительно согласовывало их с правительством США. Также поступили в Токио и в августе 1910 г., сообщив в Вашингтон заранее, до опубликования, текст договора об аннексии Кореи². Лишь спустя некоторое время, 29 августа, состоялось «торжественное» подписание и официальное опубликование этого документа и декларации о положении иностранцев в новом японском владении.

Договор об аннексии Кореи — редкостный в дипломатических анналах, весьма своеобразный документ. Его содержание сводилось к следующему:

«Статья 1. Его Величество император Кореи полностью и навечно уступает Его Величеству императору Японии всю власть над Кореей.

Статья 2. Его Величество император Японии выражает на это свое согласие и подтверждает присоединение Кореи к Японской империи.

Статья 3. Его Величество император Японии обещает Его Величеству императору Кореи, Его Величеству императору-отцу, Его высочеству наследнику, их супругам и потомкам сохранить им титулы, достоинство

¹ См. А. Гальперин, Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией, «Вопросы истории» № 2, 1951 г., стр. 29.

² АВПР, Токио, д. 917, секретная телеграмма Малевского-Малевица от 16 (29) августа 1910 г.

и честь, а также предоставить им ежегодные пособия, достаточные для того, чтобы поддерживать существование согласно их положению.

Статья 4. Кроме указанного в предыдущей статье, Его Величество император Японии обещает всем членам императорского дома и их потомкам сохранить подобающее им положение, а также предоставить необходимые для их содержания денежные суммы.

Статья 5. Его Величество император Японии будет жаловать почетные титулы и награждать денежными пенсиями тех корейцев, которые имеют заслуги и будут сочтены достойными того, чтобы эти заслуги были публично отмечены.

Статья 6. Правительство Японии в результате вышеописанного объединения Японии и Кореи берет на себя целиком дело управления Корейским государством и обязуется обеспечить достаточную защиту личности и имущества тех корейцев, которые будут уважать действующие в стране законы, и позаботится об увеличении их благосостояния.

Статья 7. Правительство Японии будет, насколько это позволят ему обстоятельства, назначать в качестве имперских чиновников в Корею тех корейцев, которые честно и преданно поддерживают новый порядок и обладают соответствующей подготовкой.

Статья 8. Настоящий договор, поскольку он имеет высочайшую санкцию Его Величества императора Японии и Его Величества императора Кореи, вступает в силу со дня опубликования¹.

Так была окончательно уничтожена независимость корейского государства.

Зачем понадобился такой договор? Не проще ли было односторонним распоряжением объявить Корею японской областью, переименовав генерал-резидента в генерал-губернатора?

Трагический фарс подписания и обнародования договора был разыгран для того, чтобы «воздействовать на общественное мнение Европы и Америки»². Чтобы при-

¹ См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 161—162.

² АВПР, Токио, д. 917, секретное донесение Малевского-Малеви-ча — Сазонову от 26 августа 1910 г.

дать захвату характер «свободной уступки», японцы заставили корейского императора обратиться к корейскому народу и убеждать своих подданных принять японскую «цивилизацию», которая обещает им «счастье и лучшую жизнь». Обращение корейского императора к народу также нужно было японскому правительству для того, чтобы создать впечатление в корейском народе, что Корея сделалась составной частью Японии в силу полюбовного соглашения между правительствами обеих империй. Кроме того, таким шагом японское правительство стремилось застраховать себя на случай протеста иностранных держав. Оно могло бы всегда возразить, что присоединение Кореи отвечает содержанию протокола 2-го заседания Портсмутской конференции, по которому Япония могла принять меры к упразднению независимости Кореи по соглашению с корейским правительством¹.

Одновременно с договором об аннексии была подписана декларация, в которой говорилось, в частности, об иностранной торговле².

Незначительные уступки, сделанные в декларации в пользу иностранной торговли, имели своей целью смягчить неблагоприятное впечатление, которое могла произвести в Европе и в США аннексия Кореи.

Жестокая участь корейского народа, лишенного самостоятельной государственности, не взволновала буржуазную общественность империалистических держав. К удивлению японских правящих кругов, аннексия Кореи была осуществлена даже без единого слабого возражения со стороны западных держав.

Правящие круги США приняли посильное участие в том, чтобы корейский народ не избежал уготованной ему японскими империалистами рабской доли. Нельзя не согласиться с мнением корейских историков о том, что американское правительство совершило предательство по отношению к Корее, «сделав вид, что оно «совершен-

¹ АВПР, Токио, д. 917, секретное донесение Малевского-Малевича — Сазонову от 26 августа 1910 г.

² В декларации отмечалось, что заключенные Кореей договоры и соглашения считаются Японией утратившими силу; говорилось о прекращении консульской юрисдикции; о сохранении сроком на 10 лет ввозных и вывозных тарифов, которые применялись до этого в силу договоров между Кореей и другими государствами.

но забыло» о существовании корейско-американского договора, согласно которому взяло на себя обязательство обеспечить независимость Кореи... Америка сознательно отдала Корею в полную власть японским империалистам»¹.

Английская дипломатия в корейском вопросе продолжала следовать ранее занятой позиции, нашедшей свое отражение еще в англо-японском договоре 1905 г. В июле 1910 г. английский министр иностранных дел Грей открыто заявил, что Англия не будет противодействовать аннексии Кореи Японией, если этот акт не нанесет ущерба английской торговле в этой стране и экстерриториальности. Если бы Англия возражала против аннексии, говорил Грей, то это не соответствовало бы духу англо-японского союзного договора².

Аннексия Кореи империалистической Японией противоречила интересам царской России на Дальнем Востоке. Заинтересованность царизма в существовании по соседству с Россией независимой от японского влияния Кореи была проявлена не только на Портсмутской конференции, но также и во время переговоров между Японией и Россией, имевших место в связи с заключением русско-японского политического соглашения 1907 г.

Отрицательное отношение царской России к вопросу об аннексии Кореи Японией было высказано также и в ноябре 1909 г. министром иностранных дел России в беседе с японским представителем Мотоно по поводу нового русско-японского соглашения. «Прежде всего разногласия между нами и Японией, — указал Извольский (как он сам передает первую беседу с Мотоно), — могут опять возникнуть из-за Кореи в тот день, когда Япония захотела бы превратить нынешнее положение в окончательное присоединение»³.

Японское правительство настойчиво требовало от царской России дать санкцию на любые его действия в отношении этой страны вплоть до аннексии. В марте 1910 г. в переговорах Извольского с Мотоно японская сторона решительно заявила о том, что корейский во-

¹ «Очерки по истории национально-освободительной борьбы корейского народа», стр. 165—166.

² «British documents on the Origins of the War...», p. 487—488.

³ См. А. Гальперин, цит. соч., «Вопросы истории» № 2, 1951, стр. 26.

проб уже решен и что если Россия будет упорствовать в этом вопросе, то второе соглашение с японским правительством не будет заключено.

Правящие круги царской России сняли с обсуждения корейский вопрос, рассчитывая таким путем уменьшить трения с Японией в период, когда обе стороны были заинтересованы в заключении нового политического соглашения. И действительно, в новом соглашении между Россией и Японией (1910 г.) ничего не было сказано о Корее. Однако, как писал японский автор Мацумото, в связи с русско-японскими переговорами о соглашении 1910 г., царская «Россия обнаружила известное сопротивление в корейском вопросе»¹.

Несмотря на то что царская Россия была единственной великой державой, выступившей против предполагаемой аннексии Кореи, царское правительство, подготавливаясь к участию в империалистической войне в Европе, не оказало последовательного, решительного противодействия японской агрессии на континенте. Сказывалось финансовое подчинение самодержавия лондонской и парижской биржам.

Японские захватчики жестоко угнетали и эксплуатировали корейский народ. Сосредоточив всю политическую и экономическую власть в стране в своих руках, японские империалисты сохраняли и поддерживали остатки феодализма в стране, задерживали развитие Кореи. Господствующий класс Кореи, погрязший в праздности и коррупции, с готовностью предал национальные интересы страны ради сохранения своих паразитических привилегий. Как и все соглашения о ликвидации государственности Кореи, акт об ее аннексии был совершен без ведома народа и за счет его интересов.

Господство колонизаторов в Корее привело к полному развалу государства, просуществовавшего свыше нескольких тысяч лет. Оно принесло корейскому народу неисчислимы бедствия. Империалисты смотрели на корейский народ, имеющий многовековую историю и высокоразвитую культуру, как на низшую расу. Уничтожались самые ценные и дорогие корейскому народу памятники корейской культуры, цинично попиралось

¹ См. А. Гальперин, цит. соч., «Вопросы истории» № 2, 1951 г., стр. 26.

национальное чувство корейского народа, его достоинство и честь. В 1937 г. одно японское общество историков опубликовало 31 том истории Кореи, где высказывалась, в частности, мысль о том, что корейцы были якобы беспомощными детьми, неспособными позаботиться о себе, и что они должны быть счастливы(!), что Япония взяла их под свое «покровительство»¹.

Свободолюбивый народ Кореи не хотел мириться с потерей национальной независимости. В национально-освободительном движении корейского народа принимали активное участие прежде всего корейские крестьяне, а также городская беднота, солдаты бывшей корейской армии и другие представители корейского общества. Народные массы, выступавшие против японских колонизаторов, боролись также против феодальных порядков и в первую очередь против помещичьего произвола. Однако следует подчеркнуть, что в период протектората движение корейского народа имело прежде всего антиимпериалистическую, антияпонскую направленность.

Несмотря на абсолютное превосходство в вооружении и широкую шпионскую сеть в Корее, Японии в течение ряда лет пришлось вести жестокую, кровавую борьбу с освободительным, патриотическим движением в захваченной стране.

О масштабах этой борьбы красноречиво говорят явно преуменьшенные данные, опубликованные японскими органами. Согласно этим данным, в 1907 г. было проведено 322 боя с участием более 44 тыс. повстанцев, в 1908 г. — 1452 боя с участием около 70 тыс. патриотов, в 1909 г. — 953 боя с участием 27 663 человек, в 1910 г. — 147 боев с участием 1891 человека, в 1911 г. — 33 боя с участием 216 человек, а всего 2906 боев с участием 103 690 человек. Согласно этим данным, были убиты 16 711 и ранены 36 770 повстанцев².

Сопrotивление корейских народных масс, глубоко ненавидевших японских империалистов, явилось главной причиной того, что для превращения Кореи в колонию японским правящим кругам понадобилось значительное время с 1905 г. (момента установления протектората над Кореей) до 1910 г. Политический смысл «присоединения»

¹ *Oliver R.*, *Korea: Forgotten Nation*, Washington 1944, p. 62.

² См. *Ким Чер Ен*, цит. соч., «Новая Корея» № 2, 1954 г., стр. 56.

Кореи к Японской империи состоял прежде всего в том, что Япония закрепила за собой первостепенной важности стратегическую базу, необходимый для нее плацдарм на континенте против России и Китая.

Поглотив Корею, империалистическая Япония совершила акт огромного для нее значения. Она приблизилась к осуществлению своих планов господства на Тихом океане и Дальнем Востоке, что впоследствии сталкивало ее с интересами американского империализма и обуславливало смертельную борьбу за господство в этом районе земного шара между двумя империалистическими хищниками — США и Японией.

Совершив акт предательства в отношении Кореи, США надеялись добиться признания японцами американской доктрины «открытых дверей» и, опираясь на свое экономическое превосходство, прибрать к рукам не только Корейский полуостров, но и Китай.

ГЛАВА IV

ПОЗИЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ СИНХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Подъем революционного движения китайского народа. Цинское правительство — слуга иностранных держав

Революция 1911 г. в Китае вспыхнула в обстановке кризиса, охватившего всю империю. Революция была подготовлена всем предшествующим ходом развития экономических и социально-политических сил страны.

Период от опиумных войн до движения Ихэтуань был периодом превращения Китая в полуколониальное и полуфеодальное государство и в то же время периодом непримиримой борьбы китайского народа против империализма и феодализма. Эту основную линию развития можно проследить и в рассматриваемый период, важнейшим историческим событием которого являлась революция 1911 г.

Невыносимый двойной гнет иностранных поработителей и маньчжурской клики неизбежно вызывал недовольство широких слоев народа и толкал их на патриотическое движение.

Извлекая опыт из всей предшествующей истории Китая, народные массы приходили к выводу о необходимости непримиримой борьбы против деспотических властителей, которые являлись тормозом прогрессивного развития страны и к тому же на протяжении многих десятилетий продавали интересы Китая иностранцам. Эта мысль наиболее полно была выражена в 1906 г. в одной из пропагандистских брошюр: «Скажите, господа, какое у нас сейчас правительство? Китайское? Маньчжурское? — спрашивал автор Чэнь Тянь-хуа. — Нет оно уже

стало правительством-слугой всех держав. Оно обеими руками преподнесло иноземцам в подарок власть над финансами, власть над железными дорогами, право использования наших людей. И иноземцам не понадобилось для этого ни малейшего усилия. Если им нужно что-нибудь, им достаточно только отдать приказ, чтобы маньчжуры тотчас бросились исполнять его... Правительство придерживается того взгляда, что лучше подарить Поднебесную своим друзьям, чем отдать ее рабам. И пусть ты будешь истекать кровью, оно не обратит на это никакого внимания». И далее: «Скажите, какое из дел, совершенных за последнее время цинским правительством, совершено не по указке иноземцев? Мы ясно и внятно говорим: «Вон иностранцев!» А монархия рассматривает нас не как врагов иностранцев, а как врагов существующей монархии и намеревается казнить как бунтовщиков, замысляющих измену. Господа, мы должны уяснить себе отчетливо эту истину и не можем во всем полагаться на правительство, ибо, сколько вы ни заявляйте о своем нежелании стать поработенным народом, вы давно уже стали им, хотя и не хотите поверить в это...»¹. В этой брошюре, как и в других выступлениях, убедительно показывалось, что «сын неба» — китайский император являлся по существу «слугой иноземцев».

В жизни китайского народа период после 1905 г. характеризуется ростом национального сознания, чувства патриотизма, распространением прогрессивных идей. С каждым годом в стране ширилось массовое революционное движение под лозунгом «Свержение маньчжурской династии». Активным участником революционного движения была и лучшая часть китайского студенчества.

Руководителем и организатором национально-освободительного движения в это время выступает группа революционеров во главе с доктором Сунь Ят-сеном, которая сыграла выдающуюся роль в развитии революционного движения в Китае, в свершении революции 1911 г.

Еще за 6 лет до революции 1911 г. Сунь Ят-сен перестроил свою революционную деятельность. В августе 1905 г. в Японии было реорганизовано общество «Синчжунхуэй» (Союз возрождения Китая) путем объединения его с двумя другими антиманьчжурскими организациями

¹ См. *Ху Шен*, цит. соч., стр. 172—173.

«Хуасинхуэй» (Союз обновления Китая) и «Гуанфухуэй» (Союз восстановления Китая). Так возникло общество «Тунмынхой» (Союзная лига) — организация объединенного фронта буржуазии, мелкой буржуазии и части выступавших против маньчжурского правительства шэньши, явившаяся впоследствии основой для образования гоминдана.

Эта организация выдвинула следующую программу буржуазной революции: «Изгнание чужеземных поработителей (то есть маньчжурской цинской династии), возрождение Китая, установление республики, уравнивание прав на землю».

В тех конкретно-исторических условиях программа, разработанная Сунь Ят-сеном, была прогрессивной программой, мобилизовавшей широкие народные массы на революцию, на свержение ненавистной дайцинской династии, на передачу крестьянам помещичьих земель.

Возникновение такой революционной программы в Китае стало возможным в результате экономического и политического развития китайского общества и многолетней борьбы народа, она явилась следствием развития социальных идей, «порожденных глубоким революционным движением сотен и сотен миллионов людей, которые теперь окончательно втягиваются в поток всемирной капиталистической цивилизации»¹.

Платформа Сунь Ят-сена была пронизана боевым искренним демократизмом. Она свидетельствовала о горячем сочувствии Сунь Ят-сена трудящимся и эксплуатируемым и могучей вере в их правоту, в их силу.

Характеризуя происходившие в Китае события, В. И. Ленин указывал, что «без высокого, искреннего демократического подъема, который зажигает трудящиеся массы и делает их способными совершать чудеса и который виден в каждой фразе платформы Сунь Ят-сена, было бы невозможно действительное освобождение китайского народа от векового рабства»².

Революционная группа во главе с Сунь Ят-сеном стала готовить в стране восстание. В конце 1905 г. «Тунмынхой» основал свой печатный революционный орган — «Миньбао» (Народная газета).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 144.

² Там же, стр. 145.

Мощный толчок революционному движению китайского народа дала первая русская революция 1905—1907 гг. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹.

Русская революция 1905—1907 гг. помогла прогрессивным элементам Китая, Кореи и других стран Азии разобраться в том, что в России наряду с царским самодержавием существуют и активно действуют демократические, революционные силы, борющиеся со своей внутренней реакцией под флагом интернационализма и дружбы со всеми народами Европы и Азии.

Придавая большое значение пробуждению народов Азии, Ленин в 1908 г. отмечал: «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»².

До конца последовательный, принципиальный интернационализм большевиков не мог не способствовать пониманию того бесспорного факта, что в лице революционной России, в лице русской революции народы зарубежного Востока имеют друга и союзника в своей демократической, национально-освободительной борьбе. «У русской революции, — писал Ленин, — есть великий международный союзник и в Европе и в Азии, но вместе с тем и именно вследствие этого у нее есть не только национальный, не только российский, но и *международный* враг»³.

Официальный орган революционной организации «Тунмынхой» приветствовал русскую революцию, объявлял себя ее другом. Газета «Миньбао» с первых же номеров уделяла большое внимание освещению событий в России, публикуя материалы (статьи, корреспонденции, фотоснимки и др.) о революционной борьбе народов России против царизма. Так, например, в № 4 «Миньбао» конституционные уступки царизма правильно объяснялись народной борьбой и подчеркивалось, что, пока

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 66.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 162.

³ Там же, стр. 165.

«происходит борьба между правительством и народом и решительного исхода нет, формальная конституция остается на бумаге»¹.

Китайские революционеры стремились использовать опыт и методы революционной борьбы русского народа.

Китайский историк Ли Шу отмечает, что решимость китайской революции того времени и вера ее руководителей в успех своего дела значительно окрепли под влиянием русской революции. Но им, подчеркивал Ли Шу, очень недоставало знания мировой истории, и в особенности истории России. «Вместо глубокого изучения вопросов русской революции они черпали свои сведения о России из довольно мутного источника — японских буржуазных газет и журналов»².

После 1905 г. китайское революционное движение вступило в полосу нового подъема. В декабре 1906 г. в провинции Цзянси, в районе Пинсян—Люян, произошло первое крупное восстание рабочих горной промышленности, которое началось в связи с увольнением двух тысяч рабочих. Общее число восставших превысило 30 тыс. человек. В этом движении активное участие приняли члены Союзной лиги.

Однако местным властям удалось подавить восстание. Весть о восстании прокатилась по всей стране, произвела большое впечатление на китайский народ.

В 1907 г. в провинции Гуандун произошло народное восстание, явившееся результатом тяжелого налогового бремени. В эти же годы в Китае происходили многочисленные восстания голодных крестьян. Императорские наемные войска жестоко подавляли всякую попытку открытого возмущения народа.

Однако жестокие репрессии не сломали волю китайского народа к борьбе против цинской деспотии. Революционное движение разрасталось не только в рабочих и крестьянских массах, но и в армии. В начале 1907 г. вспыхнуло восстание солдат в Учане. Вызванные для подавления восстания хубэйские войска отказались стрелять. Власти вынуждены были начать переговоры с вос-

¹ Цит. по журналу «Вопросы истории» № 11, 1954 г., стр. 164.

² Ли Шу, Первая русская революция и Китай. В книге: «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. II, стр. 361.

ставшими. Волнения солдат были ликвидированы только после выдачи им трехмесячного жалования.

В ходе событий 1906—1907 гг. усилилась руководящая роль Союзной лиги, вырастали, воспитывались и закалялись кадры революционеров. Горнорабочие и крестьяне, ремесленники и лучшая часть интеллигенции становились в ряды организации Сунь Ят-сена, вливались в тайные общества и другие революционные организации. Учитывая опыт народных восстаний, Союзная лига в дальнейшем развернула революционную деятельность, главным образом в крупных центрах юга.

В этот период радикально настроенная мелкая буржуазия, буржуазная интеллигенция и представители национального капитала играли роль политического руководителя буржуазно-демократической революции в Китае. Буржуазные революционеры были искренне убеждены в том, что они сумеют сделать Китай независимой республикой.

«...Восток окончательно встал на дорожку Запада,— писал В. И. Ленин, —...новые сотни и сотни миллионов людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат. А в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции.

Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин»¹.

В Китае в описываемый период был уже пролетариат, однако он еще не вышел на политическую арену как сознательная, самостоятельная классовая сила. Участвуя в революции, он шел за революционной буржуазией. «...Именно такую роль играл пролетариат во время революции 1911 года»², — отмечает Мао Цзэ-дун.

В условиях быстрого роста революционных настроений в стране цинская династия не могла уже управлять старыми методами. В целях сохранения и укрепления своей власти господствующая верхушка, стремясь предот-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 145.

² Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, стр. 215.

вратить народную революцию, стала на путь реформаторских маневров.

Цинские правители объявили о подготовительных мероприятиях к введению конституционного правления. Вдовствующая императрица Цы Си «чувствовала, что надо все же пойти на какие-то уступки. Она призвала двух мандаринов — из тех, что предлагали реформы, — на этот раз не для того, чтобы отрубить им головы, а для того, чтобы они пораскинули мозгами».

Мандарины не успели еще выполнить волеизъявление повелительницы, как в ноябре 1908 г. почти одновременно умерли император Гуан Сюй и императрица Цы Си. Императором Китая был провозглашен двухлетний Пу И, племянник скончавшегося императора. Главой государства, регентом Китайской империи, стал принц Чунь — отец Пу И. После этих перемен произошло замещение должностей в государственном аппарате представителями еще более реакционно настроенной феодальной знати, которая не хотела и думать о каких-либо политических переменах и реформах.

Однако под давлением народного движения пекинское правительство вынуждено было дать согласие на введение в 1913 г. конституционного правления. Такое отдаление срока созыва даже «ублюдочного» парламента, обещанного правительственным указом в августе 1908 г., дало толчок к усилению революционного движения.

Несмотря на то, что цинские правители давали обещание удовлетворить некоторые требования народа, народ не верил в искренность этих обещаний, не верил тому, что установление «конституционного правления» послужит делу прогресса Китая.

Народные массы бойкотировали фальшивые «подготовительные мероприятия к введению конституционного правления». Революционные силы Китая на повестку дня поставили борьбу за свержение монархии, за установление такого государственного строя, который бы дал «благоденствие народу».

В 1910—1911 гг. массовое народное движение распространилось по всей стране. Крестьянские восстания и народные движения в городах имели место почти во всех провинциях. В эти годы Китайскую империю постигли стихийные бедствия. Голодали миллионы людей.

В апреле 1910 г. в Чанша вспыхнул «рисовый бунт». Восставшие подожгли ямынь (присутственное место, местопребывание генерал-губернатора) и другие государственные учреждения, а также ряд торговых компаний, принадлежавших крупным помещикам, отделения цинского банка, таможни, местное казначейство и другие учреждения.

В рисовом голоде, охватившем Чанша, были повинны, наряду с чиновниками шэньши, помещики и иностранные торговые фирмы, скопившие большие запасы продовольствия. Иностранные торговцы вывозили в огромных количествах рис, наживая на этом крупные барыши.

Народный гнев был направлен не только против местных властей и эксплуататоров, но и против иностранных купцов, миссионеров и иностранных учителей. Восставшие сожгли училища Тяньчжу, Нэйдихуэй, норвежское училище, разрушили здания английского и американского обществ объединенного совета религиозной пропаганды.

Вечером 14 апреля были подожжены расположенные за южными воротами железнодорожное и два других училища, а также помещения иностранных торговых фирм, иностранной паровой компании «Тайгу», американской нефтяной компании и других фирм, расположенные за западными воротами. Были разгромлены и разрушены склады этих фирм и дома свыше 10 японских торговцев. Миссионеры, торговцы и другие иностранцы — всего 45 человек — бежали на иностранный корабль¹.

Узнав о том, что восставшие хотят «отбирать добро у богачей и шэньши», цинские правители спешно направили в Чанша крупные силы пехоты и морские отряды для подавления восстания голодающих. Активную помощь властям оказали английские, американские, французские, японские и германские империалисты, послав в Чанша более 10 военных кораблей из Шанхая, Ханькоу и даже Амоя². Под натиском соединенных сил восставшие вынуждены были отступить. Началась кровавая

¹ См. *Дин Юань-ин*, «Рисовый бунт» 1910 года в Чанша, «Вопросы истории» № 8, 1955 г., стр. 108.

² См. там же, стр. 109.

расправа над безоружным населением. Число убитых и раненых было огромно¹.

«Рисовый бунт» в Чанша, в котором главную силу составляли голодающие крестьяне, всколыхнул население всей провинции Хунань. В городах Нинду, Ияне и во многих других местах население поднялось на борьбу против феодального и империалистического гнета². И здесь выступления сопровождались также разрушениями христианских церквей и иностранных училищ.

Несмотря на то, что движение в Чанша было потоплено в крови, цинское правительство оказалось вынужденным извлечь для себя некоторый урок; в провинцию Хунань был назначен новый губернатор, организовано ведомство для продажи продовольствия по твердым ценам³.

События в Чанша еще раз продемонстрировали преданность цинских властей империалистам. Цинское правительство в самой унижительной форме, пишет Дин Юань-ин, просило извинения у империалистических государств за сожжение и разрушение христианских церквей и помещений иностранных торговых фирм. Оно уведомило эти государства, что хубэйскому и чжэцзянскому губернаторам дано указание «изучить и определить стоимость понесенных иностранцами убытков, а дома иностранцев, дабы исключить какую-либо возможность их разрушения в будущем, будут охраняться солдатами»⁴.

Японские империалисты не заставили себя упрашивать, они первыми потребовали наказать чиновников и других лиц, ответственных за происшедшее, и возместить убытки.

Капиталисты США, Англии, Германии и Франции, подписавшие в то время соглашение о создании банковского консорциума в целях более широкого и организованного грабежа китайского народа, боялись открыто предъявлять Китаю чересчур жестокие требования, чтобы

¹ См. Дин Юань-ин, цит. соч., «Вопросы истории» № 8, 1955 г., стр. 108.

² Классовый состав участников восстания был широк; крестьянство являлось главной силой движения, в нем также участвовали железнодорожные рабочие, гончары, дровосеки, бедный городской люд, мелкие лавочники, ремесленники и другие трудящиеся уезда Чанша.

³ См. Дин Юань-ин, цит. соч., «Вопросы истории» № 8, 1955 г., стр. 110.

⁴ Там же.

не вызвать резкого протеста народных масс. Они рассчитывали достичь своих целей посредством больших капиталовложений в дорожное строительство, горнорудные предприятия и т. д. Тем не менее правительства США, Англии, Германии, Франции присоединились к требованиям, выдвинутым Японией¹. Англия потребовала «возмещения» в сумме 1,5 млн. лян, которая была уменьшена затем до 880 тыс. лян².

Чтобы изыскать средства для удовлетворения требований империалистов, новый губернатор Хунани предложил отдать серебряные рудники Шуйкоушань и Лунваншань в уезде Чанин в обеспечение уплаты контрибуционных платежей³.

Против этого намерения выступила Англия. Английские капиталисты не хотели допустить и мысли о том, что другим иностранным державам будет предоставлена возможность проникновения в провинции Хунань и Хубэй, которые (как и всю долину реки Янцзы) Англия считала исключительно своей сферой влияния. В результате новых переговоров был установлен такой порядок выплаты контрибуции: серебро из рудников Шуйкоушань и Лунваншань будет поступать в центральный банк цинского правительства; последний должен производить окончательную выплату контрибуции⁴.

В том же 1910 г. восстания и волнения происходили в таких крупных городах, как Нанкин, Чаньчжоу, Шанхай, Кантон. Крестьянские выступления произошли в провинциях Хубэй, Цзянси, Хунань, Сычуань и др. И здесь антифеодальная борьба доведенных до отчаяния народных масс сочеталась с движением против иностранного империализма. Прогрессивная часть китайской буржуазии, недовольная засильем иностранного капитала, возглавила широко организованный бойкот иностранных товаров. Вновь набранные войска не только не противостояли народному движению, но сами были подвержены антимоноархическим, республиканским настроениям.

В. И. Ленин еще в 1908 г. указывал, что в Китае «неизбежен... переход старых китайских бунтов в созна-

¹ См. *Дин Юань-ин*, цит. соч., «Вопросы истории» № 8, 1955 г., стр. 110.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

тельное демократическое движение»¹. Союзная лига, руководствуясь прогрессивной, демократической программой, подготавливала в Кантоне решающий удар монархическому реакционному строю с его пресмыкательством и услужливостью перед иностранными державами. Революционная пропаганда Союзной лиги была сконцентрирована в отрядах вновь набранных войск.

28 апреля 1911 г. в провинции Гуандун произошло выступление революционной группы, которая проявила мужественную стойкость и революционную преданность в борьбе против цинского режима. Однако удар был недостаточно рассчитан, выступление было подавлено. Тем не менее оно имело серьезное значение для дальнейшего развития революции.

После поражения восстания в Гуандуне сеть революционных организаций стала непрерывно расширяться, увеличилась активность тайных обществ. Главным центром революционной борьбы становится Учан. Здесь Союзная лига подготовила революционное выступление на конец 1911 г. Благоприятные условия для революционной антиправительственной пропаганды создавали сами цинские власти.

Как уже отмечалось, характерным для этих лет было стремление определенной части китайских капиталистов строить железные дороги собственными силами на национальные китайские средства. Это отвечало растущему национальному самосознанию и сулило китайской буржуазии значительные доходы, которые раньше шли в карман иностранным фирмам.

Однако еще в 1909 г. американские империалисты весьма ловко приняли участие в подавлении инициативы китайской буржуазии в этом вопросе.

Препятствуя развитию инициативы национальной буржуазии, китайская правительственная верхушка предоставляла крупные концессии представителям империалистических держав.

Идя навстречу иностранным державам, пекинское правительство 9 мая 1911 г. издало декрет о переходе в руки государства частных китайских железных дорог. Условия выкупа железных дорог шли в ущерб интересам многочисленных держателей акций.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 162.

20 мая 1911 г. между центральным правительством и банковским консорциумом капиталистов Англии, Франции, США и Германии было подписано соглашение о предоставлении Китаю хугуанского займа. Заем предназначался для строительства железных дорог, причем согласно условиям займа контроль должен был перейти в руки иностранцев.

Решения правительства вызвали возмущение среди буржуазии провинции Сычуань, которая терпела наибольший ущерб от предоставления иностранным капиталистам возможности вкладывать свои капиталы в китайские предприятия и извлекать из них прибыли. «Уже с самого начала движение это вышло, — как сообщал русский посланник в Пекине, — из первоначально поставленных инициаторами его рамок, сделавшись поводом для агитаций, ничего общего с выкупом железных дорог не имеющих»¹.

Движение в Сычуани носило массовый характер. В главном городе провинции — Ченду — бастовало большинство предприятий. В деревнях происходили выступления крестьян, прекративших платежи налогов, в ряде пунктов были разгромлены полицейские участки.

Правительство направило в Ченду отряд войск в несколько тысяч человек. В результате жестокой расправы движение в Сычуани было частично подавлено. Однако Союзная лига не прекратила борьбы. Связанная с другими организациями лига продолжала активную подготовку нового восстания.

§ 2. Синхайская революция и «нейтралитет» США

Вскоре после событий в Сычуани началось новое, еще более грандиозное восстание в трех, тесно связанных между собою, центрах страны: городах Учане, Ханькоу, Ханьяне, в которых имелся многочисленный пролетариат и были расположены новые воинские части. Это восстание и положило начало революции 1911 г. Китайская революция произошла, по китайскому летосчислению, в год «синхай»² и поэтому известна под названием синхайской революции.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 184.

² До свержения династии Цинов в Китае летосчисление велось соответственно 60-летнему циклу, каждый год обозначался циклическими знаками; 10 октября 1911 года — по китайскому (лунному) календарю 19 числа 8 месяца года «Синхай».

10 октября 1911 г. восстали воинские части, находившиеся под влиянием буржуазных и мелкобуржуазных революционных организаций, штурмом взяли правительственные здания и арсенал и после ночного боя заняли город Учан. На следующий день рабочие металлургического и оружейного завода Ханьяна заняли сначала промышленный район, а затем город. 12 октября революционеры Учана переправились через Янцзы и с помощью местных железнодорожников овладели городом Ханькоу. Городские рабочие, портовые грузчики, крестьянская молодежь из деревень вступали добровольцами в Народную армию.

Убедившись в том, что выступление народных масс принесло победу, либералы (представители бюрократии, военных, помещиков, капиталистов) поспешили заявить о своем сочувствии революционерам, чтобы воспользоваться плодами народной борьбы и не дать укрепиться лагерю революционной демократии. Либералы дали свое согласие совместно с членами «Тунмынхой» составить революционное правительство Уханя¹.

Новое правительство было сформировано таким образом, что во главе военной власти стал либерально настроенный Ли Юань-хун, до этого времени военный чиновник на службе цинского правительства. Руководителем гражданской власти стал председатель провинциального Совещательного комитета. Революционеры заняли в основном второстепенные должности. Один из главных руководителей «Тунмынхой» — Хуан Сан был назначен главнокомандующим обороны Уханя.

Восставшие войска и самое правительство были названы «народными». Их деятельность основывалась на платформе Сунь Ят-сена. Революционное правительство обнародовало важные документы, подготовленные «Тунмынхой». Образованное Временное правительство объявлялось правительством страны. Китай провозглашался народным государством.

Временное правительство на третий день после начала восстания обратилось с нотой к консулам всех иностранных государств, находившихся в Ханькоу. Содержание этой ноты полностью соответствовало «Декларации о

¹ Ухань — общее название городов Учан, Ханькоу, Ханьян, расположенных друг против друга на берегах реки Янцзы.

внешней политике» — революционной программе общества «Тунмынхой» в области международных отношений, выработанной еще задолго до восстания¹.

В ноте подчеркивалось, в частности, что «вышеуказанные семь пунктов доводятся до сведения всех дружественных государств, чтобы они знали, что поднятое армией справедливости движение не содержит абсолютно никаких элементов антииностранного характера». Правительство имеет «честь послать эту ноту консулам, — заканчивался документ, — с просьбой передать ее правительствам своих государств».

Революционное правительство назначило специальное лицо для сношения с иностранцами. «В систему революционеров, — сообщал в Петербург посланник в Пекине, — очевидно, входит возможная предупредительность к иностранцам, чем и объясняется то, что на иностранных

¹ «Декларация о внешней политике» гласила (приводится полный текст):

«Национальная армия Китая, во исполнение приказа, ликвидирует правительство чужеземной диктатуры и устанавливает республику. Одновременно прилагаются усилия для укрепления добрососедских связей со всеми дружественными государствами.

В целях поддержания мира во всем мире и содействия счастью человечества все войска Национальной армии в своих действиях по отношению к иностранцам будут руководствоваться следующими принципами:

1. Все договоры, заключенные до настоящих событий Китаем с иностранными государствами, будут оставаться в силе.

2. Будут по-прежнему выполняться все обязательства по иностранным займам. Таможенные службы всех провинций будут уплачивать свои долги в положенных суммах.

3. Будут охраняться все ранее полученные права всех иностранных граждан.

4. Гарантируется охрана иностранных граждан и их имущества в городах, занятых военным правительством.

5. Военное правительство не признает те договоры, которые будут заключены цинским правительством с другими государствами после опубликования настоящей декларации, в равной степени не будут признаны права, дарованные различным государствам, а также обязательства по займам, принятые после опубликования декларации.

6. Будут рассматриваться как враги все те иностранные граждане, которые будут оказывать помощь цинскому правительству и причинять ущерб Национальному военному правительству.

7. Подлежат аресту и конфискации все товары, поставленные иностранцами в виде помощи цинскому правительству, которые могут быть использованы в военных целях» (см. *Ху Шен*, цит. соч., стр. 177—178).

концессиях до сего времени порядок не нарушался, и проживающие на них лица не подвергались прямой опасности»¹.

Весть о победе революционного лагеря в Ухане облетела всю страну, вызвала в народе глубокие симпатии к революционерам. Во многих местах происходил сбор средств в помощь восставшим.

Революционные выступления происходили во многих частях страны и в первую очередь в промышленных районах Китая. В Шанхае и других городах произошли восстания, в которых, как и в Ухане, активное участие принимали китайские рабочие, учащиеся и другие слои населения.

Важную роль в подъеме революционного движения играл лозунг Сунь Ят-сена об уравнивании прав на землю, находивший горячие симпатии среди крестьянства. Это обстоятельство способствовало росту революционного движения, особенно в деревне.

Во многих провинциях провозглашался республиканский строй, а также финансовая и военная независимость от пекинского правительства. Испугавшись революционного народа, либерально настроенные помещики, буржуазия и другие элементы господствующего класса спешили объявить себя противниками пекинского правительства и присоединялись к революционному движению. Их главной целью являлось втереться в доверие к революционерам, чтобы придать революции выгодное для себя направление.

В некоторых районах либералы, взяв в свои руки инициативу, договаривались со старой феодальной властью, провозглашали в своих целях отделение от цинской империи, переставали посылать налоги в Пекин и т. д. Однако у власти по-прежнему оставался старый бюрократический аппарат, а иногда и старый губернатор. Никакой ломки феодальных отношений не происходило. Господствующий класс сохранял прежние позиции. Он не только не поступался своими интересами в пользу трудящихся классов, но стремился укрепить свое положение при помощи революции.

Там, где власть была захвачена патриотами-революционерами силой оружия, либералы совместно с цинскими

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 186.

чиновниками и при поддержке империалистов стремились ограничить революционный энтузиазм масс, становясь на путь вооруженного подавления революционеров.

Однако антинародная, своекорыстная политика господствующего класса не смогла уменьшить революционного порыва китайского народа. Вооруженная борьба втягивала все более широкие слои населения, в первую очередь трудовые массы крестьянства и принимала общенациональный характер. Даже в армии Китая — опоре феодальной знати — революционные идеи находили отклик и поддержку.

В Пекине в первые дни по получении известий о взятии Учана революционными силами, царила большая тревога. Полученное сообщение «повергло правительство в крайнее смятение, отразившееся как на принятых им решениях, так и на опубликованных в течение этих дней императорских указах»¹.

Богатая часть населения Пекина бросилась брать вклады из банков, спешила менять бумажные деньги на серебро. В столице закрывались банки. Многие «состоятельные люди» уехали со своими семьями на территории иностранных концессий под защиту иностранных флагов: США, Англии, Франции, Германии и других держав.

Пекинское правительство немедленно прибегло к испытанному средству — стало на путь жестоких репрессий в отношении революционного лагеря. К району Уханя были стянуты войска, в том числе военно-морская и речная эскадры. Были приняты срочные меры к защите столицы от революции. Однако эти меры оказались феодальной клике недостаточными.

Опасаясь за свою судьбу, реакционный лагерь решил для подавления революции использовать умеренных либералов. Представители феодальной компрадорской верхушки, охваченные паникой, призвали к власти опального сановника — генерала Юань Ши-кай², хотя скоро

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 185.

² Ловкий царедворец Юань Ши-кай во время движения Ихэтуань военной силой подавлял народные выступления против империалистов, охраняя их интересы. С этого времени он завоевал расположение иностранных держав.

В 1901 г. Ли Хун-чжан, умирая, рекомендовал Юань Ши-кай в качестве своего преемника на пост наместника провинции Чжили и командующего Бэйянской группой войск. Этот пост давал воз-

стало ясно, что «стрелы Юань Ши-кая должны были поразить как маньчжуро-цинский двор, так и революцию».

14 октября 1911 г. цинское правительство обратилось к Юань Ши-каю, уговаривая его вернуться на занимаемый им ранее пост. 27 октября ему было поручено заняться приведением в порядок вооруженных сил Поднебесной империи. Вскоре возглавляемые Юань Ши-каем войска были направлены против революционных районов.

Вместе с тем цинский двор в связи с угрожающим внутренним положением искал помощи и поддержки у иностранных держав.

Как только началось восстание, Германия, Англия, Япония повели переговоры с цинскими правителями о вводе своих войск в Китай. «План этот, однако, тут же был отвергнут, так как встретил решительный протест со стороны России и Франции»¹.

Напуганные размахом китайской революции империалистические государства готовы были осуществить свои давние вождедения в отношении Китая, растерзать его на куски и поделить между собой, соответственно собственной силе. Однако империалисты оказались вынужденными занять более или менее выжидательную позицию. Это вызывалось не только рискованностью открыто показать свои колонизаторские планы в момент революционного выступления народных масс.

Вооруженному вмешательству иностранных государств в дела китайской революции препятствовали в первую очередь противоречия между державами из-за дележа «сфер влияния» и приложения капиталов в Китае, которые к данному периоду определились со всей остротой. Боязнь того, что, используя революционный кризис в стране, какой-либо из держав удастся укрепить свои по-

можность сосредоточить в своих руках всю военную власть цинского правительства и быть, таким образом, господином положения в стране. Вступив на этот пост, Юань Ши-кай завоевал себе еще более высокий авторитет в глазах цинского двора. Но в то же время представители других клик в правительстве увидели в нем соперника. В результате придворных интриг Юань Ши-кай вынужден был уйти в отставку. Однако скрытое влияние, каким он пользовался в войсках, продолжало сохраняться. Поэтому, когда началась синхайская революция, маньчжурский двор обратился к Юань Ши-каю с просьбой вернуться на пост, который он занимал до 1907 г. (см. *Ху Шен.*, цит. соч., стр. 183, 185—186).

¹ См. *Ли Шу*, цит. соч., стр. 94.

зиции в Китае, диктовала империалистам необходимость «совместных действий».

Эта политика наиболее четко сформулирована была в письме государственного секретаря Нокса в связи с запросом германского посла в Вашингтоне. Нокс подчеркивал, что «державы с общего согласия решили воздерживаться от вмешательства» и что если последнее даже понадобится, то во всяком случае «правительство Соединенных Штатов глубоко убеждено в желательности придерживаться общих действий для того, чтобы с самого начала избежать возможности каких-либо недоразумений»¹.

Высказываясь за «общие действия» держав, американская буржуазия не без оснований рассчитывала взять под свой контроль развитие дальнейших событий в стране и обеспечить благоприятные условия для установления своего господствующего влияния в Китае.

Осуществлению такого курса американской политики благоприятствовала сложившаяся международная обстановка.

Англия, Франция, царская Россия, Германия были поглощены подготовкой к мировой войне, их внимание в тот момент было отвлечено «агадирским инцидентом» (борьба между Германией и Францией из-за Марокко).

Империалистические державы, как отмечал Ху Шен, не были в состоянии осуществить вооруженное вмешательство также в связи с быстротой развития революционной ситуации в Китае.

Династия Цинов интересовала империалистов лишь как орудие осуществления их колониальной политики. Однако в последнее время цинское правительство проявляло мало способности в деле защиты интересов иностранных монополий и финансовых объединений. «События на Юге ясно обнаружили всю шаткость преследуемой правительством политики, а равно крайнюю неспособность, слабость и непопулярность последнего», — писал царский посланник Коростовец².

Трезво оценивая будущее пекинского правительства, тот же дипломат приходил к мысли о том, что «...во

¹ АВПР, Вашингтон, д. 167, донесение Бахметьева в МИД от 21 января (7 февраля) 1912 г.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 187.

всяком случае предстоящая борьба (феодалного правительства с революционным Югом. — П. С.) потребует большой затраты сил со стороны правительства и внесет еще большую дезорганизацию во все сферы государственного механизма»¹.

Реальная обстановка в стране заставила США и другие великие державы понять, что им невыгодно открыто встать на сторону цинской династии. Представители держав в Китае сочли за благо воздержаться от оказания помощи цинскому правительству до тех пор, пока не выяснится более определенно новая расстановка политических сил в стране.

Позиция выжидания развития событий и отказа в помощи цинской династии была занята американским правительством еще до назначения Юань Ши-кая главой правительства. Этой линии поведения придерживались и другие державы. Эта позиция явно проявилась в вопросе о новом займе богдыханскому двору.

В октябре 1911 г. пекинское правительство обратилось к представителям США по вопросу о заключении займа в 12 млн. лян на один год². Этот вопрос американские капиталисты решали совместно с другими державами — членами Международного банковского консорциума. Являясь активными участниками консорциума, Соединенные Штаты приняли на себя обязательство «воздержаться от всяких операций, т. е. от займа или аванса, пока в Китае не будет правомерной правительственной власти».

Официальная причина отказа США в займе прикрывалась ссылкой на нейтралитет. Она была сформулирована в решении Международного банковского консорциума. «...Выдача при настоящем положении каких-либо денежных ссуд богдыханскому правительству было бы нарушением нейтралитета»³. Таким образом, позиция США по данному вопросу вытекала из принципа совместных действий с другими участниками банковского консорциума, т. е. с Англией, Францией и Германией.

В действительности ссуды богдыханскому правительству представлялись американским империалистам весь

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 186—187.

² Там же, стр. 284.

³ Там же, стр. 279.

ма рискованными ввиду тех последствий, которые могли сложиться в случае «наступления каких-либо чрезвычайных событий, касающихся царствующей в Китае династии». Для империалистов США, как и других держав, было очевидным, что заем не поможет прогнившей династии укрепить свое положение в такой мере, как это соответствовало бы их интересам.

Взрыв революции в Китае сблизил участников четверного консорциума (США, Англию, Францию и Германию) с Японией и царской Россией. Царское самодержавие и Япония, настойчиво добивавшиеся вступления в банковский консорциум на равных началах с остальными партнерами, исходили в период революции 1911 г., в частности, из того обстоятельства, что «...России и Японии следует с пристальным вниманием следить за ходом происходящего в Китае движения, чтобы не быть застигнутыми врасплох, если оно примет размеры, угрожающие русским и японским интересам»¹.

С другой стороны, государственный секретарь Нокс, придерживаясь «принципа совместного действия»² в отношении китайских событий, еще в октябре 1911 г. указывал американскому представителю в Токио, что он «должен выразить Министерству иностранных дел Японии при соответствующем (удобном) случае, что госдепартамент ценит информацию (о делах в Китае), полученную от японцев, и заверяет о полном доверии американского правительства к политике Японии в Китае»³.

Таким образом, перед лицом грозных революционных событий, развернувшихся в Китае, между соперничавшими державами установилось временное единодушие, в отношении к синхайской революции.

Вместе с тем, внимательно следя за развитием революционных событий, Соединенные Штаты, как и другие великие державы, стягивали свои военные и военно-морские силы в Китай, чтобы в нужный момент вмешаться вооруженным путем во внутренние китайские дела в целях подавления революции.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 199.

² «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 68.

³ Ibid., p. 52.

В октябре 1911 г. империалисты прислали в Китай по нескольку судов из состава тихоокеанских эскадр для охраны, как сообщала газета «Осака майнити симбун» от 24 октября 1911 г., проживавших там своих подданных и в следующих важных пунктах Китая произвели высадку: в Ханьжоу — японский, английский, американский, германский, французский, итальянский и австрийский десанты; в Нанкине — германский; в Шанхае — французский; в Чифу — американский, германский, английский и японский десанты; в Гуандуне — английский десант¹. В начале декабря в Тяньцзине расположились японские, французские и австро-венгерские военные отряды.

Военный агент в Японии Самойлов сообщал генеральному штабу царской армии в начале января 1912 г., что Англия отправила из Индии в Гонконг два батальона пехоты и одну горную батарею, а американский отряд в составе одного батальона 15-го пехотного полка прибывает из Манилы 9 января в Циндао².

Если вспомнить, для каких целей были использованы иностранные войска во время движения Ихэтуань, то станет ясным, для чего потребовалось империалистам в период китайской революции дополнительно увеличивать свои вооруженные силы в Китае.

Иностранные войска стягивались главным образом в район наибольшего размаха революционного движения, туда, где происходила вооруженная революционная борьба.

После таких подготовительных мер на случай вмешательства консулы США, Англии, Японии и других держав, находившиеся в Ханьжоу, опубликовали 18 октября 1911 г. официальное заявление, в котором говорилось:

«В настоящий момент в Китае вспыхнула война между китайским правительством и китайской национальной армией. По принципам международного права война правительства какого-либо государства со своим народом всегда является внутренним делом этого государства, и иностранные граждане, проживающие в данном

¹ Журнал «Китай и Япония» № 68, изд. штаба Приморского военного округа (обзор периодической печати), Хабаровск, стр. 3.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 21.

государстве, не имеют права на вмешательство и должны сохранять строгий нейтралитет. Иностранцы не должны укрывать у себя деятелей той или другой стороны, а также не должны оказывать содействия какой-либо стороне. Основываясь на этих принципах, консулы сами сохраняют строгий нейтралитет и в точности придерживаются всех правил, существующих на территории концессий, не допуская проникновения на территорию концессий, вооруженных лиц, а также запрещая хранить на территории концессий различное оружие и боеприпасы»¹.

Заявление о «нейтралитете» ни в коей мере не выражало истинной позиции США в отношении синхайской революции. Это был дипломатический шаг, укреплявший провозглашенный американским правительством курс «совместных действий», он гарантировал от неожиданных, несогласованных выступлений в Китае со стороны отдельных империалистических держав. В тот момент такие мероприятия были выгодны американскому империализму, ибо последний проводил свою империалистическую политику «открытых дверей» под флагом «дружбы и сотрудничества» с Китаем. В то же время объявленный «нейтралитет» позволял империалистам выбрать наиболее удобный момент для решительного выступления против китайской революции.

Политика «нейтралитета» диктовалась и другими соображениями. Соединенные Штаты, как и Великобритания и Франция, видя неспособность цинского правительства, находившегося в состоянии паники и растерянности, навести порядок в стране, оказать противодействие революции, окончательно утратили веру в это правительство. С другой стороны представители США и другие иностранные дипломатические представители, получив от временного правительства в Учане «Декларацию о внешней политике», которая не содержала «абсолютно никаких элементов антииностранного характера» (как говорилось в ноте, сопровождавшей эту декларацию), были в известной степени успокоены относительно того, что со стороны тогдашних революционных деятелей отсутствует угроза их интересам в Китае.

¹ См. *Ху Шен*, цит. соч., стр. 182.

Учитывая как раз это обстоятельство, английский посланник еще за несколько дней до официального выступления с «коллективным» провозглашением «нейтралитета» писал в Форейн-оффис о том, что Ли Юань-хун является «весьма образованным человеком, умеет говорить по-английски, он бывал за границей». Английский дипломат далее сообщал, что Ли Юань-хун уже поставил в известность консулов в Ханькоу о том, что сформированное им правительство будет уважать заключенные ранее с державами договоры и соглашения, что оно гарантирует «защиту всех иностранных граждан при условии, что они не будут оказывать помощь маньчжурскому правительству»¹.

«Нет сомнения, что все иностранные представители здесь внешним образом придерживаются принципа невмешательства, однако отношение некоторых из миссий к событиям, при более внимательном наблюдении, принимает, — как туманно писал русский представитель в Китае, — более индивидуальный характер»².

Более определенно об истинном назначении этой политики высказался американский дипломат. Спустя около месяца после заявления о «нейтралитете» американский посланник в Китае Кальхун в своем донесении в государственный департамент указывал, что «продолжение политики нейтралитета означает ожидание пока условия после падения Юань Ши-кая не станут настолько плохими, что вооруженное вмешательство станет необходимым; это в свою очередь может привести к серьезным международным осложнениям...»³

Однако заявления о «нейтралитете» было достаточно для сохранения иллюзий, которые питали лидеры революционного лагеря в отношении империалистов.

Несмотря на то что американские капиталисты в то время имели меньшее влияние в Китае, чем, скажем, Англия, было бы ошибочно думать, что в период китайской революции американцы играли менее активную роль, чем другие великие державы. США, не счита-

¹ См. *Ху Шен*, цит. соч., стр. 183.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 182.

³ The American Minister to the Secretary of State, December 11, 1911, «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 105.

ясь в средствах, явно и тайно добивались осуществления своей колониальной политики в Китае.

Прикрываясь политикой «нейтралитета», Соединенные Штаты Америки активно участвовали в Международном банковском консорциуме совместно с другими державами. Демонстративно подчеркивая «бескорыстную» «дружбу» США к Китаю, американская буржуазия и дипломатическая служба вместе с тем осуществляли политический нажим в Пекине.

Бывший министр иностранных дел России Извольский, являвшийся во время китайской революции послом в Париже, писал по этому поводу в октябре 1911 г.: французские кредитные учреждения, входившие в четверной синдикат, считали, «что американцы сильнее нас (царских представителей. — П. С.) в Пекине и что они располагают крупными секретными фондами для подкупа китайских министров и сановников, от которых зависит выдача концессий»¹.

Этот взгляд подтверждается, например, таким фактом: в 1911 г. американская «Бетлехем стил компани» заключила с цинским правительством секретный контракт на строительство военного флота для Китая, а также на посылку военных инструкторов в китайский флот².

Занимая враждебную синхайской революции позицию и опасаясь раздела Китая без их участия, американские империалисты, не говоря уже об отправке военных кораблей, активизировали деятельность своей дипломатической службы в Китае, а также своих наблюдателей, корреспондентов и т. д. Под флагом заботы об охране безопасности иностранцев и в первую очередь американских граждан в Китае американское правительство в октябре 1911 г. направило императорскому китайскому правительству, а также правительствам ряда буржуазных стран ноту, в которой предлагалось американским гражданам в Китае собраться в открытые порты, «где они будут под защитой иностранных военных судов»³. Правительство США проводило также военную подготовку

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 251.

² См. *Лю Да-нянь*, цит. соч., стр. 149.

³ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 183.

на Филиппинах, опасаясь за судьбу своих тихоокеанских владений.

В то же время США отказывались вступить в какие бы то ни было официальные и неофициальные отношения с Южным (революционным) Китаем.

15 октября 1911 г. временный дипломатический представитель республиканского правительства У Тин-фан обратился к США с предложением о признании республиканского правительства. Эта нота осталась без ответа.

11 ноября У Тин-фан в телеграмме американскому посланнику в Пекине просил последнего снестись с императорским правительством и уговорить его отречься от власти. Однако американский представитель от этой миссии отказался.

18 ноября Ван Чжэн-тан, исполнявший обязанности дипломатического представителя народной армии в провинции Хубэй, обратился снова, на этот раз к американскому консулу в Ханькоу, с таким же предложением и также получил ничем не обоснованный отказ.

Еще до начала мирной конференции южан и северян революционное правительство обратилось 13 декабря 1911 г. в государственный департамент со следующей просьбой: «Необходимо срочно разъяснить причины, по которым финансисты воздерживаются от предоставления займов маньчжурской династии, займов, которые независимые провинции (входящие в лагерь революционеров. — П. С.) должны рассматривать как направленные против них, в их борьбе за свободу. Заявление маньчжур о том, что деньги требуются для установления порядка в Пекине, является лишь уловкой. Иностранцы могут усиливать охрану своих иностранных миссий или временно удалиться в Тяньцзинь. Революционеры предоставляют полнейшую защиту иностранцам»¹. И это заявление революционного правительства, обращенное непосредственно в Вашингтон, также осталось без ответа.

Действия других империалистических держав в Китае также далеки были от подлинного «нейтралитета». Например, Германия и Япония снабжали обреченное цинское правительство оружием и военными инструкторами.

¹ The Minister for Foreign Affairs of the Revolutionary Government to the Secretary of State (Telegram), Shanghai, December 13, 1911; «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 106.

«Под флагом «нейтралитета» империалисты делали все, чтобы отрезать народную армию от источников снабжения продовольствием и необходимыми материалами, и одновременно с этим пользовались случаем увеличить свои прибыли»¹.

Несмотря на объявленный «нейтралитет», дипломатический городок в Пекине был убежищем многих сановников пекинского правительства. В столице «многие из китайцев стараются заручиться защитой отдельных миссий и убежищем в пределах дипломатического квартала. Так, французская миссия обещала приютить у себя князя Су (министра колоний), малолетнего брата богдыхана и еще несколько высокопоставленных лиц. Кроме того, много китайских сановников, в том числе военный министр, уже теперь проживают в здешней европейской гостинице, находящейся в центре дипломатического квартала. Вообще, — резюмировал русский посланник в Китае, — можно с уверенностью сказать, что в случае беспорядков в Пекине, означенный квартал станет убежищем, куда устремится обезумевшее население (читай: правительственные круги. — П. С.). Обстоятельство это представляет, несомненно, серьезное значение, ибо может подать повод враждующим сторонам нарушить нейтралитет иностранной колонии»².

Уже вскоре после начала революционного восстания державы захватили органы связи, объявив почтовую службу Китая «нейтральной».

Внимательно следя за развитием революционных событий, беспрестанно, поодиночке и совместно, вмешиваясь в суверенные дела Китая, готовые в любой момент к вооруженному выступлению против революции, империалисты всех стран стремились под прикрытием нейтралитета укрепить свои экономические и военно-стратегические позиции в Китае. Предметом особой заботы держав являлись морские таможни, большая часть доходов которых, как известно, употреблялась на покрытие долгов по иностранным займам и платежи по контрибуциям.

В декабре 1911 г. дипломатический корпус в Пекине обратился к цинскому правительству с требованием передать все права по распределению доходов морских та-

¹ См. *Ли Шу*, цит. соч., стр. 96.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 363—364.

можен Северного Китая в ведение управляющих таможенными. Маньчжурское правительство, стоявшее на краю гибели, немедленно согласилось на это требование¹.

Через несколько дней, как только начались мирные переговоры между революционерами и Юань Ши-каем, державы, контролировавшие таможенные доходы, прекратили передачу этих доходов цинскому правительству. Вместе с тем они высказали желание предоставить Юань Ши-каю кредиты на небольшую сумму для употребления их на стабилизацию рынка в Пекине.

Так выглядел на деле «нейтралитет» США и других империалистических стран. Добиваясь от пекинского правительства серьезных уступок в свою пользу, США и другие великие державы стремились к тому, чтобы по возможности подчинить своему влиянию революционный лагерь, максимально ослабить его или, по крайней мере, ограничить размах революционных сил в Китае такими рамками, при которых бы существовавший в стране полуколониальный и полуфеодальный режим не разрушался.

Для достижения своих коварных целей представители держав использовали прежде всего либерально настроенных помещиков и компрадорскую буржуазию. Это особенно удавалось в тех районах, где позиции иностранного капитала были наиболее сильными. Так, например, в Шаньдуне, опасаясь массового революционного движения, германские империалисты оказали воздействие на губернатора. Последний согласился возглавить новую власть и провозгласил 9 ноября 1911 г. независимость от пекинского правительства Шаньдуна, оставив нетронутыми старые порядки.

В Шанхае перемена правительства не отразилась на положении и деятельности иностранных концессий. Были лишь приняты некоторые меры предосторожности, сообщал царский посланник Коростовец, в виде высадки десантов со стоящих на рейде иностранных судов, причем общее командование над последними принял французский адмирал. «На запрос консулов в Шанхае об отношении их к революционным властям дипломатический корпус разрешил сноситься с вождями революционеров, как *de facto* заменившими прежних правительственных

¹ *Ху Шен*, цит. соч., стр. 181.

чиновников, из которых даотай, в виде уже частного лица, проживает теперь на¹ иностранной концессии, по соседству с нашим генеральным консулом. Точно так же ныне дипломатическим корпусом обсуждается вопрос о поступлении таможенных пошлин в Шанхае на открытый в одном из банков счет главного инспектора морских таможен под контролем иностранных банков, дабы обеспечить таким образом уплату по иностранным займам и боксерскому вознаграждению»¹. Что касается Северного Китая, то в таких городах, как Тяньцзинь, Нючжунан и Чифу, «тревожное настроение увеличивается и, если можно судить по все более и более овладевающей населением панике, все они (города.— П. С.) в ближайшем будущем провозгласят себя перешедшими на сторону революционеров»².

В Маньчжурии революционное движение приняло широкий размах. Но в связи с прочными позициями Японии и царского самодержавия в этом районе наместнику удалось удержать власть. Было заявлено о независимости Маньчжурии «ввиду обнаружившегося бессилия центрального правительства»³. Подобные события происходили и в других районах Китая.

Действия империалистов против революции не ограничивались политической сферой. «Считаю долгом упомянуть, что замедление, происшедшее в действиях революционеров по занятии китайской части Ханькоу и Ханьяна, объясняется мерами, принятыми французскими инженерами на Пекин-Ханькоуской дороге, распорядившимися заблаговременно оттянуть на север все паровозы и вагоны, так что подвижной состав не попал в руки революционеров»⁴.

Нажим на революционный лагерь оказывался и по дипломатической линии. Во второй половине октября 1911 г. американский, английский, французский, германский консулы в Ханькоу — дипломатические представители четверного консорциума банкиров — начали переговоры с лидерами революционеров о признании ими в случае падения дайцинской династии займа у четверного

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 362.

² Там же.

³ Там же, стр. 363.

⁴ Там же, стр. 186.

консорциума, который был бы предоставлен для оплаты купонов по «вознаграждению за боксерское восстание»¹. Этот шаг был лишь дипломатическим зондажем, так как вопрос о предоставлении займа пекинскому правительству уже в конце октября отпал.

Враждебно относясь к революционному движению многомиллионного китайского народа, империалисты США хотели бы справиться с ним внутренними реакционными силами Китая, оставаясь по возможности в тени и в стороне. По их мнению, эта цель могла быть достигнута наилучшим образом «сильным» китайским правительством, способным справиться с революцией. Вместе с тем такое правительство должно быть послушным в осуществлении их, американских магнатов, целей и задач в Китае.

Такого же мнения в отношении революционного китайского народа придерживались правящие круги Англии, Франции и других держав.

Появление на политической арене Юань Ши-кая, еще задолго до революции 1911 г. зарекомендовавшего себя незаурядным слугой реакционных сил и империализма, было воспринято США с удовлетворением. К тому же Юань слыл либералом и был призван к власти цинской династией.

С началом революции империалисты сомневались в способности «партии умеренных» удержать руководство в своих руках и установить в Китае порядок, выгодный империализму, хотя представители этой партии с самого начала проявляли желание и готовность идти на компромисс и сотрудничество с великими державами. Поэтому использование Юань Ши-кай «для замены цинских правителей и приостановки дальнейшего развития революции наиболее соответствовало интересам империалистических держав»².

Юань Ши-кай был желательной фигурой для США и других участников Международного банковского консорциума — Великобритании, Франции, Германии. Империалистические заправилы США почувствовали, что теперь, прикрываясь ширмой «нейтралитета», они сумеют лавировать еще успешнее.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 284, 299.

² *Ху Шен.* цит. соч., стр. 187.

2 ноября 1911 г. Юань Ши-кай был назначен председателем совета министров и незамедлительно сформировал кабинет. Указом от 6 декабря была санкционирована отставка князя-регента, который фактически уже был устранен от дел со времени приезда в Пекин Юань Ши-кай. В указе говорилось о том, что «ответственность за назначение сановников на должности и заведывание государственными делами» возлагаются на председателя совета министров и членов совета министров.

Вся военная и политическая власть в стране фактически перешла к одному Юань Ши-каю, так как среди образованного им кабинета, «за последовательным отказом от должности немногих имеющих хоть какое-либо значение министров и товарищей их, не осталось ни одного человека, — писал царский дипломат в Пекине Щекин, — способного выделиться и сыграть самостоятельную роль»¹.

Реакционер Юань Ши-кай — главарь бэйянской клики милитаристов, придя к власти, быстро показал себя как ярый контрреволюционер. Рядом срочных и жестоких мер и в первую очередь мер по укреплению армии ему удалось несколько укрепить реакционный лагерь.

Однако позиция, занятая революционерами в Учане и Ханькоу, сообщал русский посланник в Китае, настолько прочна, что правительственные войска «в настоящем их составе и организации имеют очень мало шансов одержать верх, тем более, что революционная армия пользуется сочувствием и поддержкой населения»².

Сообщая о событиях в Китае, русский посланник в Пекине отмечал, что сведения, поступающие из Центрального и Южного Китая свидетельствуют о повсеместных успехах революционеров. Юньнань, Сычуань, Хубэй, Хунань и др. перешли на сторону революционеров. В остальных провинциях также происходило брожение и замечалось стремление к отпадению от Пекина. «Вообще можно считать, что все главнейшие центры к югу

¹ Содержание указа приводится в депеше поверенного в делах в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову от 8 декабря (25 ноября) 1911 г., «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 172.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 362.

от Янцзы уже не признают над собой власти центрального правительства»¹.

Крупным событием явился переход в руки революционеров Кантона. Причем и там дело обошлось без кровопролития. Чиновники с вице-королем бежали в Гонконг, а на месте было организовано временное правительство.

Революционные войска, организованные в Шанхае, в Уху, в Сучжоу и других местах, после ожесточенных боев овладели 1 декабря 1911 г. Нанкином. Капитуляция Нанкина, нанеся серьезный удар старому режиму, вызвала новый революционный подъем в стране.

Правительственные войска, посланные Юань Ши-каем, без всякого успеха пытались выбить революционеров из занятых ими позиций в Ханьяне и Учане. Очевидное бессилие пекинского правительства в подавлении синхайской революции и растущая с каждым днем революционная активность китайского народа, достигшего выдающейся победы и оказывавшего влияние на народы других стран Азии, основательно напугали буржуазные правительства Америки и Европы.

Сложившаяся в Китае в декабре 1911 г. ситуация показала воочию, что маньчжурская династия обратилась уже в «пустой звук»². В этих условиях империалисты США, как и другие державы, официально оставаясь «нейтральными», стремились принять необходимые, с их точки зрения, срочные меры для борьбы с революцией.

§ 3. Устранение Сунь Ят-сена с поста президента. Политические маневры США

Под маской политики «нейтралитета» США проводили активную деятельность, направленную на ликвидацию синхайской революции и усиление своего влияния в Китае.

Ненависть к китайской революции, беспокойство за империалистические позиции в Китае, боязнь за целостность «своих» по соседству расположенных с Китаем азиатских владений являлись тогда основой сотрудничества

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 362.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 172.

империалистических стран в Китае и на Дальнем Востоке.

В период напряженной вооруженной борьбы между революционерами и реакционными силами во главе с Юань Ши-каем, а также в связи с усилившимися интригами маньчжурской династии в ущерб Юань Ши-каю дипломатический корпус стал на сторону последнего, решил оказать помощь ставленнику реакции.

Считая Юань Ши-каю «единственным лицом, представляющим в Пекине твердую правительственную власть», дипломатический корпус еще 10 (23) ноября 1911 г. на своем заседании разделил «высказанное мной, — пишет царский посланник Коростовец, — и американским посланником мнение о желательности обезопасить положение Юань Ши-каю и дать ему возможность действовать и признал, что в случае его падения или смерти может произойти вооруженное столкновение, угрожающее иностранцам и кварталу миссий, что повело бы к вмешательству держав... Решено поэтому поручить старшине переговорить частным образом с Юань Ши-каем и посоветоваться относительно лучшего способа действий».

На заседании дипломатического корпуса также решили принять меры к усилению гарнизона квартала миссий. С этой целью посланники Франции, США, царской России, Японии, Англии и др. обратились «к своим правительствам с просьбой прислать небольшие отряды, не свыше 300 человек на каждую миссию, с тем, чтобы нынешний гарнизон, составляющий 1200 человек, был доведен до 2000 человек»¹.

В лице Юань Ши-каю империалисты США видели человека, который мог, с их точки зрения, организовать правительство, достаточно сильное для подавления революционного движения, и который вместе с тем был бессилён сопротивляться нажиму иностранного капитала.

В качестве эффективной помощи реакционному лагерю во главе с Юань Ши-каем США считали необходимым прекращение вооруженной борьбы путем установления перемирия между воюющими сторонами. Представители других держав, аккредитованных в Пекине, были того же мнения.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 88.

К этому времени между воюющими сторонами начались переговоры о прекращении военных действий и установлении мира. Революционеры настаивали на отречении династии; в этом случае могли бы быть сохранены за династией «права собственности под некоторыми гарантиями, которые установит собирающееся учредительное собрание». Революционеры были готовы «прекратить на время переговоров военные действия, если такое же распоряжение будет дано и правительственным войскам».

5 декабря Юань Ши-кай объявил о прекращении военных действий на три дня. По истечении этого срока перемирие было продлено еще на 15 дней. В начале декабря 1911 г. из Пекина была послана в лагерь революционеров делегация во главе с Тан Шао-и — близким лицом Юань Ши-кайя.

Тем временем империалисты США в контакте с представителями других стран и совместно с Юань Ши-каем плели сети тайного заговора против революционеров. Замыслы Юань Ши-кайя сводились к тому, чтобы не допустить немедленного падения цинской династии и ее ухода с политической сцены и в то же время воспрепятствовать быстрой и полной победе революционных сил страны. «Он запугивал цинское правительство революцией, заявляя, что, если маньчжурская династия не отречется от власти, то он будет бессилён что-либо сделать для восстановления положения». В то же время он страдал революционеров цинским правительством, «говоря, что если революционеры не пойдут с ним, Юань Ши-каем, на компромисс, он будет поддерживать маньчжурскую династию и биться до последних сил»¹.

Однако Юань Ши-кай не мог не считаться с образовавшимся и действовавшим на Юге временным республиканским правительством, а также и с тем обстоятельством, что деятельность революционеров встречала поддержку народных масс. «При таких условиях вопрос о компромиссе остается в настоящую минуту открытым, и, если таковой не будет достигнут, — отмечал русский поверенный в делах в Пекине, — Юань Ши-каю останется либо пожертвовать монархическим принципом и принять президентство республики, сопряженное с риском потря-

¹ См. *Ху Шен*, цит. соч., стр. 186.

сений при окончательном устранении маньчжурской династии, либо искать иностранного посредничества или, наконец, продолжать вооруженную борьбу, если он найдет к тому средства из иностранного источника, но... рискуя в этом последнем случае скоро привести страну к анархии»¹.

Не одолев революционеров вооруженным путем, Юань Ши-кай при активной поддержке иностранных держав добивался решительных уступок со стороны революционного лагеря.

15 декабря 1911 г. дипломатические представители стран — участниц банковского четверного консорциума совместно с Японией и царской Россией на своем специальном заседании в Пекине обсудили вопрос о перемирии.

Дипломатические представители Англии, Франции, США, Германии, Японии и царской России постановили рекомендовать своим правительствам обратиться к воюющим сторонам с предложением о необходимости скорейшего заключения перемирия. Тут же был выработан текст сообщения обеим сторонам, в котором, в частности, указывалось: «Миссии... в Пекине поручено ее правительством сделать следующее официальное заявление уполномоченным на ведение переговоров об условиях восстановления мира в Китае: Правительство... считает, что продолжение ведущейся борьбы в Китае затрагивает не только саму эту страну, но и материальные интересы и безопасность иностранцев... Правительство... считает необходимым официальным образом обратить внимание обеих делегаций на необходимость достигнуть скорейшего соглашения...»²

На том же совещании был в принципе решен вопрос о предоставлении Юань Ши-каю 3 млн. лян, в которых он нуждался главным образом для уплаты жалованья войскам.

В этот же день, 15 декабря 1911 г., представители шести держав (участники банковского консорциума плюс царская Россия и Япония) обратились к представителям Севера и Юга с общим меморандумом. В этом документе,

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 172.

² Там же, стр. 195.

подписанном и представителем США, говорилось о том, что «дальнейшее затягивание внутренних беспорядков в Китае представляет угрозу интересам иностранных государств, а также жизни и имуществу иностранных граждан», поэтому «мы выражаем надежду на быстрейшее достижение компромисса во время мирных переговоров и прекращения столкновений, имеющих в настоящее время»¹.

Поддержка со стороны США правительства Юань Ши-кая по вопросу о перемирии ослабляла в широком смысле позицию революционеров на переговорах. Выступление стран—участниц банковского консорциума совместно с Японией и царской Россией являлось по существу открытым вмешательством во внутренние дела Китая, дипломатической диверсией, направленной на ослабление революционного лагеря и оказание помощи реакционерам.

По мнению американских и других дипломатических представителей в Китае, пекинское правительство «будет лишь приветствовать все, что может облегчить до крайности ему необходимый компромисс»².

Дело в том, что прекращение военных действий в начале декабря пагубно отзывалось на дальнейшем развитии революции. Находившиеся под руководством Юань Ши-кая вооруженные силы цинской династии еще не были сломлены. Реакционный лагерь крайне нуждался в передышке, чтобы перегруппировать и укрепить свои силы.

Выступление шести держав во главе с участниками Международного банковского консорциума, где США в то время играли активную роль, с «советами примирительного характера», с меморандумом от 15 декабря было встречено по-разному северянами и южанами.

Это выступление Тан Шао-и принял «с благодарностью, прием же, оказанный сему шагу У Тин-фаном (революционный лагерь. — П. С.), произвел на консулов неблагоприятное впечатление». Однако революционеры, не имевшие достаточно знаний и опыта, не сумели разга-

¹ The American Minister to the Secretary of State, American Legation, Peking, December 15, 1911, «U. S. Foreign Relations», 1911, p. 55.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 195.

дать коварную тактику американских и других империалистов и не заметили опасного характера развивавшихся событий.

Нельзя не согласиться с мнением царского дипломата Щекина, поверенного в делах в Пекине, который говорил, что выступление с поддержкой Юань Ши-кая было произведено «в предвидении затяжки или неудачи переговоров в Шанхае». Однако важно и другое свидетельство: характеризуя причины, побудившие представителей шести стран выступить в поддержку Юань Ши-кая, Щекин указывал, в частности, на тот факт, что американский посланник, выступая за перемирие, руководствовался прежде всего «заботой о сохранении за Америкой ее роли в Китае»¹.

Американская позиция в отношении мирных переговоров между революционерами и Юань Ши-каем была в пользу последнего. В телеграмме на имя государственного секретаря Нокса от 11 декабря 1911 г. американский посланник в Пекине Кальхун приводил следующие соображения в пользу поддержки Юань Ши-кая путем предоставления ему займа: если из-за финансовых трудностей пекинское правительство не сумеет удержаться у власти, то Китай может оказаться в состоянии анархии.

Предоставление Юань Ши-каю международного займа может заставить Южный Китай пойти на условия Юань Ши-кая².

Другими словами, предоставление Юань Ши-каю займа Кальхун рассматривал как удар по революционному Китаю. Эта финансовая акция могла лишить южан возможности предъявлять такие требования, которые сорвали бы мирные переговоры между Севером и Югом.

Однако, стремясь использовать революционные события в Китае в своекорыстных интересах, правящие круги США не желали открыто становиться на сторону реакционных сил, действовавших против революции. Они в этом случае предоставляли инициативу другим империалистическим государствам, предпочитая действовать за их спиной.

Излагая свои соображения государственному департаменту, Кальхун прямо заявлял, что Америка не должна

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 196.

² «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 105.

брать на себя инициативу в деле предоставления займа Юань Ши-каю. Инициатива должна, по его мнению, принадлежать Великобритании, которая-де имела наибольшие по сравнению с другими державами интересы в Южном Китае. Это обстоятельство, по мнению американского дипломата, должно было оправдать руководящую роль Англии во всем этом деле ¹.

Английские представители были инициаторами переговоров о займе. Но «я не знаю, какова будет политика Англии в этом вопросе дальше,— продолжал Кальхун. — Немецкий и бельгийский посланники и французский поверенный в делах заявили своим правительствам, что поддержка Юань Ши-каю является необходимой. Но если англичане не будут предпринимать действий в этом вопросе, то нужно будет отказаться от данного предложения»².

Таким образом, американская дипломатия вполне определенно добивалась того, чтобы инициатива в оказании финансовой помощи ставленнику реакции Юань Ши-каю исходила не от США, а от Великобритании. Такая позиция определялась как необходимостью сохранить за собой свободу действий, пока исход революции еще окончательно не определился, так и стремлением маскировать лицемерную политику «друга Китая», которую американские представители афишировали перед общественным мнением этой страны.

18 декабря начались мирные переговоры, или так называемая мирная конференция. Революционное временное правительство представлял У Тин-фан, старый цинский чиновник, бывший посланник Китая в США, примкнувший к лагерю восстания в Шанхае. Лагерь северян представлял Тан Шао-и.

Еще до окончания переговоров между революционным лагерем и Юань Ши-каем, 1 января 1912 г., в Нанкине было образовано временное правительство Китайской республики. Временным президентом был избран Сунь Ят-сен ³. Это явилось крупной победой революционного лагеря.

¹ «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 105.

² Ibidem.

³ Сунь Ят-сен после длительного изгнания 1 января 1912 г. прибыл в Нанкин. Он обратился к народу с манифестом. Главной

Характеризуя происходившие в то время в Китае крупные политические события, В. И. Ленин писал: «Напрашивается само собой сравнение временного президента республики в диком, мертвом, азиатском Китае и разных президентов республик в Европе, в Америке, в странах передовой культуры. *Тамошние* президенты республик — сплошь дельцы, агенты или куклы в руках буржуазии, насквозь прогнившей, с ног до головы, запачканной грязью и кровью, не кровью падишахов и богдыханов, а кровью рабочих, расстреливаемых за стачки во имя прогресса и цивилизации. Тамошние президенты—представители буржуазии, которая отреклась давным-давно от всех идеалов молодости, которая проституировала себя до конца, продала себя целиком миллионерам, миллиардерам, обуржуазившимся феодалам и т. д.

Здесьшний, азиатский временный президент республики — революционный демократ, полный благородства и героизма, свойственного такому классу, который идет не под гору, а в гору, который не боится будущего, а верит в него и самоотверженно борется за него, — классу, который ненавидит прошлое и умеет сбрасывать его омертвелую и душашую все живое гниль, а не цепляется за охранение и восстановление прошлого ради охраны своих привилегий»¹.

Созданное в результате революционных усилий китайского народа республиканское правительство обратилось 2 января 1912 г. ко всем иностранным державам с манифестом, в котором говорилось:

«...Опасаясь, что иностранные государства не располагают сведениями об истинных целях нашего народа, заключающихся в стремлении поддерживать добрососедские отношения со всеми государствами, мы доводим до сведения всех государств нижеуказанные принципы, на основе которых будут строиться отношения между нами и дружественными государствами:

1. Республика признает действительными вплоть до истечения срока их действия все договоры, заключенные

своей целью Сунь Ят-сен считал свержение маньчжурской династии, создание республики, увеличение благосостояния китайского народа. Основными задачами нового правления он провозгласил установление равенства народностей, объединение страны, организацию власти и регулирование финансов.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 144—145.

до революции маньчжурским правительством с другими государствами. Договоры, заключенные этим правительством после революции, признаваться не будут.

2. Республика также считает своей обязанностью погашать долги по всем займам и контрибуциям, полученным и признанным маньчжурским правительством до революции, оставляя без изменений условия этих займов и контрибуций. Соглашения о займах, подписанные после революции, признаваться не будут. Также не будут признаны те соглашения о займах, которые, будучи подписаны до революции, вступают в силу после начала революции.

3. Республика будет также, как это было и в прошлом, уважать все права иностранных государств и отдельных граждан этих государств, полученные от маньчжурского правительства до революции. Права, предоставленные этим правительством после революции, признаваться не будут.

Перед нами всегда будет неизменно стоять задача дальнейшего улучшения дружеских отношений между нашей республикой и всеми правительствами и народами мира. Мы надеемся, что те государства, которые ранее всегда относились к нам с постоянным сочувствием, будут и впредь поддерживать с нами еще более искренние отношения дружбы и взаимного уважения и что в тот период, когда республика еще не завершила полностью всех преобразований, они сохраняют к нам лояльное отношение, оказывая нам содействие в осуществлении великих планов, разработанных нами. Ведь все дружественные государства издавна побуждали наш народ к великому делу преобразований, но маньчжурское правительство не вняло этим уговорам...»¹

Эта внешнеполитическая программа являлась основой для установления нормальных отношений с иностранными государствами. На этой основе республиканцы добивались своего международного признания.

В Вашингтон, Лондон, Токио, Париж, Петербург были посланы телеграммы с указанием на желательность скорейшего признания республиканского правительства².

¹ См. *Ху Шен*, цит. соч., стр. 189—190.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 294—295; т. XIX, ч. II, стр. 21—22.

В телеграмме министра по иностранным делам Китайской республики в адрес государственного департамента от 17 января 1912 г. ясно и прямо указывалось: «Республиканское правительство прочно установилось. Для облегчения нашего общения с иностранными государствами и предоставления нам возможности лучше выполнять наши международные обязательства, усиленно настаиваю перед Вами на желательности скорейшего признания нашего правительства»¹.

Однако настойчивое обращение Китайской республики непосредственно к правительству Соединенных Штатов Америки, которое всегда называло себя «другом Китая», осталось без ответа². Такая же участь постигла и обращение Китайской республики к западноевропейским странам.

Ни правительство США, ни правительства других держав не проявили ни малейшего намерения признать революционное нанкинское правительство, поскольку империалисты сделали ставку на то, чтобы свергнуть это правительство, удушить китайскую революцию.

США, выступая вместе с правительствами других империалистических государств, действовали в помощь реакционному лагерю, они стремились облегчить Юань Ши-каю приход к власти, обещали незамедлительное признание правительства, возглавленного им.

Государственный секретарь США Нокс решительно высказался за поддержку Юань Ши-каю, помыслы которого были «направлены к тому, чтобы стать императором».

Газеты «Нью-Йорк трибюн», «Нью-Йорк сан» и другие активно поддерживали позицию американского правительства относительно событий в Китае. Эти буржуазные газеты писали о том, что китайский народ якобы «совершенно неспособен к самоуправлению». Сунь Ят-сена газеты называли «вредным мечтателем», а его революционная идея об осуществлении принципа «пахарь должен иметь свое поле» объявлялась «чистейшим бредом» и «непревзойденным абсурдом»³.

¹ The Chinese Republican Minister for Foreign Affairs to the Secretary of State, January 17, 1912, «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 62.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 22.

³ См. Лю Да-нянь, цит. соч., стр. 146.

Американская буржуазная пресса обрабатывала общественное мнение в том духе, что «без Юань Ши-кая наступит гибель» Китая, «без Юань Ши-кая нельзя никак обойтись», если Юань Ши-кай не станет во главе правительства Китайской республики, то державы ее не признают¹.

20 января 1912 г. от американского посланника в Пекине стало известно, что английский посланник в качестве старшины дипломатического корпуса еще до указа об отречении династии обещал ускорить признание временного правительства, которое должен был образовать Юань Ши-кай².

Министр иностранных дел Франции Пуанкаре в январе 1912 г. обратился с нотой ко всем державам, указывая на желательность кандидатуры Юань Ши-кай в президенты Китая.

А тем временем империалисты укрепляли свои позиции. 26 января 1912 г. на заседании дипломатического корпуса в Пекине с участием США была принята резолюция, определявшая статут Пекин-Шанхайской дороги в отношении революционных и императорских войск. Резолюция включала ряд положений, из которых наибольший интерес представляли первые четыре пункта:

1) Иностранные войска будут расположены на главных станциях, около мостов и т. д., а также вдоль железнодорожного полотна.

2) Императорские и революционные войска одинаково могут пользоваться дорогой... и в их действия иностранцы не будут вмешиваться.

3) Обе стороны будут предупреждены, что они должны воздерживаться от вмешательства в дела дороги и причинения ей ущерба.

4) Попытки причинения перманентного ущерба важным объектам дороги: станциям, депо, мостам, оборудованию — встретят сопротивление объединенных иностранных военных сил³.

По существу это означало оккупацию Пекин-Шанхайской железной дороги американскими, британскими,

¹ См. *Лю Да-нянь*, цит. соч., стр. 146.

² «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 31, 65.

³ Resolutions of Diplomatic Body regarding Military Occupation of the Railway from Peking to Shanhaikwan, January 26, 1912; *MacMurray J. V. A.*, op. cit., p. 318—319.

французскими, немецкими, итальянскими и японскими войсками¹ — шаг, направленный против революционно-го китайского народа.

В период мирной конференции между Югом и Севером предпринимались различные уловки, чтобы запугать южан и заставить революционное правительство пойти на уступки. Милитаристы и чиновники из клики Юань Ши-кая подымали крик об опасности, нависшей над страной, о надвигавшейся угрозе иностранной интервенции.

В декларации, изданной в декабре Объединенной республиканской ассоциацией, в которую входили У Тинфан, Чжан Юй и другие, говорилось: «Правда, в настоящий момент державы пока что не вмешались в восстание нашей армии (в революцию. — П. С.), однако каждый разумный человек должен задуматься, можно ли считать прочным факт отсутствия интервенции в данный момент и долго ли продлится такое положение. Отсутствие интервенции в настоящий момент объясняется тем, что военные столкновения только начались. Если же беспорядки не утихнут, последует интервенция... И как только начнется интервенция, дело обернется плохо и для армии и для правительства»².

При такой оценке положения вставал вопрос, какие принять меры, чтобы заставить державы отказаться от интервенции. Для многих представителей правого крыла революционного правительства единственным ответом на этот вопрос было обратиться к Юань Ши-каю с просьбой занять пост президента.

Компрадорские, бюрократические и феодальные связи китайской буржуазии, действовавшие в помощь империалистическим державам, препятствовали Сунь Ят-сену и его группе проводить правильную линию на продолжение и развитие революции. Это обстоятельство являлось помехой революционным устремлениям Сунь Ят-сена. Следует также отметить, что Сунь Ят-сен и его сторонники действовали в сложных условиях полуколони-

¹ Resolutions of Diplomatic Body regarding Military Occupation of the Railway from Peking to Shanhaikwan, January 26, 1912; MacMurray J. V. A., op. cit., p. 318.

По статье IX «Заключительного протокола 1901 г.» иностранные державы получили право занять своими гарнизонами некоторые пункты на этой дороге для поддержания сообщения между станцией и морем (см. Э. Д. Гримм, цит. соч., стр. 150).

² См. Ху Шен, цит. соч., стр. 191.

альной страны, где господствовали империалистические державы и, в частности, банковский консорциум четырех держав — Англии, Франции, Германии и США, оказывавшие могущественную поддержку реакционному лагерю с целью дальнейшего закабаления китайского народа.

Так в силу сложившихся обстоятельств нанкинское правительство шаг за шагом сдавало свои позиции. Сунь Ят-сен и его сторонники были согласны передать пост президента Юань Ши-каю при условии отречения маньчжурской династии.

Такое решение устраивало большинство руководства республиканцев, где превалировали вчерашние либералы. Оно устраивало и иностранных капиталистов, видевших в Юань Ши-кае послушного им и в то же время «сильного» правителя.

В конце января 1912 г. представители Юга дали согласие на передачу президентского поста Юань Ши-каю.

Еще до того как Юань Ши-кай стал президентом, в феврале 1912 г., дипломатические представители Англии, Франции и США в Пекине поспешили со своими поздравлениями Юань Ши-каю. Затем этим представителям Юань Ши-кай официально отдал ответные визиты. В связи с этим русский поверенный в делах в Пекине Щекин сообщал: неловкое ощущение обнаружилось очень скоро; «оно стало заметно благодаря стараниям, которые были приложены, чтобы лишить именно официального характера принесенные поздравления: то говорилось, что свидание с Юань Ши-каем было лишь деловое, то довольно наивно подчеркивалось отсутствие преднамеренности или указаний своего правительства». Далее Щекин делал вывод: «Насколько я могу судить, истинная цель все-таки сводилась к тому, чтобы оказать нравственную поддержку Юань Ши-каю перед началом переговоров с нанкинской депутацией»¹.

12 февраля 1912 г. цинский двор обнародовал указ об «отречении», и Юань Ши-кай сразу же сформировал в Пекине временное правительство. Он немедленно обратился к представителям всех иностранных держав с просьбой сообщить об этом своим правительствам.

Дипломатические представители во главе со старшой — английским посланником немедленно установили с

¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 177.

временным правительством в Пекине отношения де-факто. А участники банковского консорциума — Англия, Германия, Франция и США — сразу приступили к переговорам с правительством Юань Ши-кая по вопросу о предоставлении последнему займа.

13 февраля 1912 г. Сунь Ят-сен заявил о своем уходе с поста президента, а 14 февраля временная совещательная палата избрала временным президентом Юань Ши-каю.

10 марта 1912 г. в Пекине с согласия нанкинского правительства Юань Ши-кай принял присягу и вступил на пост временного президента, а 1 апреля 1912 г. Сунь Ят-сен под давлением либеральной буржуазии и под угрозой иностранной интервенции официально сложил с себя полномочия президента¹.

Пробыв на посту президента полтора месяца, Сунь Ят-сен позднее, давая оценку своему шагу, писал:

«...Я отказался от поста в пользу Юань Ши-каю, так как мои друзья, которым я полностью доверял и которые тогда обладали более точным знанием китайских внутренних отношений, чем я, убеждали меня, что Юань Ши-кай способен объединить страну и обеспечить устойчивость Республики, располагая доверием со стороны иностранных держав. Мои друзья теперь признают, что моя отставка была большой политической ошибкой, имевшей в точности такие же политические последствия,

¹ В статье, посвященной 90-летию со дня рождения Сунь Ят-сена, тов. Мао Цзэ-дун говорит: «Помните его многочисленные заслуги и великие успехи во время синхайской революции, когда он руководил народом в борьбе за свержение монархии и основание республики...

В наше время все китайцы, за исключением ничтожной кучки реакционеров, являются продолжателями революционного дела Сунь Ят-сена.

Мы завершили демократическую революцию, не законченную Сунь Ят-сеном, и развили эту революцию в социалистическую революцию. Сейчас мы завершаем эту революцию...

В течение всей своей жизни он целиком и без остатка отдавал свою энергию преобразованию Китая, действительно всеми своими силами и до последнего дня своей жизни служил родине.

Как и у многих других великих исторических деятелей, стоящих на правильных позициях у руководства потоком событий эпохи, у Сунь Ят-сена были свои недостатки. Необходимо, чтобы люди поняли, что это объясняется историческими условиями, и не предъявляли слишком строгих требований к своим предшественникам» (Мао Цзэ-дун, *Помните Сунь Ят-сена*, «Правда», 12 ноября 1956 г.).

которые имели бы место в России, если бы на смену Ленину в Москве пришел Колчак или Юденич, или Врангель»¹.

Опираясь на политическую поддержку правительства США и укрепив с помощью предоставленных Международным банковским консорциумом средств свою военномилитаристскую базу, Юань Ши-кай порвал связь с Национальным собранием (парламентом) и стал проводить политику установления открытой диктатуры. С этого времени в Китае начался период господства различных групп милитаристов; название «Китайская республика» перестало соответствовать своему содержанию.

В мае 1913 г. революционеры во главе с Сунь Ят-сеном подняли на Юге новое восстание. Однако оно окончилось поражением, так как гоминдан² отказался от важнейшего пункта платформы Сунь Ят-сена об уравнительном землепользовании, направленного против феодализма.

Революция 1911 г. решила только одну задачу на пути создания сильного, независимого Китая. Свергнув монархический режим, революция положила конец господству маньчжурской цинской династии. В этом отношении революция была антиимпериалистической, так как борьба против монархии была борьбой за сильный, самостоятельный Китай, за его независимость. С этой точки зрения китайская революция явилась величайшим событием вслед за первой русской революцией.

Однако революция не провела аграрной реформы, которая подорвала бы устои феодализма в стране. Китай остался полуфеодальной и полуколониальной страной. В результате сговора либеральных буржуазно-помещичьих элементов со старой, лишь слегка модернизированной феодальной бюрократией (блок этот был возглавлен Юань Ши-каем) революция привела к замене централизованной монархии марионеточной республикой и милитаризмом. Это изменение в государственном устройстве

¹ Журнал «Большевик» № 19, 1950 г., стр. 46—47.

² Гоминдан—«национальная партия»—буржуазная партия, образована в августе 1912 г. в результате слияния «Тунмынхой» с рядом либеральных организаций. Лидером гоминдана стал Сунь Ят-сен. Программа новой партии не содержала требования «равных прав на землю». Это было шагом назад по сравнению с программой «Тунмынхой».

представляло по существу лишь надстройку над той же сохранившейся системой феодального гнета, поддерживаемого империализмом.

«Революционное движение, которому положил начало Сунь Ят-сен, — говорит тов. Мао Цзэ-дун, — за 50 лет кое в чем увенчалось успехом, а кое в чем потерпело поражение. Посмотрите: революция 1911 года прогнала императора. Разве это не было успехом? Поражение же состояло в том, что революция 1911 года только прогнала императора, но Китай попрежнему остался под гнетом империализма и феодализма, а антиимпериалистические и антифеодальные задачи революции отнюдь не были решены»¹.

Китайская революция 1911 г. оказала большое влияние на другие народы Востока. В то время, когда империалисты США, Англии, Франции, Японии и других держав оказывали всячески помощь Юань Ши-каю, В. И. Ленин с полной уверенностью говорил, что, как бы ни точили свои зубы волки и шакалы «цивилизованных» стран, готовясь проглотить китайскую революцию, в мире уже нет такой силы, которая смогла бы восстановить в Азии, в особенности в Китае, прежнее крепостничество, могла бы выкорчевать демократический дух народных масс Китая и других народов стран Востока.

Всколыхнув народные массы, синхайская революция сыграла выдающуюся роль в пробуждении великого китайского народа к сознательной революционной демократической борьбе. Она подготовила почву для нового революционного подъема.

Написанная В. И. Лениным и принятая Пражской партийной конференцией резолюция подчеркивала «мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии». Отмечая дружеские чувства русского революционного пролетариата к китайскому народу, резолюция свидетельствовала «о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма»².

¹ Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, стр. 19.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, Госполитиздат, 1953, стр. 286.

Во время синхайской революции американские империалисты действовали против революционного лагеря, возглавлявшегося Сунь Ят-сеном. Только в результате совместных усилий США, других империалистических держав и китайской реакции к власти в стране пришла клика милитаристов во главе с Юань Ши-каем.

Соединенные Штаты Америки поспешили с официальным поздравлением, не дожидаясь вступления Юань Ши-кая на пост президента.

Еще 29 февраля 1912 г. сенат и палата представителей американского конгресса приняли резолюцию, приветствовавшую «республиканский» строй в Китае. «Соединенные Штаты поздравляют китайский народ, — говорилось в этом документе, — с тем, что он взял в свои руки власть, обязанность и ответственность за судьбу страны, и выражают твердую надежду, что при принятии и сохранении республиканской формы правления будут обеспечены права свободы и счастья китайского народа, а также будет обеспечено дальнейшее развитие страны»¹. Резолюция американского конгресса не оставляла сомнений в поддержке реакционных сил Китая.

Резолюция конгресса не была официальным актом признания, но своим выступлением Соединенные Штаты оказывали весьма важную политическую услугу реакционеру Юань Ши-каю, бывшему царедворцу маньчжурского императорского дома.

Инициатива США, выступивших ранее других держав, означавшая по существу признание реорганизованного пекинского правительства, была рассчитана на то, чтобы приобрести в Пекине большее политическое влияние, чем другие державы, и прежде всего иметь большее влияние, чем Япония — главный американский соперник в Китае.

Больше того, этот шаг американского правительства был предпринят вразрез с предложением, сделанным японским послом государственному департаменту 23 февраля 1912 г. (вскоре после отказа Сунь Ят-сена от президентского поста в пользу Юань Ши-кая и за несколько дней до резолюции конгресса в отношении Китая). Японская нота содержала предложение сохранить «принцип совместного действия, к которому успешно прибегают во

¹ The Acting Secretary of State to the American Minister, Department of State, Washington, March 2, 1912, «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 71.

время настоящего кризиса» в Китае иностранные державы¹, т. е. соблюсти единство в вопросе о признании нового правительства в Китае во главе с Юань Ши-каем.

Демонстративное и одностороннее выступление Вашингтона не было случайностью. Оно выражало определенный курс американской буржуазии — использовать сложившуюся в Китае политическую обстановку для установления господствующего влияния американского капитала.

Такой курс внешней политики США вытекал из основных политических устремлений американского империализма на Дальнем Востоке. Он подсказывался в особенности провалом американской «дипломатии доллара» и тем обстоятельством, что вопреки многочисленным дипломатическим акциям в период президентства Тафта США не смогли занять прочных позиций в северо-восточных провинциях Китая. Даже успех, достигнутый в создании банковского консорциума четырех держав, не мог удовлетворить империалистические круги США.

Консорциум первоначально рассматривался США как орудие политики на Дальнем Востоке. Однако вскоре американских империалистов постигла неудача и в банковском консорциуме. Дело в том, что участники банковского консорциума располагали различной финансовой мощью.

Германская и французская группы «исключительно могущественны и обнимают, — писал Коростовец в конце 1910 г., — едва ли не все крупнейшие банки обоих государств, причем, в частности, парижские банковские учреждения фактически контролируют обороты французского денежного рынка. Английская группа слабее, на что указывает недавнее сепаратное выступление London and Midlands Bank. Американские фирмы занимают подчиненное положение по отношению к континентальным... Роль американцев, строго говоря, сводится к использованию их влияния на китайское правительство в пользу тех операций и предприятий, которые будут финансироваться группами номинально совместно, а фактически по преимуществу в Париже и Лондоне»². Итак, соотношение

¹ The Japanese Embassy to the Department of State, February 23, 1912, «U. S. Foreign Relations», 1912, p. 68.

² АВПР, Пекин, д. 133, Коростовец — Сазонову, 29 ноября 1910 г.

сил участников банковского консорциума было не в пользу американской группы. Были и другие обстоятельства, способствовавшие провалу расчетов США, связанных с консорциумом.

Как известно, царская Россия и Япония выражали недовольство отсутствием в консорциуме русских и японских банков. В апреле 1912 г. царскому правительству было сделано официальное предложение о сотрудничестве с консорциумом.

Вскоре состоялась первая согласительная конференция, на которой царский делегат заявил, что русские банкиры не могут примкнуть к предложенной комбинации консорциума, если другие финансовые группы не признают специальные права и интересы России в Маньчжурии¹. Тогда же Пуанкаре и Э. Грей «посоветовали» своим банкирам (участникам консорциума) поддержать русскую группу.

Летом 1912 г. было подписано соглашение, превратившее четверной консорциум — США, Англия, Франция, Германия — в шестерной, с участием царской России и Японии. Согласно соглашению (статья 2) сфера действия нового, шестерного консорциума расширялась. Она распространялась на «реорганизационный заем» и все займы и авансы, которые могут быть представлены в будущем китайскому правительству, провинциям, властям или компаниям, пользующимся гарантией китайского правительства или провинциальных правительств, за определенным незначительным исключением².

Вхождение царской России и Японии в консорциум свидетельствовало о том, что эта организация уже не является орудием антирусской и антияпонской политики. Тем самым был нанесен серьезный удар намерению американской буржуазии использовать консорциум против империалистических интересов царской России и Японии в Китае.

Вслед за этим последовали и некоторые другие мероприятия, наносившие ущерб интересам американской группы капиталистов, действовавших в консорциуме. Так, например, после острой борьбы участники консорци-

¹ См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. XX, ч. I, стр. 122, 130, 156.

² Agreement in regard to Reorganization Loan, June 18, 1912, MacMurray J. V. A., op. cit., v. 2, p. 1024.

ума согласились ограничить сферу деятельности его «административными» займами в противовес промышленным (железнодорожным) займам.

Как известно, американский капитал больше всего был заинтересован в том, чтобы консорциум занимался железнодорожными займами. Исключение железнодорожных займов из сферы действия консорциума являлось новым ударом по американским расчетам в отношении консорциума.

Таким образом, американский капитал потерпел полное поражение в своих первоначальных претензиях на руководящую роль в консорциуме. С точки зрения экономических перспектив участие в консорциуме не предвещало американским капиталистам особых выгод.

С точки зрения внешнеполитической дальнейшее участие в консорциуме лишь отдаляло американских империалистов от выполнения наиболее важных задач в отношении Северо-Восточного Китая, поскольку в консорциум вошли царская Россия и Япония, имевшие в Маньчжурии исключительные права и привилегии. Кроме того, в широких кругах американской буржуазии наблюдалось определенное недовольство тем обстоятельством, что американское правительство оказывало одностороннюю поддержку финансовому синдикату из четырех банков, входивших в консорциум. Этот синдикат становился, таким образом, единственным представителем США на китайском рынке. «Демократы всегда отрицательно относились к консорциуму, как к соглашению, связывающему свободу действий США, а исключительная поддержка, оказывавшаяся одной группе банков предпочтительно перед другой, признавалась противоречащей принципу равных возможностей для всех американцев»¹.

Были и другие соображения. «Реорганизационный заем»², разработанный при самом образовании шестерного

¹ АВПР, Вашингтон, д. 884, Бахметьев — Сазонову, 12 (15) марта 1913 г.

² Условия «реорганизационного займа» были кабальными. Китайское правительство обязывалось представлять консорциуму перед каждой эмиссией полный список статей, на которые будут израсходованы эти средства; согласиться на подписание чеков как китайским чиновником, так и представителем иностранных банков; учредить государственный контроль с участием иностранных кон-

консорциума, был открыто грабительским мероприятием. Даже правительство Юань Ши-кая, зависимое от иностранных держав и опиравшееся на них, тщетно протестовало против заключения такого займа, но в конце концов согласилось на заем, имея в виду использовать его в своих целях.

Выступление консорциума с «реорганизационным займом» в период революционных событий вызвало бурю возмущения в китайском обществе. Американские политические деятели не могли не учитывать этого обстоятельства, если иметь в виду, что США рязались в тогу «бескорыстного друга» Китая.

Явно грабительские условия займа, так же как и проводившаяся в грубых формах политика европейских держав и Японии в Китае, связывали американскую дипломатию.

Провал американских расчетов и новая обстановка в Китае диктовали руководителям внешней политики США изменение форм и методов американской экспансии в этой стране. В интересах дальнейшего наступления американский империализм стремился проводить более гибкую политику в соответствии с доктриной «открытых дверей».

В этих условиях США решили отказаться от «политики сотрудничества», не связывать себя более с деятельностью шестерного консорциума¹.

Этот политический курс стал осуществляться уже в начале 1912 г., когда конгресс США принял резолюцию, «приветствующую республиканский строй в Китае» во главе с Юань Ши-каем. Он стал еще более определенным после того, как в консорциум вошли царская Россия и Япония — главный соперник США, а сам консорциум выступил с открыто агрессивным «реорганизационным займом».

Теперь Соединенные Штаты Америки стремились сделать такой тактический шаг, который в настоящих усло-

тролеров; реорганизовать управление соляным налогом; поставить во главе управления иностранных чиновников.

Условия займа обязывали китайское правительство признать, что на ближайшее пятилетие консорциум будет финансовым агентом Китая. С его представителями должны обсуждаться все вопросы общей финансовой политики. Без консорциума не могли производиться никакие авансовые или заемные операции.

¹ *Remer C. F., Foreign Investments in China, p. 125—131.*

виях дал бы значительный политический капитал. Этот шаг сделала новая администрация, пришедшая в Белый дом.

Президент США В. Вильсон, избранный от демократической партии, выступил в марте 1913 г. с развернутой программой американского империализма относительно Китая¹. Соединенные Штаты искренне желают, говорил Вильсон, участвовать и весьма широко «в открытии для Китая и для нужд всего мира почти нетронутых и, может быть, ни с чем не сравнимых ресурсов Китая».

Правительство США «активно желает развития самых обширных и тесных торговых отношений между США и Китайской республикой. Нынешняя администрация будет настаивать на проведении законодательных мероприятий, которые предоставили бы американским купцам, промышленникам, подрядчикам и инженерам банковские и иные финансовые льготы, которых они в настоящее время лишены и без которых они находятся в неблагоприятном положении по сравнению с их соперниками как в промышленности, так и в торговле. Это — обязанность правительства. Это — главный материальный интерес его граждан в развитии Китая. Наши интересы — это интересы «открытых дверей», дверей дружбы и взаимных выгод. Это единственные двери, в которые мы хотим войти»².

Провозглашенный новым президентом курс отнюдь не означал отступления американского капитала в Китае. Руководители американского империализма снова выступили с лозунгом «открытых дверей». Подлинного хозяина страны — китайский народ даже не спрашивали, в чем он нуждался и как он желал бы жить дальше. По мнению президента Вильсона, развитие Китая должно было происходить таким путем, чтобы материальные выгоды получала американская буржуазия в первую очередь.

Президент Вильсон не умолчал и о «реорганизационном займе». Он заявил, что «условия этого займа, по нашему мнению, затрагивают независимость самого Китая. Новая администрация не считает, что она может хотя бы косвенно нести ответственность за эти условия. Эта ответ-

¹ *Nearing S. and Freeman J.*, op. cit., p. 51.

² «U. S. Foreign Relations», 1913, p. 170—171.

ственность могла бы в каком-нибудь несчастном случае привести к насильственному вмешательству в финансовые или даже политические дела великого восточного государства, только что пробуждающегося к сознанию своей мощи и своих обязательств по отношению к его народам»¹.

Короче говоря, было ясно, что США не хотели иметь дело с «реорганизационным займом». После выступления Вильсона американская группа, входившая в консорциум, отказалась от участия в «реорганизационном займе»². Заем был заключен без участия банкиров США³.

Этот шаг был, несомненно, политическим маневром США. Дело в том, что заключение крупного «реорганизационного займа» на кабальных условиях китайская общественность, как отмечалось, встретила с большим возмущением.

Позиция США в вопросе о «реорганизационном займе» могла дать американскому империализму определенные выгоды. «Всеобщее понимание, что США не преследуют политических целей в Китае, само по себе обеспечивает, — говорил посланник США в Пекине Рейнш, — дове-

¹ «U. S. Foreign Relations», 1913, p. 170—171.

² История банковского консорциума в Китае является наглядной иллюстрацией к известному положению В. И. Ленина, высказанному им в 1916 г.: «Допустим, что *все* империалистические державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран (имеются в виду Индия, Индо-Китай и Китай. — П. С.), — это будет «интернационально-объединенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, напр., в отношении держав к Китаю. Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма... чтобы такие союзы были не-кратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?»

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа кроме отрицательного. Ибо при капитализме *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может» (В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 281).

³ Американская группа формально осталась членом в составе консорциума. В письме государственному секретарю США от 8 марта 1917 г. американская группа отмечала, что она «сохраняла и все еще сохраняет свое членство в консорциуме».

рие китайцев к американцам и предрасполагает первых к тесному сотрудничеству с последними»¹.

Своим маневром американское правительство противопоставило хорошо завуалированную экспансионистскую политику действиям других держав в Китае.

Демагогическая программа в отношении Китая, выдвинутая Вильсоном, была принята многими за чистую монету, ее встретили с энтузиазмом. Этому способствовала в первую очередь широкая сеть американской агентуры в Китае (миссионеры, корреспонденты, дипломаты и т. д.). В кругах китайской общественности существовало наивное мнение, что после выступления американского президента с американскими предприятиями в Китае будет покончено. «И когда я говорил, — пишет Рейнш, — нет, это только начало, я мог в лучшем случае рассчитывать лишь на вежливое недоверие»².

Политический успех позиции США в вопросе о «реорганизационном займе» был подкреплён вскоре инициативой в деле дипломатического признания Китайской республики, президентом которой стал Юань Шикай.

Противопоставляя американскую политику политике других держав, США отбросили принцип «совместных действий», который теперь стал им ненужным, и 2 мая 1913 г. первыми заявили об официальном признании «республиканского» правительства во главе с Юань Шикаем. Признание со стороны остальных держав последовало только через несколько месяцев.

Активные шаги США в Китае вызывали раздражение среди дипломатических представителей. «Вильсон, — с возмущением писал Бахметьев, — обнаруживает широкое пренебрежение к общепринятым обычаям, которые он, впрочем, еще не имел времени усвоить себе и изучение которых не входило, очевидно, в круг лекций, читаемых им в университете»³.

Признание американским правительством Юань Шикая вызвало недовольтство и в Японии, что в свою очередь обостряло американо-японские противоречия.

¹ *Reinsch P. S., An American Diplomat in China. New York, London 1922, p. 63.*

² *Ibid., p. 42.*

³ АВПР, Вашингтон, д. 3237, Бахметьев — Сазонову, 23 марта (4 апреля) 1913 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху пробуждения Востока главным звеном в дальневосточной политике США была политика в отношении Китая — самой крупной страны Азии.

Поддерживая реакционные силы китайского общества в ущерб прогрессивным, демократическим элементам, американский империализм вел активную борьбу за установление своего политического влияния и экономического господства в этой полукOLONиальной и полуфеодальной стране.

В изучаемый период США не добились осуществления своих планов относительно Китая. Это объяснялось рядом причин.

Экспансия молодого американского империализма в Китае происходила в острой конкурентной борьбе с другими империалистическими державами: Англией, Германией, царской Россией, занимавшими в тот период в Китае серьезные позиции. Достаточно сказать, что сумма капиталовложений этих стран в Китае к началу XX века составляла 85% всех иностранных инвестиций.

Наряду с соперничеством со странами «старого» капитализма американская буржуазия вынуждена была вести в Китае ожесточенную борьбу с молодым империалистическим хищником — Японией, чьи аппетиты в отношении Китая были столь же безграничными, как и американские.

Обострение отношений США с Японией было в известной мере результатом политики поощрения и помощи Японии, проводимой США в период русско-японской войны.

Политика поощрения Японии и предательство США по отношению к корейскому народу в условиях сложившейся тогда международной обстановки сделали возможным для японского империализма захват Кореи и установление там жестокого колониального режима. С благословения Соединенных Штатов Америки Япония закрепила первостепенной важности стратегическую базу для осуществления своих колониальных авантур на континенте против России и Китая.

Важным обстоятельством, обусловившим крушение американских планов, являлась относительная слабость американской экспансии в Китае. К началу 1914 г. общая сумма инвестиций США в Китае составляла 59,299 млн. долл. (капиталовложения в деловые предприятия — 42 млн. долл., хугуанский заем — 7,299 млн. долл., ценности миссионерского имущества — 10 млн. долл.)¹.

Финансовые (экономические) позиции американского капитала значительно уступали позициям других великих держав, хозяйничавших в Китае. Американский капитал в Китае оказался не в состоянии успешно противостоять капиталу и влиянию европейских держав и Японии. А международная ситуация в связи с надвигавшейся первой мировой войной была такова, что диктовала необходимость для этих держав сотрудничества с Японией — главным конкурентом американского империализма на Тихом океане.

В этих условиях американская буржуазия для защиты «своих интересов» в Китае настойчиво выдвигала требование «сохранения территориальной и административной целостности» страны в соответствии с доктриной «открытых дверей» и «равных возможностей». Это делалось отнюдь не ради того, чтобы сломить самую систему иностранного господства в Китае.

«Мы делали все это для того, — пишет Дж. Марион, — чтобы с изменением соотношения сил иметь законную лазейку для быстрого проникновения Америки в английскую, японскую и другие сферы влияния. Мы готовились снести все преграды и овладеть по наследству всем тем, что создала на Дальнем Востоке дипломатия европейского империализма»².

¹ *Remer C. F., Foreign Investments in China*, p. 260, 272, 274, 333.

² *Джордж Марион*, цит. соч., стр. 128.

Политика «открытых дверей» была направлена в то время на усиление американской экономической мощи за счет полуколониального и полуфеодального Китая агрессивными, но не военными методами. Такой курс правящих кругов США определялся отнюдь не миролюбивым американскими империалистами, как это представляют некоторые буржуазные ученые. США в то время не были еще достаточно сильны в военном отношении, чтобы путем вооруженного вмешательства добиваться осуществления своих империалистических замыслов в Китае и на Дальнем Востоке.

Несмотря на значительные усилия, американскому империализму не удалось достичь поставленных задач посредством «дипломатии доллара» и «культурной» экспансии. Политические маневры президента США Вильсона, имевшие известный успех, были как раз рассчитаны на улучшение позиций американской буржуазии и расширение ее сферы эксплуатации в Китае. Однако США не успели воспользоваться достигнутым успехом.

Начавшаяся первая мировая война, в которой приняли непосредственное участие и США, серьезно изменила международную обстановку вообще и на Дальнем Востоке в частности.

Великие державы оказались вынужденными временно ослабить внимание к Китаю и Дальнему Востоку. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, японский империализм в период мировой войны значительно расширил и укрепил свое влияние в Китае, что являлось несомненным ударом по позициям других империалистических держав и в первую очередь США.

Мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция в России внесли коренные изменения в расстановку политических сил на Дальнем Востоке и в отношении Китая. Советская власть окончательно и бесповоротно похоронила империалистическую политику и дипломатию царского самодержавия. С первых дней своего существования Советское государство рабочих и крестьян стало проводить в отношении Китая новую политику, принципиально отличную от политики других держав, социалистическую политику дружбы, мира и равноправного сотрудничества.

После победы блока Антанты в мировой войне основными соперниками в борьбе за политическое и экономи-

ческое господство в Китае оказались Великобритания, Франция, Япония и Соединенные Штаты Америки.

Однако главными конкурентами на Дальнем Востоке были американские и японские империалисты.

Агрессивная политика американского и японского империализма на Дальнем Востоке и Тихом океане подтверждала правильность ленинского прогноза о неизбежности войны между США и Японией.

Экономические и политические противоречия между этими странами подготавливали «бездну горячего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем»¹.

Более чем тридцатилетний период, с 1905 по 1941 г., был периодом непрерывно обострявшихся противоречий между двумя империалистическими хищниками — Америкой и Японией — за монопольное обладание Китаем, за господство в Азии, закончившимся смертельной военной схваткой в 1941—1945 гг.

До капитуляции Японии английские капиталовложения в Китае увеличились приблизительно в 5 раз, американские — в 50 раз, французские — более чем в 4 раза, немецкие несколько уменьшились, а японские, составлявшие в начале века ничтожную сумму, заняли первое место².

После второй мировой войны в результате безоговорочной капитуляции Японии США заняли монопольное положение как в экономике, так и в политике чанкайшистского Китая. Используя политику «открытых дверей», США вытеснили всех конкурентов с китайского рынка. В 1948 г. около 80% всех иностранных инвестиций в Китае составляли американские капиталовложения.

Американская буржуазия не ограничилась вложением капиталов в строительство, в эксплуатацию промышленных предприятий и займами. Свыше 6,7 млрд. долл. затратили США для оказания клике Чан Кай-ши военной и экономической помощи. Снабжая гоминдановскую армию современным оружием, укрепляя ее американскими инструкторами и специалистами, правящие круги США совершили прямую интервенцию, пытаясь во что бы то ни

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 332.

² Вэй Цзы-чу, Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945), М. 1956, стр. 5.

стало удержать прогнивший, ненавистный народу чанкай-шистский режим.

Американский империализм, казалось, был близок к осуществлению заветной цели, поставленной им более полувека назад, — к превращению полуколониального и полупфеодального Китая целиком в американскую колонию. Однако это был расчет без хозяина. Коварные действия США не могли обмануть ни китайский народ, ни другие народы Азии, испившие до дна горькую чашу империалистической агрессии и колониального угнетения.

Великий китайский народ — подлинный вершитель своей судьбы — покончил навсегда с колониальной политикой в отношении Китая. Руководимые героической Компартией Китая, многомиллионные массы китайского народа опрокинули кровавый реакционный режим Чан Кай-ши, вышвырнули его за пределы континентального Китая, а вместе с ним — его покровителей и хозяев — американских империалистов.

Совершив исторический подвиг, талантливый и трудолюбивый китайский народ, сплотившись вокруг рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии, ныне успешно осуществляет строительство независимого, могучего социалистического Китая.

Бредовая мечта монополистов Соединенных Штатов о мировой тихоокеанской империи и о порабощении Китая и народов Азии потерпела полный и окончательный провал.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения
основоположников марксизма - ленинизма

- Маркс К.* Критика Готской программы. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. XV, стр. 265—287.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. XXVII. Письма 1878—1887, стр. 3—697.
- Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и раннее христианство. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. XV, стр. 602—610.
- Ленин В. И.* Международный социалистический конгресс в Штутгарте, Соч. Т. 13, стр. 59—65.
- Ленин В. И.* Горючий материал в мировой политике. Соч. Т. 15, стр. 159—165.
- Ленин В. И.* События на Балканах и в Персии. Соч. Т. 15, стр. 198—208.
- Ленин В. И.* Итоги и значение президентских выборов в Америке. Соч. Т. 18, стр. 373—375.
- Ленин В. И.* К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Соч. Т. 19, стр. 154—170.
- Ленин В. И.* Капитализм и налоги. Соч. Т. 19, стр. 171—174.
- Ленин В. И.* Пробуждение Азии. Соч. Т. 19, стр. 65—66.
- Ленин В. И.* Капитализм и иммиграция рабочих. Соч. Т. 19, стр. 411—413.
- Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы. Соч. Т. 21, стр. 308—311.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. Т. 22, стр. 173—290.
- Ленин В. И.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Соч. Т. 22, стр. 1—89.
- Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч. Т. 23, стр. 16—64.
- Ленин В. И.* Война и революция. Соч. Т. 24, стр. 362—385.
- Ленин В. И.* I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Соч. Т. 25, стр. 1—28.
- Ленин В. И.* К пересмотру партийной программы. Соч. Т. 26, стр. 123—150.
- Ленин В. И.* Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. Соч. Т. 27, стр. 329—345.

- Ленин В. И.* Ценные признания Питирима Сорокина. Соч. Т. 28, стр. 165—173.
- Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. Соч. Т. 28, стр. 390—406.
- Ленин В. И.* Успехи и трудности Советской власти. Соч. Т. 29, стр. 37—69.
- Ленин В. И.* II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г. Соч. Т. 31, стр. 189—209.

* *
*

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. М. 1953.

Работы руководящих деятелей Китайской Народной Республики

- Мао Цзэ-дун.* О классах китайского общества. Избр. произведения. Т. 1. М. 1952, стр. 13—31.
- Мао Цзэ-дун.* Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань. Избр. произведения. Т. I. М. 1952, стр. 35—94.
- Мао Цзэ-дун.* О тактике борьбы против японского империализма. Избр. произведения. Т. 1. М. 1952, стр. 259—304.
- Мао Цзэ-дун.* Место Коммунистической партии Китая в национальной войне. Избр. произведения. Т. 2. М. 1953, стр. 339—367.
- Мао Цзэ-дун.* Относительно противоречия. Избр. произведения. Т. 2. М. 1952, стр. 407—469.
- Мао Цзэ-дун.* Движение 4 мая. Избр. произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 7—12.
- Мао Цзэ-дун.* Направление развития молодежного движения. Избр. произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 13—29.
- Мао Цзэ-дун.* Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. Избр. произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 133—186.
- Мао Цзэ-дун.* О новой демократии. Избр. произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 199—276.
- Мао Цзэ-дун.* За новодемократическое конституционное правление. Избр. произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 325—342.
- Мао Цзэ-дун.* О коалиционном правительстве. Избр. произведения. Т. 4. М. 1953, стр. 457—576.
- Мао Цзэ-дун.* Помнить Сунь Ят-сена. «Правда», 12 ноября 1956 г.
- Лю Шао-ци.* О проекте Конституции Китайской Народной Республики. Доклад на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей первого созыва 15 сентября 1954 г. «Народный Китай» № 19, 1954, стр. 5—35.

* *
*

«Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 г.)». Госполитиздат. М. 1956.

Документы
Неопубликованные документы

- Архив внешней политики России. Фонд Министерства иностранных дел (АВПР).
Телеграммы и донесения русских дипломатических представителей из Вашингтона, Пекина, Токио, Сеула.
Указания и директивы Министерства иностранных дел послам и посланникам России.
Протоколы совещаний, донесения военных и финансовых агентов, вырезки из газет и обзоры иностранной прессы.

Опубликованные

- Ключников Ю. В. и Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От французской революции до империалистической войны.
Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878—1917 гг. Серия II. 1900—1913, Т. XVIII. Ч. I—II; Т. XIX. Ч. I—II; Т. XX. Ч. I—II. Л. 1938.
Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г. Спб. 1906.
Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925 гг.). Сост. Э. Д. Гримм. М. 1927.
British Documents on the Origins of the War, 1898—1914 (Ed. by G. P. Gooch and H. Temperley) vls. II, IV. London 1927—1929.
Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Berlin 1922—1927.
McMurray J. V. A. Treaties and Agreements with and concerning China 1894—1919. V. 1—2. New York 1921.
Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Publication of the Department of State. Washington (с указанием года, к которому относится документация).
Roosevelt Th. Presidential Addresses and State Papers. New York 1910.
Root E. Addresses on International Subjects. Collect. and ed. by R. Bacon and J. B. Scott. Cambridge 1916.
Root E. The Military and Colonial Policy of the United States. Addresses and Reports. Cambridge 1916.
United States Relations with China, with Special Reference to the Period 1944—1949. Washington 1949.

Справочные издания, мемуары,
письма, дневники, биографии

- Биографический очерк Мао Цзэ-дуна. М. 1939.*
Vitte С. Ю. Воспоминания. Т. 1—2. М.—Пг. 1923.
Дипломатический словарь. Т. 1—2. М. 1948—1950.
Извольский А. П. Воспоминания. Перев. с англ. Пг.—М. 1924.
Исии Кихудзиро. Дипломатические комментарии. Перев. с англ. М. 1942.

- Краткая биография Сунь Ят-сена. «Дружба», 11 ноября 1956 г.
 Annual Report on Reforms and Progress in Chosen (Korea), (1911—1912); (1912—1913). Compiled by Government-General of Chosen. Seoul 1913, 1914.
- Bernstoff J. H.* My Three Years in America. New York 1920.
- Bishop J. V.* Theodore Roosevelt and His Time Shown in His Own Letters. V. 1—2. New York 1920.
- Grey E.* Twenty Five Years 1892—1916. 2 vls. London 1925—1926.
- Hayashi T.* The Secret Memoirs. New York—London 1915.
- Korostovetz J.* Pre-War Diplomacy. The Russo-Japanese Problem. Treaty Signed at Portsmouth. U. S. A. 1905. London 1920.
- The Letters of Theodore Roosevelt. by E. E. Morison. Cambridge 1952.
- Pringle H. F.* The Life and Times of William Howard Taft. A biography. 2 vls. New York—Toronto 1939.
- Pringle H. F.* Theodore Roosevelt. A biography. New York 1931.
- Reinsch P. S.* An American Diplomat in China. London 1922.
- Roosevelt Th.* An Autobiography. New York 1929.
- Rosen R.* (Baron). Forty Years of Diplomacy. V. 2. New York 1922.
- Thayer W. R.* Theodore Roosevelt. An Intimate Biography. New York—Boston 1919.
- The Second Annual Report on Reforms and Progress in Korea (1908—1909) Compl. by H. J. I M's Residency General. Seoul 1909.

Монографии и другие работы

- Аварин В. Я.* Империализм в Маньчжурии. М. — Л. 1934.
- Аварин В. Я.* Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М. 1947.
- Аварин В. Я.* Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М. 1952.
- Бабан А. В.* История Северо-Американских Соединенных Штатов. Т. 1—2. Спб. 1912.
- Барраль-Монферра.* От Монро до Рузвельта (1823—1905). Перев. с франц. М. 1925.
- Белов Е. А.* Рецензия на книгу Чэнь Бо-да «Узурпатор и грабитель Юань Ши-кай». «Вопросы истории» № 3, 1953.
- Белов Е. А.* и *Данилов В. И.* Влияние русской революции 1905—1907 гг. на Китай. «Советское востоковедение» № 6, 1955.
- Белявская И. А.* Внутренняя экономическая политика США (1917—1918). М. 1956.
- Березкин А. В.* США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). Изд. 2, доп. М. 1951.
- Бимба А.* История американского рабочего класса. Перев. с англ. М. 1930.
- Богарт Э. Л.* Экономическая история Соединенных Штатов. М. 1927.
- Бонч-Осмоловский А.* Соединенные Штаты и проблема Тихого океана. М. — Л. 1930.
- Ван Юнь-шэн.* Исторические права китайского народа. Тайвань. «Народный Китай» № 20, 1954.
- Васильева В. Я.* Индо-Китай. М. — Л. 1947.

- Великий сын великого народа (30 лет со дня смерти великого революционера-демократа Сунь Ят-сена). «Международная жизнь» № 4, 1955.
- Войтинский Г.* Китай и первая мировая империалистическая война. Труды Института востоковедения. Сб. № 2. М. 1940.
- Выдающийся китайский революционер-демократ (к 30-летию со дня смерти Сунь Ят-сена). «Правда», 12 марта 1955 г.
- Вэй Цзы-чу.* Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945 гг.). Перев. с 3-го китайск изд. М. А. Киселева. М. 1956.
- Гальперин А. Л.* Англо-японский союз 1902—1921 гг. М. 1947.
- Гальперин А. Л.* Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией. «Вопросы истории» № 2, 1951.
- Гальперин А. Л.* К вопросу о генезисе капитализма в Японии. «Советское востоковедение» № 5, 1956.
- Граве В. В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет уполномоченного Министерства иностранных дел В. В. Граве. Спб. 1912.
- Гражданцев А. И.* Корея. Перев. с англ. М. 1948.
- Дай И.* Антиимпериалистическое, патриотическое движение Ихэтуань. «Народный Китай» № 13, 1955.
- Деборин Г. А.* Международные отношения в период русско-японской войны и первой русской революции 1904—1907 гг. М. 1941.
- Деборин Г. А.* Международные отношения до первой мировой империалистической войны (1871—1914 гг.). М. 1941.
- 90-летие со дня рождения выдающегося революционера-демократа Сунь Ят-сена. «Правда», 12 ноября 1956 г.
- Демчинский Б.* Россия в Маньчжурии. Спб. 1908.
- Добров А.* Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М. 1952.
- Добрынин А. Ф.* США и независимость Кореи, 1904—1905 гг. «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. IV, № 4, М. 1947.
- Дун Би-у.* 30-я годовщина со дня смерти Сунь Ят-сена. «Народный Китай» № 7, 1955.
- Дэн Чжун-ся.* Краткая история профсоюзного движения в Китае. М. 1952.
- Ефимов Г. В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. Изд. 2, испр. и доп. М. 1951.
- Ефимов Г. В.* Сунь Ят-сен. БСЭ. Изд. 2. Т. 41.
- Ефимов Г. В.* Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. Т. 1. 1840—1901. М. 1955. «Советское востоковедение» № 3, 1956.
- Жуков Е. М.* История Японии. М. 1939.
- История дипломатии. Под ред. В. П. Потемкина. М. 1945.
- Капица М. С.* Из истории распространения идей марксизма-ленинизма в Китае. «Советское востоковедение» № 2, 1956.
- Кимпен Э.* Империалистическая политика Северо-Американских Соединенных Штатов. Перев. с нем. М. 1925.
- Китай — история и экономика (основные работы советских востоковедов с 1938 по 1953 г.). «Советское востоковедение» № 5, 1955.
- Клод А.* Куда идет американский империализм. Перев. с франц. М. 1951.

- Корейская Народно-Демократическая Республика. Сб. статей. Под общ. ред. Вайнцвайга Н. К. и Лезина В. В. М. 1954.
- Коровин Е. А.* Япония и международное право. М. 1936.
- Курдюков И.* Великий сын китайского народа (к 90-летию со дня рождения Сунь Ят-сена). «Правда», 11 ноября 1956 г.
- Ким Чер Ен.* Борьба корейского народа против японской агрессии. «Новая Корея» № 2, 1954.
- Кюннер Н. В.* Очерки новейшей политической истории Китая. Владивосток 1927.
- Ландберг Ф.* 60 семейств Америки. Сокр. перев. с англ. М. 1948.
- Латышев И. А.* Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане (1931—1941). М. 1955.
- Лафарг П.* Американские тресты. Их экономическое, социальное и политическое значение. Перев. с франц. Спб. 1906.
- Леонтьев В. П.* Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М. 1956.
- Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи. Перев. с корейск. М. 1952.
- Ли Шу.* Революция 1905 г. и Китай. «Дружба», 17 ноября 1955 г.
- Ли Шу.* Политическая жизнь Китая в период революции 1911 г. Перев. с китайск. М. 1956.
- Ли Шу.* Первая русская революция и Китай, первая русская революция и международное революционное движение. К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг. Ч. II. М. 1956.
- Лу Синь.* Собрание сочинений в четырех томах. Перев. с китайск. Вступ. статья Н. Федоренко. М. 1954—1956.
- Лю Гуй-у.* Революция 1911 г. «Народный Китай» № 20, 1955.
- Лю Да-нянь.* История американской агрессии в Китае. Перев. с китайск. М. 1951.
- Лю Да-нянь.* Состояние исторической науки в Китае. «Вопросы истории» № 5, 1953.
- Марион Джордж.* Базы и империя. Карта американской экспансии. М. 1948.
- Ма Цзы-цин.* Железнодорожное строительство в народном Китае. «Народный Китай» № 21, 1954.
- Масленников В.* Китай. Политико-экономический очерк. М. 1946.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949).* Изд. 2, испр. и доп. Под общ. ред. Е. М. Жукова. М. 1955.
- Мельчин А. И.* Американская интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. М. 1951.
- Мировые экономические кризисы (1848—1935 гг.). Под общ. ред. Е. Варга. М. 1937.
- Морской А.* Разочарование в честном маклерстве. М. 1911.
- Мотылев В. Е.* Зарождение и развитие Тихоокеанского узла противоречий. М. 1941.
- Никифоров В. Н.* Очерки истории Китая. Под ред. проф. Шан Юэ. Пекин 1954. [Рец.] «Вопросы истории» № 12, 1955.
- Ниринг С. и Фримэн Д.* Дипломатия доллара. Перев. с англ. Л. 1926.
- Новая и новейшая история Китая. Перев. с китайск. М. 1950.
- Новейшая история стран зарубежного Востока. Вып. 1—2. М. 1954—1955.

- Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. Перев. с корейск. М. 1953.
- Очерки по новой истории Китая. Перев. с китайск. М. 1956.
- Певзнер Я. А.* Экономика Японии после второй мировой войны. М. 1955.
- Перло В.* Американский империализм. Перев. с англ. М. 1951.
- Пигулевская Е. А.* Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М. 1952.
- Попов В. К.* Провал агрессии США в Китае после второй мировой войны. М. 1955.
- Попов К.* Экономика Японии. М. 1936.
- Родов Б.* Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане, 1938—1941 гг. М. 1951.
- Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л. 1928.
- Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг. Изд. 2, испр. и доп. М.—Л. 1955.
- Сато Кайиро.* Япония и Америка в их взаимоотношениях. Перев. с японск. М. 1923.
- Сегкин Н. Г.* Великий китайский революционер-демократ (о Сунь Ят-сене). «Вопросы философии» № 2, 1955.
- Сельдес Д.* 1000 американцев. Перев. с англ. М. 1948.
- Сен-Катаяма.* Япония и Америка. Перев. с англ. М. 1925.
- Сидоров А. Л.* Русско-японская война (1904—1905 гг.). М. 1946.
- Симоновская Л. В.* Пробуждение Китая и революция 1911 г. «Первая русская революция и международное революционное движение. К пятидесятилетию первой русской революции 1905—1907 гг.». М. 1956.
- Симоновская Л.* Союз Гунмэн в Китайской революции 1911—1912 гг. «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока». М. 1952.
- Славин С.* Американская экспансия на северо-востоке России в начале XX века. «Летопись Севера» № 1, 1949.
- Сладковский М. И.* Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М. 1953.
- Сун Цин-лин.* Сунь Ят-сен — великий революционер, сын китайского народа. «Народный Китай» № 22, 1956.
- Сунь Ят-сен.* Капиталистическое развитие Китая. Перев. с китайск. М. 1925.
- Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг. Изд. 2, доп. М.—Л. 1928.
- Тарле Е. В.* Европа от Венского конгресса до Версальского мира 1814—1919 гг. Л. 1927.
- Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая. Т. 1, 1840—1901. Перев. с китайск. М. 1955.
- Фань Вэнь-лань.* Столетний период борьбы китайского народа против империализма и феодализма. «Новый Китай» № 2, 1955.
- Федоренко Н. Т.* Очерки современной китайской литературы. М. 1953.
- Федоренко Н. Т.* Лу Синь. К 75-летию со дня рождения. «Правда», 25 сентября 1956 г.
- Фостер Уильям Э.* Очерк мирового капитализма. Перев. с англ. М.—Л. 1932.

- Фостер Уильям З.* Закат мирового капитализма. Перев. с англ. М. 1951.
- Фостер Уильям З.* Негритянский народ в истории Америки. Перев. с англ. Изд. 2. М. 1955.
- Фостер Уильям З.* Негритянский народ в истории Америки. Перев. с англ. М. 1955.
- Фридбах Ю.* В тени форта Ноксе. Перев. с нем. М. 1949.
- Фурсенко А. А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, 1895—1900. М. — Л. 1956.
- У Сю-цунань.* О вооруженной агрессии США против Китая. Выступление представителя Центрального народного правительства Китайской Народной Республики на заседании Совета Безопасности, 28 ноября 1950 г. М. 1950.
- У Юй-чжан.* Великий революционный дух Сунь Ят-сена. «Дружба», 11 ноября 1956 г.
- Хаяма У.* Япония. Изд. 2, испр. и доп. М. 1939.
- Хвостов В. М.* История международных отношений 1871—1917 гг. Ч. 1. М. 1947.
- Хольцов Л. С.* Современная Америка. Спб. 1912.
- Ху Хуа.* Рождение Коммунистической партии Китая. «Народный Китай» № 13, 1954.
- Ху Цяо-му.* Тридцать лет Коммунистической партии Китая. Перев. с китайск. М. 1952.
- Ху Шэн.* Агрессия империалистических держав в Китае. Перев. с китайск. М. 1951.
- Изин У.* Революционные события 1905 г. и Китай. «Дружба», 22 декабря 1955 г.
- Цзинь Вэй-но.* Фрески Дуньхуана. «Народный Китай» № 3, 1956.
- Цзянь Бо-цзань.* Великий китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен. «Народный Китай» № 7, 1955.
- Цин Жу-ци.* История американской агрессии на Тайване. М. 1956.
- Цинь Бень-ли.* История экономической агрессии американского империализма в Китае. Перев. с китайск. М. 1951.
- Чень Цю-фань.* Лу Синь — знаменосец новой культурной армии китайского народа. «Народный Китай» № 18, 1956.
- Чжан Ге-сянь.* Произведения А. П. Чехова в Китае. «Народный Китай» № 17, 1954.
- Чжоу И-лян.* Изучение истории стран Азии в Новом Китае. «Дружба», 29 марта 1956 г.
- Чэнь Бо-да.* Чан Кай-ши — враг китайского народа. Перев. с китайск. М. 1950.
- Чэнь Бо-да.* Четыре семейства Китая. Перев. с китайск. М. 1948.
- Чэнь Цин-хуа.* Реформаторское движение 1898 г. в Китае. «Народный Китай» № 11, 1955.
- Шабшина Ф. И.* Освободительное движение корейского народа в 1905—1911 гг. «Первая русская революция и международное революционное движение». Ч. II. М. 1956.
- Эренбург Г. Б.* Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время. М. 1950.
- Эренбург Г. Б.* Революция 1905—1907 гг. в России и революционное движение в Китае. Стеногр. публ. лекции. М. 1955.
- Adams R. G.* A History of the Foreign Policy of the United States. New York 1924.

- Akagi R. H.* Japan's Foreign Relations 1542—1936. Tokyo 1936.
- Alden C. S.* and *Westcott A.* The United States Navy. A history. Chicago 1943.
- Bailey T. A.* Theodore Roosevelt and the Japanese-American crises. California — London 1934.
- Bank of Chosen. Economic History of Chosen. Seoul 1920.
- Bau M. J.* China and World Peace. Studies in Chinese International Relations. New York — Chicago 1928.
- Bau M. J.* The Foreign Relations of China. A history and a survey. New York — Chicago 1921.
- Bau M. J.* The Open Door Doctrine in relation to China. New York 1923.
- Beard Ch. A.* Contemporary American History 1877—1913. New York 1915.
- Beard Ch. A.* and *Beard M. R.* The Rise of American Civilization. 2 vls. New York 1933.
- Bemis S. F.* A Diplomatic History of the United States. New York 1946.
- Brown A. J.* The Mastery of the Far East. The Story of Korea's transformation and Japan's rise to supremacy in the Orient. New York 1921.
- Bywater H. Ch.* Sea Power in the Pacific. A study of the American-Japanese naval problem. London 1934.
- Callcott W. H.* The Caribbean Policy of the United States, 1890—1920. Baltimore 1942.
- Chung H.* The Oriental Policy of the United States. New York — Chicago — London — Edinburgh 1919.
- Churchill W. S.* The Second World War. V. III. The Grand Alliance. London — Toronto — Melbourne — Sydney 1950.
- Clyde P. H.* International rivalries in Manchuria, 1689—1922. Columbia 1928.
- Davie M. R.* World Immigration. New York 1936.
- Dennett T.* Americans in Eastern Asia. A critical study of the policy of the United States with reference to China, Japan and Korea in the 19-th century. New York 1922.
- Dennett T.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. A critical study of American Policy in Eastern Asia in 1902—1905. New York 1925.
- Dennis A. L.* Adventures in American Diplomacy, 1896—1906. New York 1928.
- Dulles F. R.* Forty years of American-Japanese relations. New York — London 1937.
- Dulles F. R.* Behind the Open Door. The story of American Far Eastern Relations. St. Louis 1944.
- Dulles F. R.* America in the Pacific. A century of expansion. 2-nd ed. Boston — New York 1938.
- Dunn R. W.* American Foreign Investments. New York 1926.
- Faulkner H. U.* American Economic History. New York — London 1943.
- Fish C. R.* American Diplomacy. New York 1923.

- Foster I. W.* American Diplomacy in the Orient. Boston — New York 1926.
- Gelber L. M.* The Rise of Anglo-American Friendship. A study in World politics. 1898—1906. London 1938.
- Grajdanzev A. J.* Modern Korea. New York 1944.
- Griswold A. W.* The Far Eastern Policy of the United States. New York 1938.
- Halbert H. B.* The Passing of Korea. New York 1906.
- Hamada K.* Prince Ito. London 1936.
- Harrington F. H.* God Mammon and the Japanese. Horace N. Allen and Korean-American relations, 1884—1905. Madison 1944.
- Jones R. L.* History of the Foreign Policy of the United States. New York 1933.
- Kennan G. E. H.* Harriman. A Biography. Vol. II. Boston — New York 1922.
- Latane J. H.* America as a World Power 1897—1907. New York — London 1907.
- Latane J. H.* A History of American Foreign Policy. New York 1927.
- Latane J. H.* and *Wainhouse D. W.* A History of American Foreign Policy 1776—1940. New York 1944.
- Lippincott J.* Economic Development of the United States. New York — London 1931.
- MacCaleb M. F.* Theodore Roosevelt. New York 1931.
- McKenzie F. A.* Korea's Fight for Freedom. New York 1920.
- McKenzie A. R.* Church and Missions in Manchuria. London 1928.
- Mahan A. Th.* The Interest of America in Sea. Power, Present and Future. Boston 1897.
- Mahan A. Th.* The Influence of Sea Power upon History 1660—1783. Boston 1898.
- Mazur P. M.* America Looks Abroad. New York 1930.
- Millard T. F.* Our Eastern Question. New York, 1916.
- Millard T. F.*, America and the Far Eastern Question. New York 1909.
- Morse H. B.* The International Relations of the Chinese Empire. 3 vls. New York 1910, 1918.
- Nearing S.* The American Empire. New York 1921.
- Nearing S.* and *Freeman J.* Dollar Diplomacy. A study in American Imperialism. New York 1926.
- Nelson M. F.* Korea and the Old Orders in Eastern Asia. Louisiana 1946.
- Oliwer R. T.* Korea: forgotten Nation. Washington 1944.
- Overlach T. W.* Foreign Financial Control in China. New York 1919.
- Pan Shü-Lun.* The Trade of the United States with China. New York 1924.
- Pan Shü-Lun.* The Present Condition in China. Shanghai 1932.
- Remer C. F.* The Foreign Trade of China. Shanghai 1926.
- Remer C. F.* Foreign Investments in China. New York 1933.
- Rhodes J. F.* The McKinley and Roosevelt Administrations, 1897—1909. New York 1923.
- Smith A. H.* China and America To-day. New York — Chicago — Toronto 1907.
- Sprout H.* and *Sprout M.* The Rise of American Naval Power (1776—1918). Princeton 1946.
- Treat P. J.* The Far East. New York — London 1935.

- Treat P. J.* Diplomatic Relations between the United States and Japan. 1825—1905. London—California 1938.
- Treat P. J.* Japan and the United States, 1853—1921. Boston—New York 1928.
- Tupper E.* and *McReynolds G.* Japan in American Public Opinion. New York 1937.
- Uyehara S.* The Industry and Trade of Japan. London 1926.
- Viallate A.* Economic Imperialism and International Relations during the Last Fifty Years. New York 1923.
- Young C. W.* The International relations of Manchuria. Chicago 1929.
- Zabriskie E. H.* American-Russian Rivalry in the Far East: A study in Diplomacy and Power Politics 1895—1914. Philadelphia—London 1946.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
<i>Глава I.</i> Провал расчетов США использовать Японию в своих экспансионистских целях	17
§ 1. План Э. Гарримана относительно Северо-Восточного Китая	—
§ 2. Обострение противоречий между США и Японией в области торговли	31
§ 3. Борьба американского капитала за «свою долю» в эксплуатации Кореи	51
§ 4. Конвенция между США и Японией о фирменных клеймах и знаках в Китае и Корее	55
§ 5. Позиция американского правительства по вопросу о японских иммигрантах в США	59
§ 6. Военно-морская демонстрация на Дальнем Востоке (1907—1908 гг.)	75
§ 7. Соглашение Рут—Такахира — временная империалистическая сделка между США и Японией	87
<i>Глава II.</i> Американская «дипломатия доллара» в Китае в 1909—1911 гг.	101
§ 1. Лицемерная политика «дружбы» с Китаем	—
§ 2. «Дипломатия доллара»	115
§ 3. План «интернационализации» железных дорог Маньчжурии	152
§ 4. США и деятельность Международного банковского консорциума в Китае	172
§ 5. Неудачи американской дипломатии в Китае	195
<i>Глава III.</i> Пособничество американских империалистов аннексии Кореи Японией	203

<i>Глава IV. Позиция Соединенных Штатов Америки в отношении синхайской революции</i>	<i>240</i>
§ 1. Подъем революционного движения китайского народа. Цинское правительство — слуга иностранных держав	—
§ 2. Синхайская революция и «нейтралитет» США	251
§ 3. Устранение Сунь Ят-сена с поста президента. Политические маневры США	270
З а к л ю ч е н и е	294
Список использованной литературы	299

Севостьянов Павел Петрович
Экспансионистская политика США
на Дальнем Востоке
(в Китае и Корее в 1905—1911 гг.)

Редактор *Ю. Георгиев*
Художник *Л. Галлий*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *А. Данилина*
Ответственные корректоры *А. Левина* и *В. Смирнова*

Сдано в набор 8 июня 1957 г. Подписано в печать 25 января 1958 г.
Формат 84×108^{1/2}. Физ. печ. л. 9^{3/4}. Условн. печ. л. 15,99.
Учетно-изд л. 17,05. Тираж 10 тыс. экз. А00455.
Заказ № 318. Цена 10 руб.

Государственное издательство политической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Тип. Трудрезервиздата. Москва, Хохловский пер., 7.

Отпечатано с готового набора в 15-й типографии «Искра революции»
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза. Москва.

с. 1. 1981 г.
1

НОВАЯ ЦЕНА
руб. = коп. 30

4749 —
Новая = 30 коп

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА США НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ